

213

На боевом посту **СП** 11'90

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

И. Шафаревич. Есть ли будущее у России?
Эно Чернобыля. Отверженные
Исповедь "вора в законе"

ПОРЯДКА

10 НОЯБРЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ
МИЛИЦИИ

На снимке: рядовые А. Саложников и
С. Черников на маршруте патрулирования.

Фото П. САЛЬКОВА.

За нашу Советскую Родину!

на боевом посту **СП**

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК
МВД СССР**

11'90

Издается с 1958 г.

Главный редактор
А. Г. ГОРЛОВ.
Редакционная коллегия:
В. В. АСТАШИН,
В. В. БАРСУКОВ,
Б. Р. БОРУКАЕВ,
В. И. БУСЫГИН
(ответственный секретарь),
Ю. В. ДУРНЕВ,
Н. М. ЗАХАРЧЕНКО,
А. П. КОТЛЯРОВ,
И. Т. КОЗЛОВ,
В. Ф. КУЗЬМЕНКО,
Г. А. МАЛЮШКИН,
Е. А. НЕЧАЕВ,
Л. А. ПАНКРАТОВ,
Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,
Ю. Л. РАЖЕВ
(зам. главного редактора),
А. С. СОКК,
П. А. СТУДЕНИКИН,
В. Н. УСКОВ
(зам. главного редактора),
В. А. ШОШИН.

■ НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ
ОБЛОЖКИ: горячие точки —
кровооточающие раны на теле
страны. Какое нужно лекарст-
во, чтобы они наконец заруб-
цевались? Трудно найти от-
вет.

Фото И. МИХАЛЕВА.

НА СТРАЖЕ

■ Сержанту Г. Гельду, как никому другому, нужны острый глаз, наблюдательность и выдержка. На то он и снайпер.

■ На самых горячих участках солдаты неизменно видели лейтенанта Ю. Карсымбаева и его правую руку (без связи — куда) радиста рядового С. Аспанова.

■ Сержант С. Бурханов: «Отделение! В атаку, вперед!»

■ До природных ли чудес в пылу боя!! А теперь вдруг заметили усталые «победители» — красотища-то какая...

ФОТО А. АЛЕКСАНДРОВА.

ДВЕНЬМ И ОВЪЛ ОЛДЪНЪВ

Кто сказал, что удел замполита — лекции, беседы и разговоры по душам? Пришлось вот командиру взвода срочно заступить на службу — не переносить же из-за этого плановые занятия по боевой подготовке в отделении спецназа. В учебе главное — непрерывность и последовательность, и потому место подчиненного занял политработник лейтенант Ю. Карсымбаев. И отнюдь не формы ради. Учебный бой, который под его командованием вступили спецназовцы, был напряженным, насыщенным различными и совсем непростыми вводными. Причем их решение зависело и от того, насколько каждый солдат знает «свой маневр», и от слаженности отделения.

ФОТО Б. ПОПОВА.

Лучше гор —
только горы.

Я спросил тебя: «Зачем идете в гору вы! —
А ты к вершине шла, ты рвалася в бой. —
Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово». —
Рассмеялась ты и взяла с собой.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

На снимке: прапорщик Татьяна Волкова.

216

На боевом посту

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ПОЧТИ ПО ДЮМА

«ВЗЫСКАНИЕ НЕ СНИМАТЬ!»

Когда служил еще старшиной роты (теперь я контролер), командир части объявил мне два взыскания. Первое — в 1986 году, второе — в марте 1988-го.

Спрашивал у офицеров подразделения, через какое время снимаются взыскания. Одни говорят — через шесть месяцев, другие — через год. А может, десять лет спустя?

Мой командир, капитан Ветошкин, написал ходатайство о снятии с меня взысканий — претензий у него ко мне нет, но начальник политотдела части против. Почему — непонятно.

Прапорщик И. ХАФИЗОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Письмо прапорщика И. Хафизова мы попросили прокомментировать полковника В. ЖУРАВЛЕВА из Главного управления внутренних войск. Вот что он сообщил.

Порядок применения поощрений (им является и снятие ранее наложенного взыскания) изложен в Дисциплинарном уставе Вооруженных Сил СССР. Каких-то конкретных сроков снятия взысканий — один, два месяца или год — там нет. Начальник имеет право снять взыскание только после того, как оно сыграло свою воспитательную роль и военнослужащий исправил свое поведение образцовым выполнением воинского долга (см. ст. 42 Дисциплинарного устава ВС СССР).

Если военнослужащий исправился, а дисциплинарное взыскание не снимается, то оно утрачивает свою воспитательную силу и ничего, кроме недоумения и возмущения, переходящих со временем в безразличие к службе, у подчиненного не вызывает.

ПОСТСКРИПТУМ. Факты, изложенные в письме прапорщика И. Хафизова, проверены на месте начальником политотдела соединения. Они подтвердились. Взыскания с прапорщика И. Хафизова сняты.

О СОКРОВЕННОМ

«Пошлите служить в ВВ!»

Школьный друг нашего сына служит сейчас в армии. В письмах он не скрывает — трудно. Сожалеет, что в свое время не занялся по-настоящему спортом и не приобрел никакой специальности. Чтобы не повторить ошибок друга, Виктор поступил на курсы шоферов при райвоенкомате. Купил гантели, играет в футбол.

Меняется сын на глазах. Последнее время все больше с дедом общается, бывшим офицером внутренних войск. Побывали с ним в Центральном музее внутренних войск МВД СССР. Потом долго обменивались впечатлениями.

Как-то на день рождения к деду пришли однополчане и принесли несколько журналов «На боевом посту». Сын прочитал их от корки до корки. А недавно из военкомата пришла анкета. Там был вопрос: «В каких войсках желаете служить?» Виктор написал: «Пошлите служить в ВВ!»

Е. В. ТОКАРЕВА.

О НИХ ЗАБЫЛИ...

Когда случилось землетрясение в Армении, одним из первых для оказания помощи пострадавшим туда прибыло подразделение, в котором служит мой сын.

Голыми руками, позабыв о еде и отдыхе, разбирали воины завалы. Это о них написал Давид Гай в книге «Унесу боль твою»: «Тридцать два человека откопали подчиненные подполковника В. Окишева. Капитан В. Юрченко, старший лейтенант О. Овчинников, прапорщик Е. Осипович, сержанты Н. Федоров, О. Телец, А. Третьяк, И. Костюк, Ю. Харитонов, рядовые М. Чупкиндзэ, Н. Перепечай...»

Потом сыну и его подчиненным поставили новую задачу—охранять нефтеперегонный завод. Были ночи, когда мародеры держали его под обстрелом, не давая поднять головы от земли, но прорваться к цистернам с горючим им так и не удалось.

Когда сын приехал в отпуск, я поинтересовался у него: как отметили солдат за декабрьские события? Помрачнев лицом, он ответил: «О них забыли!»

Заграничных спасателей, приехавших на помощь армянскому народу с дрессированными собаками и уникальной техникой, наградили орденами. А для наших ребят не нашлось и нескольких слов благодарности. Обидно!

Поверьте, даже не в наградах дело. Ведь пример равнодушия начальников может сослужить не самую хорошую службу в формировании в общем-то совсем молодых людей, у которых еще все впереди.

В. ОВЧИННИКОВ.
г. Калининград.

ДЕТЯМ МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ

Во втором номере журнала за прошлый год мною внесено на суд читателей предложение о создании мемориала детям минувшей войны. Благодарю всех, кто поддержал мое предложение, и с радостью сообщаю, что 28 марта 1990 года Советом Министров СССР принято решение о сооружении такого мемориального комплекса в городе Москве. Памятник будет сооружен на добровольные пожертвования, поэтому обращаюсь ко всем читателям журнала «На боевом посту» поддержать эту большую человеческую акцию. Деньги можно перечислить по адресу:

«МОСКВА, ФОНД НА СООРУЖЕНИЕ МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА В ЧЕСТЬ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ, ОПЕРАЦИОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРИ ЖИЛСОЦБАНКЕ СССР МФО 29908, РАСЧЕТНЫЙ СЧЕТ № 700496».

Генерал-майор в отставке Я. КОЗАЧОК,
ветеран внутренних войск.

ПИСЬМО НА ОСОБОМ КОНТРОЛЕ

ВМЕСТО «ГРУШИ»

С первых дней службы мы постоянно сталкиваемся, мягко говоря, с негативными явлениями. Самое страшное, что в роте процветает рукоприкладство со стороны офицеров. Так один из нас, подписавших письмо, рядовой Шевченко, «получил по зубам» за то, что, будучи больным, лежал на кровати. Зубами поплатился за свою нерадивость рядовой Турсикпаев. Тренировочной «грушей» для занятий боксом служит командир роты рядовой Аббасов. Его ротный не случайно выбрал себе в спарринг-партнеры—службу тот несет без оружия. А вот замполит наш, старший лейтенант Зимовец, солдат не бьет, а... душит.

Человеческому достоинству у нас грош цена. На плацу перед строем рядовым Семенову и Шармазанянцу выстригли на голове «шахматную доску». Издеваются и над национальными чувствами солдат. А ведь эту струнку задевать сейчас ох как опасно!

Еще у нас собирают деньги неизвестно на что. Командир роты—собирает. Замполит—собирает. Замкомзвода тоже собирает. Может, нам денежное содержание не деньгами получать, а натурой—сигаретами и конфетами?

Мы-то скоро увольняемся в запас, но нас волнует, что будет с теми, кому еще служить и служить? Не хотим, чтобы они разделили нашу участь.

...Жаловаться командирам и политработникам мы уже устали. Ни командир части, ни начальник политотдела мер никаких не принимают, хотя и обещали. Так что надежда только на журнал.

Рядовой В. ШЕВЧЕНКО и др.

ОТ РЕДАКЦИИ. Как сообщил нам начальник политотдела ВВ МВД СССР по Уралу полковник А. Чайковский, изложенные в письме факты «частично подтвердились. К виновным лицам, в частности, к командиру роты старшему лейтенанту Н. Ануфриеву и его заместителю по политической части старшему лейтенанту О. Зимовцу приняты меры дисциплинарного и общественного воздействия».

Хотелось бы уточнить. Во-первых, какие же факты подтвердились? Во-вторых, что значит «меры общественного и дисциплинарного воздействия»!

Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

218

КОНТРАСТЫ ВРЕМЕНИ

Игорь ШАФАРЕВИЧ:

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У РОССИИ?

Этот вопрос уже не назовешь риторическим — с болью и тревогой задает его все большее число людей.

Вот что, например, по этому поводу пишет капитан Ю. Зобнин: «...Еще вчера для меня кощунством звучали предложения о выходе из состава СССР союзных республик. Воспринимал я это однозначно: есть силы, которые никогда не смирятся с существованием нашей страны как великой державы. Сегодня, однако, это становится фактом — даже Россия, которая на протяжении многих столетий предпринимала столь много усилий, чтобы объединить народы в несокрушимый союз, объявила о своем суверенитете. Но дальше-то еще хуже: не успели мы, как говорится, «попробовать на зубок», что же собой представляет этот самый суверенитет, как уже начинают разваливать на «суверенные государства» и саму Россию.

Разгул национализма и бездуховности, диктат «денежного мешка» над всеми другими человеческими ценностями... Рушится на глазах то, что создавалось веками. Что ждет нас и Россию в целом в недалеком будущем? Больно, страшно даже подумать об этом...»

Те же боль и тревога за будущее России заставили взяться за перо и выдающегося математика, лауреата Ленинской премии, члена-корреспондента АН СССР Игоря Ростиславовича Шафаревича — автора неординарных книг, известных, впрочем, больше на Западе, чем у нас.

Одна из первых его работ, посвященных российским проблемам, так и называется «Есть ли будущее у России?». Ее мы и предлагаем сегодня нашим читателям.

ЕДВА ТОЛЬКО стал к нам возвращаться дар свободной мысли, а уже возник этот страшный, но неизбежный вопрос: **КАКОВО БУДУЩЕЕ РОССИИ И НАШЕ МЕСТО В ЕЕ СУДЬБЕ!** Как не отпугивает он своей непосильностью и неразрешимостью, о нем нельзя не думать, от ответа на него зависят ответы на остальные вопросы жизни.

А думать страшно, потому что возникает сомнение, которое жутко и выговорить: **ЖИВА ЛИ ЕЩЕ РОССИЯ!** Ведь жизнь и смерть народов не так резко разграничены, как у живых организмов. Историческое предназначение народа может быть исполнено, творящая душа может его уже покинуть, а тело его — государство — будет десятилетиями активно: казнить еретиков или покорять соседей. Для великой страны **ЖИТЬ** — не значит лишь не распадаться на части и сводить концы с концами в своем хозяйстве...

Недавно в одном из самых ярких и умных произведений, которые дала русская мысль после революции, А. Амальрик предложил ответ на этот вопрос. На основе многих тонких наблюдений и исторических параллелей он пришел к выводу, что Россия приближается к завершению своего исторического пути. По его мнению, некоторое смягчение строя не свидетельствует о начале продуманной политики либерализации: оно есть признак одряхления режима, который не способен ни изменяться в ответ на требования жизни, ни достаточно эффективно бороться с сопротивлением.

Но нет и других сил, способных претендовать на руководство жизнью. Интеллигенция, или средний класс, как ее называет автор, проникнута бюрократической психологией, культом покорности, она бессильна выработать независимую точку зрения или организовать. Христианская мораль выбита и выветрена из сознания народа, который способен уважать лишь силу, но не личность и свободу. Русскому народу, считает автор, вообще чужда идея равенства всех перед законом, идея свободы и вытекающей из нее ответственности, он отождествляет свободу с беспорядком. Вместо нее у народа есть другая идея — справедливости. Но и она носит деструктивный характер, сводится к принципу: пусть никому не будет лучше, чем мне. С пугающей убедительностью рисует автор наше будущее: неудачную, затяжную войну, рост центробежных сил местного национализма, нарастающие экономические, в частности продовольственные, трудности, разрушительные и жестокие взрывы народного недовольства и в конце — гибель России, распадение ее на части. Амальрик предсказывает и сроки, когда закончится наша 1100-летняя история, — это 1980-е годы.

Таков ответ Амальрика на наш вопрос: Россия умерла, впереди ее разложение. Что же, великие государства гибли и раньше, и чувства отчаяния и внутреннего протеста, которые вызывает вынесенный приговор, не означают, что он несправедлив. Но эти чувства требуют от нас принять приговор только после того, как будут отброшены все остальные возможности, продуманы все пути развития. А такого впечатления работа Амальрика как раз не оставляет. Если, например, автор в одной фразе утверждает, что у русского народа идея справедливости оборачивается ненавистью ко всему из ряда вон выходящему, к любой индивидуальности, а в предыдущей — что за справедливость русские готовы и на костре сгореть — то здесь явно что-то не сходится. Вообще, создается впечатление, что идея справедливости как силы, которая может влиять на историю, чужда автору.

Значение этой работы представляется мне именно в том, что в ней один путь пройден до конца, один строй мыслей продуман исчерпывающе. Если смотреть на историю с точки зрения взаимодействия **ИНТЕРЕСОВ** различных социальных групп и личностей, их прав, гарантирующих эти интересы, или как на результат воздействия экономических факторов, то у России будущего нет — против аргументов Амальрика возразить нечего.

Но ведь есть в истории процессы, которые основываются на совсем других принципах. Не нам забывать такой пример, как Октябрьская революция. Уж кто лучше Ленина чувствовал малейшие колебания социальных и классовых сил, а за не-

сколько дней до февральской революции и в письме к швейцарским рабочим убедительно доказывал, что сейчас она и не может победить в России, самой мещанской стране в Европе...

Или, когда на 400 лет раньше неизвестный монах Лютер вступил в борьбу с величайшей силой тогдашнего мира, казалось, что он действует противно всем социальным и историческим законам.

Вот с такой точки зрения хотелось бы еще раз продумать судьбу России. Медицина многое может сказать о болезни и смерти, но религия знает еще и воскресение. И где больше, чем в жизни народов, применимы эти загадочные слова:

**ИБО КАК СМЕРТЬ ЧЕРЕЗ ЧЕЛОВЕКА,
ТАК ЧЕРЕЗ ЧЕЛОВЕКА И ВОСКРЕСЕНИЕ.**
(I Коринф. 15, 21)

II

КАЖЕТСЯ, что слова эти обращены прямо к нам, указывают нам путь. Ведь если ни класс, ни партия, ни удачное сочетание сил в мировой политике не способны остановить ту тень смерти, которая начинает уже опускаться на Россию, то, значит, это может быть сделано только через **ЧЕЛОВЕКА**, усилиями отдельных человеческих индивидуальностей.

Но не безнадежно ли людям пытаться остановить неизбежное действие законов истории? Это самое серьезное возражение, и его надо обсудить прежде всего.

Уже которому поколению с детства внушают, что личность бессильна повлиять на ход истории, что он определяется безличными факторами экономики и производства. И мы так прониклись этим представлением, что, кажется, и позабыли проверять его своим умом. Казалось бы, нельзя узнать характер законов истории, не зная самих этих законов, а законы в любой науке проверяются сравнением и опытом.

Проделаем только один опыт и возьмем для этого закон, который казался всем высказывавшим его столь бесспорным, что они называли его «железным». Это «железный закон заработной платы», согласно которому плата, получаемая рабочим при капиталистическом способе производства, будет всегда соответствовать **МИНИМУМУ** средств, необходимых для его существования. Отсюда выводилась неизбежность абсолютного обнищания пролетариата. Сейчас как-то неловко и вспомнить о подобных пророчествах. Богатство рабочих Западной Европы и Америки не только непрерывно растет, но серьезной проблемой становится уже то, что они благодаря стачечной борьбе и политике профсоюзов получают гораздо больше, чем по справедливости причитающаяся им доля продук-

та. И так обстоит со всеми предсказаниями этих оракулов: о начале революции в наиболее промышленно развитой стране, о разрушении капитализма под ударами периодически повторяющихся кризисов, об отмирании государства при социализме, замене армии милицией, о невозможности войн между социалистическими странами и т. д., куда ни глянь. Вывод может быть лишь один: истины в этих теориях не найти. Их авторы либо совсем не понимали законов истории, либо говорили не то, что думали.

Но посмотрим на их дела. Октябрьскую революцию делали люди, фанатически убежденные в том, что история управляема, ход ее может изменить и маленькая группа людей, если они знают, как взяться за дело. Октябрь определил характер нашего века. Вера в то, что власть валяется под ногами, распространилась по всему миру, и вот эта концепция действительно подтверждается опытом — в Италии, Германии, Латинской Америке, Китае и Африке. А люди, которые все это движение начали, проповедовали, что личность бесильна перед имманентными законами истории. Какое странное противоречие!

Если судить не по словам, а по делам, то люди, готовившие и делавшие революцию, считали, что человеческая индивидуальность с такими ее проявлениями, как совесть, честь, любовь к другим людям и к родине, — это величайшая сила истории. Сколько трудов было потрачено, чтобы парализовать эту силу: убедить, что нравственность, мораль, гуманность, патриотизм — смешные, ненаучные понятия, что поведение человека определяется лишь выгодой, интересами той группы, класса или партии, к которой он принадлежит. Это была не только литературная деятельность: когда солдат — защитник родины — бежал с фронта и оборачивал штык против своего соседа-помещика, это служило той же цели.

Но зато как окупилась эта труды! Вот где разгадка тайны иначе необъяснимой покорности: чтобы бороться за жизнь, страх не поможет, нужно, чтобы душа сохранила еще нравственные силы. Кто днем на собрании голосовал за расстрел обвиняемых по процессу Промпартии, ночью будет ждать своего ареста. И результат будет пропорционален степени вовлеченности души в это мировоззрение: крестьяне, хоть со сломленной волей, пытались бороться, восставали, а старые большевики шли в лагерь с пенем революционных песен и, получая свою пулю, кричали в подвале: «Да здравствует Сталин!».

Отрицать существование законов истории значило бы отказаться ее понять. Но разве правдоподобно, что эти законы такие же, как законы работы часового механизма? Даже квантовая механика считает принципиально невозможным исключить воздействие наблюдателя на наблюдаемое

явление. А законы истории должны, конечно, в качестве основного элемента включать воздействие человеческих личностей, свободу их воли. Да, из этого исходили не только политики, но и все великие историки. И при каждом повороте истории, куда бы он ни вел человечество, была ли это победа христианства или Октябрьской революции, решение всегда лежало в руках людей, зависело от их воли.

III

То, что люди могут влиять на ход истории, не значит, что и мы способны на это сейчас, в нашей стране. Каждый из нас является не только индивидуальностью, но и частью грандиозного механизма, подчиняющегося своим собственным законам и предъявляющего к своим деталям требования, отнюдь не учитывающие их свободную волю и бессмертную душу. Некогда И. В. Сталин ласково назвал всех нас «винтиками» и даже провозгласил тост за здоровье «винтиков». Сохранились ли в душах винтиков силы, способные противостоять давлению механизма?

Я уверен, что эти силы есть, что каждый, кто хочет, способен уже сейчас сделать первые шаги к своему освобождению и что препятствия к этому не вне, а внутри нас — наши жизненные установки.

Представим себе, как это конкретно происходит, что нас опутывает несвобода. Сейчас только редким людям, да и то всего несколько раз в жизни приходится принимать решения, за которые они могли бы поплатиться головой или свободой. Но на каждом шагу жизнь предлагает нам сделать выбор в небольшом вопросе: немного уступить силе, пригнуться или же устоять, слегка распрямиться. Настойчиво приглашают вступить в партию — вступать ли? Родился ребенок — крестить ли его в церкви? Зовут на собрание, где ни докладчик, ни один из слушателей не верит в то, что говорится, — идти ли? Просят заступить за жертву притеснений, — подписать ли письмо в ее защиту? Во всех этих случаях даже самое смелое решение не грозит сейчас ни тюрьмой, ни потерей постоянной работы. Угрожает только то, что отношение начальства будет похуже, не состоится очередное продвижение по службе, зарплата не увеличится, не будет нового телевизора или лишней комнаты в квартире, или заграничной командировки.

Происходит обмен, в котором мы расплачиваемся кусочками своей души, необходимыми для ее здоровья и жизни. Исчезает чувство собственного достоинства, уверенность в своих силах, появляется жесткое, недоброжелательное отношение к другим людям, лукавая психология раба.

И главное: жизнь теряет светлую окраску счастья, пропадает чувство ее высокого смысла. Расплат за это — бесплодность в искусстве и науке, жизнь, погубленная на многодневные бдения в очередях за никому не нужными вещами, и нигде, на всей планете, невиданный алкоголизм, губящий и это, а в его генах и будуще поколения.

Что же предлагает жизнь взамен? О минимуме, необходимом, чтобы не умереть с голоду и накормить детей, здесь речь, как правило, не идет. Тогда о чем же? Я думаю, что о ценности, основной смысл которых нематериален. Иногда это совершенно очевидно, иногда немного замаскировано. Орден, например, ни кормит, ни греет... Заграничная командировка может быть профессионально важной для начинающего инженера или ученого, но ее притягательная сила не сравнима с пользой. Новый дорогой костюм греет не лучше старого и заплатанного и т. д. и т. д. Все это ценности непотребительские. Смысл их иной — они указывают место человека в иерархии, которую образуют члены окружающего нас общества. Как бумажные деньги, они не имеют ценности сами по себе, но являются символами чего-то, что людьми высоко ценится.

По-видимому, для существования любого общества необходима некоторая иерархия среди его членов. Иерархия человеческого общества отражает его мировоззрение. Люди, наиболее способные к деятельности, которая является важной с точки зрения принципов общества, обладают и большим авторитетом. Общество снабжает таких людей символами, подчеркивающими их авторитет: продетым в нездрую кольцо, расшитым мундиром или автомобилем. Эти символы приобретают для членов общества исключительную привлекательность и заставляют людей действовать в желательном для общества направлении.

Это и есть та сила, более всего сейчас ограничивающая нашу свободу. Ее источник не пулеметы и колючая проволока, а наши взгляды, то, что в душе мы, не задумываясь, принимаем иерархию окружающего нас общества и высокое положение в ней считаем реальной ценностью. Как курица, перед носом которой гипнотизер провел черту мелом, мы оцепенели лишь потому, что сами поверили в реальность своих целей. Путь к свободе начинается внутри нас, с того, чтобы перестать карабкаться по ступенькам карьеры или материального квазиблагополучия. И как, гонясь за этими приманками, мы жертвуем лучшими частями своей души, так, отказавшись от них, приобретем то, что составляет смысл жизни.

Такой выход возможен. Христианство, возникнув в момент высшего расцвета античного мира, не признало его мировоз-

зрения и сложившейся в нем иерархии, и в этом была одна из причин его непобедимости. И теперь существуют маленькие кружки, где ценности измеряются совсем не теми эталонами, что в остальной жизни. Укрепится это движение, расширится — и мы приобретем свободу, о которой не можем сейчас и помыслить.

IV

В О ВСЕМ МИРЕ сейчас высказывается мнение, что современная культура становится все более антигуманистической, человеку в ней не остается места, и как реакция на это возникает тенденция ухода от культуры. Поэтому наш вопрос особенно важен и интересен — и не только с точки зрения судьбы личности в современном индустриальном обществе, но и как вопрос о будущем культуры.

Выберем для примера несколько областей деятельности. Естественно, начать с литературы, потому что она всегда играла особую роль в русской жизни. Представление о писателе как об учителе, способном увидеть скрытую от других правду, — чисто русское, оно присуще нашему народу.

В литературе поставленный нами вопрос яснее всего. Чтобы подыматься по иерархической лестнице, писатель, как правило, должен выполнять функции, прямо противоположные целям литературы: не искать, а скрывать и извращать истину. Так появилась та антилитература, которая воспела Сталина, Дзержинского и Ежова, Чека, Беломорско-Балтийский канал, коллективизацию, охоту за врагами народа и доносы детей на родителей. Что уж тут спрашивать: возможно ли быть писателем вне этой организации — только вдали от нее литература и может выжить. И действительно, все прекрасное, правдивое, глубокое в наше время было создано людьми, кого судьба, как бы жестоко она это ни сделала, но защитила от опасности быть заткнутыми в эту гибельную для литературы зону.

Похожая картина и в гуманитарных науках — философии, истории, социологии. Разница лишь в том, что через антинауку удалось пробиться еще меньшему числу людей, чем через антилитературу.

Но даже если можно было бы перешагнуть через то, что наука сейчас не приносит того удовлетворения, что способна давать, уродует занимающихся ею людей, все равно и по иным причинам она не сможет развиваться в прежнем направлении. Сейчас продукция науки удваивается каждые 10—15 лет, примерно так же растет число ученых, с близкой скоростью увеличиваются материальные затраты на

науку. Этот процесс длится 200—250 лет, но сейчас уже видно, что долго такое развитие продолжаться не может: например, к концу этого века расходы на науку должны были бы превзойти стоимость всего валового дохода общества. Однако на самом деле неустранимые трудности возникнут, конечно, раньше — приблизительно в 1980-е годы (как тут не вспомнить Амальрика). Значит, это направление развития обречено, вопрос только, сможет ли наука свернуть на другой путь, на котором открытие истины не требует ни миллионных армий ученых, ни миллиардных затрат, путь и Архимеда, и Галилея, и Менделя. В этом сейчас основная проблема науки, вопрос ее жизни и смерти...

Наконец, нельзя не вспомнить о той сфере культурной деятельности, которая может быть важнее всех других для здорового существования нации, — религии. Сотни тысяч лет она была самой мощной и самой высокой движущей силой человечества, и за несколько десятилетий мы порвали с ней, не потому что нашли ей замену, что пришли к чему-то высшему. О том, как была этим искалечена душа народа, можно судить по последствиям и не только в нашей стране, но и в других, где государство пыталось оторвать народ от религии — от Германии до Китая. Вся история человечества состоит из жестокостей, но никогда еще насилие не выступало так неприкрыто, провозглашая себя благодетельным орудием законов истории, и никогда поэтому оно не выливалось в столь технически совершенное перемалывание людьми себе подобных, как в последние десятилетия в этих странах.

«Бог умер!» Литературный оборот Ницше стал реальностью в нашей стране, и уже третье поколение живет в страшном мире, лишенном Бога.

Вероятно, здесь и есть ключ ко всему вопросу: от усилий, приложенных в этой области, зависит жизнь, смерть или воскресение России...

V

И ВОТ ВЫХОДИТ, что не так уж мы непоправимо скованы и опутаны, что есть для нас дорога к свободе. А чтобы по ней идти, надо одно: понять, что при этом придется жертвовать тем, что на самом деле никакой ценности не представляет.

Вот к какому выводу мы приходим: судьба России находится в наших руках, зависит от индивидуальных усилий каждого из нас. Но самое существенное может быть тут сделано на единственном пути — через ЖЕРТВУ.

Может показаться, что в этом наша беда, на самом же деле этим нам дается неотразимое оружие и источник сил без границ. Едва ли есть среди социальных сил другая, которая так мощно движет людей, как стремление к жертве за высшие идеалы. Может быть, не всегда, но в решающие эпохи истории жертва приобретает притягательность, не объясненную никакой социологией. Этот эмпирический факт знают и используют опытные политики: призыв к жертве обычно встречает мощный отклик в народе. В нашей стране одна из причин успеха революции, несомненно, была в том, что только в революционной деятельности интеллигенция находила выход своему стремлению к подвигу, жертве. А какой исследователь мог бы предсказать такой героизм в последней войне? Ведь ее судьбу решили те самые крестьяне, которые перед тем так много вынесли на своих плечах. Чем можно объяснить это чудо, если не тем, что война дала возможность распрямиться во весь рост, открыла путь честной, добровольной жертвы, закрытой до того жизнью?

Жертва может дать силы, чтобы преодолеть многие препятствия, стоящие на пути России, но при одном лишь условии: если такой путь у России еще есть. Это возвращает нас к вопросу: какова сейчас цель существования России, имеет ли она еще историческую миссию?

Вряд ли когда и где столько несчастий обрушивалось на страну, как в последние полвека на Россию. Неужели они были бессмысленны и напрасны? Невольно ищешь в них цели, думаешь, что они готовили нас к чему-то. Так часто в судьбе человека и народа страдания являются путем к высшей цели. И действительно, сейчас Россия занимает в мире совсем особое место: свалившиеся на нас беды завалили все простые, легко видимые пути и заставляют искать единственный, нетривиальный и самый нужный (может быть, не только для России) путь.

Все человечество зашло сейчас в тупик, стало очевидно, что цивилизация, основанная на идеологии «прогресса», приводит к противоречиям, которых эта цивилизация не может разрешить. И кажется, путь воскресения России тот же, на котором человечество может найти выход из тупика, найти спасение от бессмысленной гонки индустриального общества, культа власти, мрака неверия. Мы первыми пришли к точке, откуда видна единственность этого пути, от нас зависит вступить на него и показать его другим. Такой представляется мне возможная миссия России, та цель, что может оправдать ее дальнейшее существование...

Декабрь, 1971.

ЭТА СТАТЬЯ выдающегося математика, оригинального мыслителя так и не увидела света. С тех пор многое изменилось в стране, мы уже стали уставать от «кразгула гласности», но вот что удивительно: автора, которого не печатали в годы застоя, не очень-то жалуют и теперь. Книги И. Шафаревича «Русофобия» и «Социализм как явление мировой истории» все еще более известны за рубежом, чем советскому читателю. Не потому ли, что его глубоко—до физической боли—волнует судьба России и он с тревогой и надеждой размышляет о том, сумеет ли она выжить на изломе эпох, грозящих всему человечеству гибелью.

Причины, явления, которые подвинули человечество к бездне планетарной катастрофы, пути выхода из этого состояния, предлагаемые автором, не устраивали власть предержащих до перестройки, не устраивают ныне и тех, кто рвется к власти. Он остается верен себе.

Недавно в беседе с журналистами речь зашла о том, что ныне во всем мире происходит угрожающий процесс порабощения духа, что «денежный мешок», претендуя на мировое господство, одерживает верх над духовностью. На вопрос: «Согласны ли вы с мыслью, что Россия остается оплотом духовности в мире?» — Игорь Ростиславович ответил так:

— Нет, не согласен. Мы все, и Россия, и Запад, как мне кажется, находимся на пепелище. Мы в страшном положении, если посмотреть со стороны, оно вообще может показаться безнадежным. И здесь ситуация в высшей степени интернациональна. У каждого из нас сохранились какие-то следы, какая-то память о предшествующих тысячелетиях, опираясь на которые мы можем найти выход. Она, эта память, разная, и выходы разные. Люди ищут, протестуют, борются, иногда трагически ошибаясь. Это и так называемые «зеленые» на Западе, и фундаменталисты в Иране. Все это взрыв протеста против подчинения человека технической цивилизацией, против того, что называется модернизацией. Или возьмем происходящее в Латинской Америке — так называемую теологию освобождения, или то, что у нас происходит. У нас, мне кажется, оплотом духовности, на котором можно что-то построить, до сих пор является деревня. Почти четверть населения у нас проживает в деревне, а в Америке три процента. Деревня еще прочно связывает нас с почвой, природой, космосом. Это источник сил, исходя из которых мы можем сохранить здоровые начала жизни. Если, конечно, остановим уничтожение «неперспективных» деревень, если не станем заводить у себя американского фермерского хозяйства.

В мире действительно утверждается господство материи над духом. Это в некотором отношении верно, но в каком-то отношении я с этим не согласен. На самом деле все происходит не от материи, а от духа. Дело лишь в том, какой этот дух...

Дух, который сейчас захватывает мир,— это дух покорения силы атома, покорения космоса, создания искусственных людей. Сейчас уже тысячи людей созданы в пробирках. Создается природа искусственная, заменяющая живую.

Недавно я прочитал в «Самиздате» очень интересную рукопись, в ней говорится, что среди тридцати тысяч пословиц Даля из всех качеств на первом месте ставится спасение, а на втором — терпение. Часто они соединяются: за терпение Бог дает спасение. Терпение или дух терпения — это борьба не с внешними силами, а с самим собой, то есть перенесение центра тяжести не на природу, а на себя. Это некий принцип, что обеспечивает равновесие между человеком и природой...

В каких свойствах реализуется насилие над природой?

В словах могущественный, господствующий, победитель, сильный, гордый. Если же мы посмотрим на противоположные качества, то получим очень старые, известные нам категории: нищие духом, миротворцы, милостивые. Звучат, как экологический призыв: блаженны кроткие, ибо они наследуют Землю. Действительно, Земля в самом буквальном смысле требует не повелительного отношения, не концепции покорителей, а концепции кротости: требует психологии человека, который готов принять или услышать руководство природных или сверхприродных сил. Если отцы церкви так говорили: телесный труд — это есть листья, хранение же сердца — это есть плод. То есть телесный труд — есть некоторое средство, но не сама цель. А наши «народники», специалисты по земледелию, уничтоженные по процессу «крестьянской партии», Чапанов, например. Он говорил, что в основе крестьянской культуры лежит другой принцип выгодности, чем в технологической цивилизации, другая оценка выгодности хозяйства. Под «выгодностью» подразумевалось сохранение того уклада жизни, что был не средством для достижения большего благополучия, а сам являлся целью. «Выгодность» крестьянского хозяйства определялась его связью с природой, с крестьянской религией, с крестьянским искусством, с крестьянской этикой, а не только с полученным урожаем.

Мы не знаем точного запаса сил природы, заложенной в нас природой мудрости. Только природа способна дать нам возможность построить жизнь на других принципах, но для этого надо подчиниться духу природы.

Публикация подготовлена
Т. ПАНЧЕНКО.

БОЕВАЯ РАБОТА

Жителю села Ашагы Аскипара Сагифу Насибову, можно сказать, повезло — когда снаряд, пушенный армянскими боевиками, угодил в стену его дома, там никого не было. Село почти обезлюдело после бандитских вылазок экстремистов. Сильный мужчина едва не плачет, простирает руки к военным: «Защитите!»

На армяно-азербайджанскую границу прибыли командующий внутренними войсками МВД СССР генерал-полковник Ю. В. Шаталин, генералы и офицеры наших войск и Советской Армии. Решения принимаются здесь же, в районе конфликта. Без всяких оговорок, обстановка боевая, напряженная: рвутся снаряды, гранаты, имеются убитые и раненые.

Барражируют вдоль границы вертолеты. Одна за другой стремительно выходят в рейды по горам маневренные группы. Кровавые пролитые могут остановить только солдаты порядка. Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

ОТВЕРЖЕННЫЕ

А ЛЕТОМ 86-го ИХ НАЗЫВАЛИ ГЕРОЯМИ...

«ЛЕЙКЕМИЯ — ХОРОШАЯ БОЛЕЗНЬ: человек умирает, а у него ничего не болит», — он произносит это абсолютно спокойно, и даже с каким-то непостижимым оптимизмом, от которого — мороз по коже. До такой кощунственной мысли мог додуматься только окаменевший в своем бесчувствии сухарь, прочитавший о лейкемии в медицинской энциклопедии, или... тот, кто приговорен денно и нощно успокаивать себя, зная о неотвратимости близкой развязки. У майора в отставке О. Вакулы — острая лучевая болезнь первой степени. До взрыва на Чернобыльской атомной электростанции он служил в подразделении, охранявшем АЭС. 28 апреля Орест Эдуардович, по его собственному выражению, уже был «готов»: терял сознание, валялся с ног. Лишь 3 мая его госпитализировали. Взрыв четвертого реактора застал офицера на станции: в воздухе еще висела графитовая пыль, а он бегал по территории АЭС, снимая с постов прапорщиков, отправляя их в убежище.

После той страшной ночи минуло четыре с половиной года, из них более двух Орест Эдуардович провел на больничных койках. Сказать, что этот человек болен, значит ничего не сказать.

На просьбу рассказать о своих злоключениях Орест Эдуардович усомнился:

— А стоит ли? Не верю, что будет от этого прок. Тут киношники приезжали. Снимали, снимали, а где оно все? Центральное телевидение, точнее — группа Максимовой, для телемарафона «Чернобыль» сорок минут мою исповедь записывало. Хоть бы пять секунд показали! Прапорщиков из нашей части в шестой больнице в Москве снимали, а результат тот же. О том, что в аварийных работах на территории 30-километровой зоны принимали участие внутренние войска, лишь однажды упомянул Михаил Сергеевич Горбачев, больше об этом ни из одного официального источника не слышал. О милиции говорили, о пожарных тоже, а мы — персоны нон грата.

ЖИЗНЬ В ПОРЯДКЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ... Все, чего я как ликвидатор последствий аварии добился, дали мне в порядке исключения, а не потому, что положено. На ВТЭК направили в порядке исключения, группу инвалидности дали — снизили, процент потери трудоспособности до сих пор не определен. Да и все мои «болячки» только недавно увязали с аварией на ЧАЭС. Теперь, если загнусь, хоть дети пенсию будут получать. Недавно Сережа Снопков умер — молодой прапорщик из нашей части, лет двадцать семь было. Его болезнь признали связанной с аварией. А Василию Ивановичу Харченко в этом отказали. И вот теперь, когда он умер, его дети остались на бобах. Он столько радионуклидов наглотался, что почки не выдержали — с первых часов сутками со станции не вылезал, а врачи потом решали, связано его заболевание с аварией или нет. Решили — не связано: поэтому дети получают от государства Христа ради сорок рублей.

А с лекарствами что творится? В аптеках — шаром покати. На стационаре кое-что еще можно получить. Опять же в порядке исключения. Только это исключение стоит от трех до двадцати пяти рублей — смотря что прописали. Мне вот женьшеневая настойка позарез нужна, а ее нет даже в порядке исключения.

Но главное — пенсия. А то ведь что получается? Больные люди, глядя на мои нынешние мытарства, тянут военную лямку что есть мочи, из последних сил, но уходить из войск боятся. Один пухнет, другой сохнет, третий, прошу прощения, кровавым поносом исходит, а за службу цепляются. И я их не осуждаю. Кому же охота стать нищим? Я уволился, потому что сил больше не осталось. Да и понимал: никудышный из меня теперь работник.

А РМЕЙСКИЙ ПОГОН КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ОТ РАДИАЦИИ...

Я слышал от врачей в радиационном центре такую цифру: пожарные, милиция и внутренние войска составляют шестьдесят процентов всех пострадавших при ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Казалось бы, МВД должно проявить наибольшую настойчивость в заботе о них. Но когда речь заходит о деньгах, альтруизм сконфуженно ретируется, от милосердия отгораживаются бухгалтерскими книгами. И вот чем это оборачивается на практике. Гражданский человек, больной острой лучевой болезнью, получает восемьсот тридцать рублей пенсии, а я, с точно таким же диагнозом и не меньшими заслугами перед Отечеством — сто пятьдесят плюс десять процентов за ишемию сердца. Почему за ишемию? Потому что моя лучевая, как мне сказал полковник Литвинчук, приказом для увольнения по болезни не предусмотрена...

Обманули Ореста Эдуардовича — значит его болезнь в приказе министра обороны действующем и в МВД. И обманули, видимо, по той же причине: человеколюбие и милосердие превращаются в весьма условные категории, когда речь заходит о конкретных расходах.

...В сравнении с гражданскими мы — бесправны, потому что правительственные документы нас не касаются. Взять хотя бы постановление от десятого июля 1989 года, ссылаясь на которое, я добивался перерасчета пенсии. Сунулся в финслужбу УВВ (управления внутренних войск. — Б. Б.), а мне говорят: «Посмотри, чей это документ — ВЦСПС, Минздрава и Госкомтруда. Нам они не указ». Я — в собес, там на меня глаза вытаращили: «Чего вы к нам пришли? Вы ведь не состоите в профсоюзе. Пусть вам МВД платит как положено». Сто пятьдесят — больше не положили. «Вот будет из Москвы приказ, — обещает наш начфин полковник Антониук Иван Иванович, — мы вам с дорогой душой пересчитаем». И в самом деле пересчитали... не пенсии, а выплаты за допитание двум прапорщикам. Они, поняв, что у Антониука зимой снега не выпросишь, отправились в Москву, где им по-человечески вошли навстречу. Значит, можно все уладить законно, но... в Москве. А в Киеве нет. Что ж это за порядки у нас такие? Может, виноваты антониуки, неспособные самостоятельно принять решение? От них волокита? Кстати, на что Антониук сам способен, так это нахамить человеку. Я к нему с выпиской из Постановления Совета Министров пришел, а он мне посоветовал использовать эту «бумажку» по такому назначению, что и сказать-то совестно. Сколько нашего брата у него перебивало! Он всех отфутболивает: «Вам это надо — вы и суетитесь».

Что, человечность!! Надеяться на нее можно, а требовать ее не станешь. Нет такого закона — проявлять человечность сверх инструкции. Подумаешь — постановление правительства! По ведомству приказа нет — и постановление деревенеет на газетной полосе. Словом, жалует царь, да не балует псарь.

...Выходит: пока Москва не признает, что

на военнотружущих радиация действует так же, как и на штатских, мы так и будем отказными детьми МВД. Пусть хоть сообщат, на сколько снижает воздействие радиации погон прапорщика, и на сколько — майора. Я тогда определю, долго ли мне жить осталось. Если считать со дня смерти прапорщика Снопкова. Эх, Сережка, Сережка...

КАК МЫ ОБИРАЛИ ГОСУДАРСТВО..

«Сколько вы еще будете государство обирать?»

Так и ответил мне полковник Волков, бывший начальник финслужбы УВВ, вопросом на вопрос: почему в сумму пятикратных больничных, положенных по приказу министра внутренних дел, включают и нашу зарплату? Кстати, до сих пор не знаю: может, финансисты нас в очередной раз на кривой козе обскакали? Почему в очередной? Да потому, что у гражданских, которые с лучевой болезнью, из больничных подоходный налог не высчитывают. В отличие от нас. И с пайковыми сплошное недоразумение...

Да что там хлеб и каша: финслужба здоровья отняла больше, чем четвертый блок. При переезде из Припять в Киев сначала выдали подъемные, потом отбрали. Им тогда свободу выбора предоставили. Чем не шанс о людях позаботиться? Сочли за благо не платить.

«Грандиозным по масштабам и трагическим по последствиям стал чернобыльский обман народа... Дело дошло до того, что Минздравом СССР в 1988 году (!) был издан секретный приказ, запрещающий устанавливать связь между заболеванием и облучением, полученным в результате чернобыльской катастрофы...»

**А. Яблоков,
народный депутат СССР.**

На работу никуда не берут: кому нужен работник с вечным больничным листом? Жене тоже везде отказывали. Заглянут в трудовую книжку, а там последним местом работы значится город Припять — тут же находится какая-нибудь отговорка, благо, в этом жанре наши стolonачальники поднаторели. Прямо хоть расписку пиши, мол, от льгот и лечения отказываюсь.

Семья — четыре человека, и все до недавнего времени жили на мою пенсию и на запасы, оставшиеся от пятикратных больничных. Иссякли и они, не пришлось бы вскорости вещи распродавать. Жену, правда, все же взяли на работу. В общезнание кастеляншей, с высшим-то образованием!

В нашем управлении к праздникам продуктовые наборы продают. Я был в госпитале перед увольнением, накануне Вось-

мого марта жена, по простоте душевной, пошла за набором. Очередь отстояла, честь по чести, а ей говорят: «Вашей фамилии в списках нет». За мной еще дверь не успела закрыться, как уже вычеркнули. Она — к начальнику войск, словом, набор выделили. Но больше туда — ни ногой. Очень надо унизаться! Нам и так дали понять: кормушка не для нас. Там из отставников — постоянная клиентура: генералы, полковники. Обойдусь. Не стоит того желудка, чтобы из-за него душу под плеви подставлять.

Сколько раз приходилось слышать: «Чего тебе еще надо? Квартиру дали, мебель дали. У тебя все есть». Что у меня есть — это только мне да врачам известно. Восемь зубов еще имею, остальные выпали, а вставлять нельзя — кровь не сворачивается. Вот желудка скоро не будет. Костный мозг мне пересадили. Чужой, конечно. А чужой и есть чужой — отторгся. А мебелью зря попрекают — вернули то, что я оставил в Припяти.

Квартира сейчас хорошая, но как я ее получил! Я ваялся по госпиталям и не знал, где мои домочадцы, а они скитались по Украине, не ведая, где я. Четыре временных пристанища поменяли. В сентябре жене сказали: «Вон в газете написано, что вас всех квартирами обеспечили, хватит тут приживалкой жить». И она поехала с детьми в Киев, в гостиницу. Я в это время наматывал круги по маршруту: УВВ — горисполком — облысполком — горком партии — снова УВВ... В городе жара — асфальт плавится, как пластилин! А я бегаю по станциям, от давления — круги перед глазами и ноги подкашиваются.

Через месяц снова оказался в больнице, в лучевой патологии. А тут как раз начался «бабий бунт». Жены припятских прапорщиков с жалобой в Москву рванули: их с жильем тоже облагодетельствовали — не дай бог! Сидел у нас тогда в КЭС (квартирно-эксплуатационная служба) один деятель — Горбаток. Вот он и расстарался: горисполком припятчанам квартиры выделил, а уж в КЭС все перетасовали. Заснули прапорщика Степана Кочана с его семейством в крысиный полуподвал, откуда людей выселила санэпидстанция, признав помещение непригодным для жилья...

Какую же надо иметь совесть (или не иметь никакой!), чтобы обирать и без того обездоленных людей, из чужого горя барыши выгадывать! Это далеко не последняя афера, родившаяся в стенах управления внутренних войск по Украинской ССР и ССР Молдова. Но об этом — ниже.

...Куда жены прапорщиков в Москве ходили, точно не знаю, кажется, в ЦК. Из столицы, по закону сообщающихся сосудов, последовало вливание. Они еще не вернулись, а тут все забегали: все ли у вас есть, не надо ли чего, на что еще жалуетесь? Один майор из МВД — дай ему бог здоровья — растолковал моей супруге наши права и как за них бороться. Вот тогда и получили квартиру...

Любая катастрофа возможна и закономерна в условиях, когда нет ничего страшнее неудовольствия начальства.

СПАСЕНИЕ УТОПАЮЩИХ — ДЕЛО РУК САМИХ УТОПАЮЩИХ. Что ж, нам так и бить челом то генералу, то Центральному Комитету? Раз помогли, два помогли, но у них и без нас дел хватает, а кривды и жлобства меньше не становится. И тягаемся мы с бюрократами в одиночку. А они — силаща, дают нас круговой порукой. Следовательно, и нам нужна организация, которая бы всех, крещенных атомом, объединила.

Когда меня жизнь к этой мысли подвела, отправился искать собратьев по несчастью. Думал — не проблема, ведь всяких союзов, фондов, обществ — как сыновей лейтенанта Шмидта. Сунулся в союз «Чернобыль», в общество ветеранов Чернобыля, но им до военных дела нет и планы у них — на века. А хотелось бы при жизни дожидаться хоть частичной их реализации.

Приметил, однако, что к этим обществам примазались люди, которые из чужой беды себе кормушку сделали. В обществе ветеранов Чернобыля меня спрашивают: что, мол, имеешь, с чем вступать будешь? Говорю: весь мой багаж — в истории болезни, да еще человек двести из внутренних войск таких же, как я, могу привести. Тут они ко мне всякий интерес потеряли. Смотрят, как на деревенского родственника, заявившегося в гости, — прогнать не могут и пустить не хотят. Я сам ушел.

А нам ведь многого не надо: уравнили бы с гражданскими чернобыльцами в правах, чтобы содержать свои семьи, а не сидеть у них на шее — и то ладно. Меня к ветеранскому магазину прикрепили, а толку-то? Есть, где купить, есть, что купить, да не на что. Ходи — облизывайся.

Кто-то предложил публичную голодовку объявить. Да где уж нам голодать, и так тощие стали, как телефонный провод, в чем только душа держится. К тому же это доктора Хайдера телевидение на весь мир разрекламировало, а мы испустим дух в безвестности — гарантировано.

Вот и получается, что рассчитывать нам не на кого. Спасение утопающих дело рук самих утопающих.

«Я ВЕДУ У НИХ НИЧЕГО НЕ ПРОСИЛА...» Приятное, доброе лицо. Мягкий, несколько растерянный взгляд. Руки, то и дело смущенно поправляющие форменный галстук. Голос тихий и очень печальный. Старший прапорщик Нина Павловна Бабенкова отрешенно смотрит в окно, будто видит там снова злополучную апрельскую ночь 1986-го и рассказывает:

— Когда произошел взрыв, нас всех подняли по тревоге. Неделю на станции находились неотлучно. Потом из Москвы

приехал какой-то начальник и велел женщин убирать. Меня и сержанта Елену Захаровну Погорелову вывезли в Киев. Но уже пятнадцатого мая по приказу вернулась на станцию, заменив начальника бюро пропусков. Рабочий день был ненормированный, двенадцать — четырнадцать часов и более. И никто не скулил, не жаловался. Мне каждый день обещали замену, дни складывались в недели—обещанного, сами знаете, сколько ждут.

Но все незгоды были впереди. Мой переезд из Припяти в Киев войскам ничего не стоил. Квартиру и мебель получил муж, он не военнотружачий. А мне единственное, что нужно было от нашего управления,—чтобы дали дослужить до пенсии. Но тут начали сказываться последствия облучения—болезнь за болезнью. И пошла кабинетная чехарда: то меня на должность назначают, то эту должность сокращают. И так—обратилась в УВВ к полковнику Пикельному, к офицеру Погорелову и Литвинчуку. А они, как сговорились: увольняйтесь. А мне до полной выслуги пяти лет не хватает. И кто меня на работу возьмет с моим чернобыльским наследством? Только начальник войск и выручал. Его вмешательство заставляло кадровиков работать. А это их раздражало.

Конечно, с кадрами работать легче, чем с людьми. Кадры ничего не требуют, больничных листков не носят, лежат себе в конверте, приклеенном к папке, все одинаковые, все—9 на 12, в парадной форме, с медалями. Хочешь—эту папку на угол стола положишь, хочешь—в сейф уберешь, а можно в шкаф под триста тридцать восьмую бирку поставить. И ничего, кадры не ропщут. С человеком—куда сложнее: он все время чего-то хочет, пусть даже самого малого, но подай ему. Вот он сидит напротив и у него желваки на скулах ходят или слезы на ресницах висят. Он ждет ответа, настырный. Надо что-то сказать, чтобы ушел и больше не приходил.

...Они нам говорили: «Не стройте из себя героев». А мы и не строили. Я ведь у них ничего не просила! Только бы не дергали. Какая уж там чуткость?! Хоть бы кто-нибудь из нашего управления войск, хоть один человек поинтересовался: «Нина Павловна, как вы себя чувствуете? Можете, вам что нужно?» Хоть бы один раз!!!

Слезы все же сорвались с ее ресниц... Я сидел и думал: чем же чиновники в погонах лучше тех, кто по ночам били камнями окна в квартирах переселенцев из Припяти? Эти такие же булжники за пазухой носят.

ТЯГОТЫ И ЛИШЕНИЯ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ... Начальник физподготовки части майор Николай Яковлевич Коба о делах чернобыльских говорить спокойно не может—кипит весь:

— Прежде всего я хотел бы понять, за кого нас держат: за рабов, крепостных или дураков? Мне за два с половиной года работы в зоне дозу облучения записали три рентгена с копейками. Как-то обратился в поликлинику—давление за сто восемьдесят. Женщина—врач спрашивает:

«Какую дозу получили?» Я сказал, как записано,—не поверила: «Я,—говорит,—в зоне десять дней отработала, и то мне один рентген записали».

Помню, нашего начальника спрашивал, почему он нам дозы уменьшает? А в ответ: «Ха-ха-ха! У меня—приказ». Был тут такой весельчак, Лебедев. Это что же за приказ такой?

А действительно, чей! Может быть, во исполнение этого приказа Бабенковой сначала дозу облучения «назначили» в 39 рентген и лишь потом переписали на 68,4 рентгена. И надо же какава точность—даже десятые доли сосчитали! Вот только как! Может, эта цифра взята с потолка контрольно-пропускного пункта четвертого блока ЧАЭС, где Нина Павловна несла службу в ночь после аварии!

...Я недавно поинтересовался, как была выведена цифра 3,5 рентгена. Мне говорят: есть такой расчетный метод. Зачем мне эти устрицы деда Шукеря? За кого меня считают? За подопытного кролика?

А в каких условиях в зоне жили? В те помешения гражданские ни ногой: до пяти тысяч единиц бета-распада. Мы печки топили дровами, которые «фонили» на пять миллирентген.

Как нам платили? Постановление Совмина установило продолжительность рабочего дня в зоне—шесть часов. И определило оплату его двойным доаварийным окладом. Следовательно, за сутки службы набегало четыре рабочих дня. Для гражданских Совмин—отец родной, а нам, офицерам, сутки за рабочий день считали.

Сейчас картина изменилась к лучшему. Но дискриминация сохраняется: сутки гражданского работника на станции равны четырем рабочим дням, а военного—трем. Штатские на третьем блоке (там же, где несет службу войсковой караул) получают тройной оклад, а офицеры и прапорщики—двойной. Так во сколько же раз погоны снижают воздействие радиации на человека!

...Почему такое неравенство? В ответ на подобный вопрос один из наших генералов порекомендовал мне перечитать ту статью устава, где сказано, что военнотружачий должен стойко переносить тяготы и лишения воинской службы. А безразличие чиновников—это тоже тяготы службы? А их головотяпство, за которое люди расплачиваются своим здоровьем,—это что?

Знаете, кем я работал в зоне? АНТИ-НАЧФИЗОМ части. Отбивал атаки различных проверяющих, которые требовали результатов кроссов. Давили: «Где написано, что у вас здесь бегать нельзя?» Некоторых убедить не удавалось—«алюминий». Мы с командиром стали скрывать, что кроссов не проводим. И ротный запретили утренние пробежки устраивать. До первого проверяющего, который тыкал пальцем в бумажку: «Кроссы никто не отменял. Я должен отчитаться по показателям». Он те показатели записывал в ведомость, а мы их сегодня имеем в истории болезней.

Теперь о том, как лечимся. У меня, например, целый букет недугов. Подзапустил. Через день после прибытия из зоны я уже был в Кожанде, где обеспечивал

общественный порядок. Только вернулись, как через три дня — в Баку, Самочувствие — дрянь, но вахал, как все — несколько месяцев. Наконец, прошел на обследование в радиационный центр. И что? Меня галопом по Европам за день мимо восемнадцати врачей прогнали, как сквозь строй. И сообщили: «Вы нуждаетесь в стационаре, но в настоящее время такой возможности нет. Ваша очередь — в июле девяносто первого года». Дожить-то я доживу. Только тогда уже придется, возможно, не пять болезней лечить, а побольше.

Когда возникает какая-то опасность, когда речь идет о судьбе дела, а то и страны, умным, смелым людям позволяют проявить себя. Но как только ситуация спасена, они сразу же становятся неугодными, потому что они личности, на них узду не набросишь.

Что еще характерно: никакой информации. Появляются какой-нибудь приказ или постановление — их сразу под сукно, не дай бог люди о своих правах узнают! Нет бы пригласить юриста, чтобы все растолковал. Например, сказал бы: «Товарищи, всего у нас пятьдесят льготных категорий людей. Вы — из пятидесяти первой». Я бы знал, что делать со своим чернобыльским удостоверением...

Нам говорят: «Крепитесь». А что еще остается? Никто из нас не отлынивал, помня о долге воинском. Но не надо же, в конце концов, на этом спекулировать. Выжали, как тряпку, — и под ноги.

— С 1988 года, — рассказывал подполковник Валерий Викторович Кузьменко, начальник политотдела части, — к нам пошли письма от родителей тех солдат, что прошли через Чернобыль. Сейчас это сплошной поток. Парни болеют, получив многократное и длительное облучение, наглотавшись радионуклидов. Врачи утверждают, что это гораздо хуже большой одноразовой дозы.

Войска оказались в зоне в самом худшем положении. Гражданские после шестичасовой работы уезжали на «материк», в Славутич, или работали вахтовым методом по пятнадцать дней. В отношении приписного состава действовал порядок, предусмотренный директивой Генерального штаба Вооруженных Сил СССР: призыв на срок от трех до шести месяцев. Наши солдаты находились в зоне безвыездно все два года и несли службу и на станции, и на границе десятикилометровой и тридцатикилометровой зон.

Той же директивой запрещалось привлекать к работам в зоне приписников моложе тридцати двух лет. На наши войска это не распространялось, так как не было соответствующего приказа. Вот и жгли мы

в зоне восемнадцати-двадцатилетние пацанов. У них вся жизнь впереди. Какой она теперь будет? Какими родятся их дети? За две недели ребята набирали предельно допустимую дозу облучения. И через нашу часть их прошля тысячи. Только за апрель и май восемьдесят седьмого года через зону четыре тысячи человек пропустили. Там горело будущее страны.

Это что, тоже преодоление тягот и лишений воинской службы? Или парни стали жертвами преступления? Их родители требуют правды. И может быть, добьются ее. Как сказал один шведский юморист: «Правда в конце концов всегда всплывает, хотя иногда и сверху брюхом».

ВНИКАТЬ В НУЖДЫ, ПРОЯВЛЯТЬ ЗАБОТУ... Следующие мои собеседники — два майора: Сергей Алексеевич Степанов и Юрий Леонидович Родионов — политработники, ветераны Чернобыля, воины-интернационалисты. Оба проявили мужество при ликвидации беспорядков в Средней Азии и Закавказье. Казалось бы, люди по всем статьям заслуженные, и отношение к ним должно быть соответствующее. Однако...

Майор СТЕПАНОВ: Среди моих соседей есть офицеры-«афганцы». Так для них, для армейцев, а не вэззшиков, все — в первую очередь. На страже их прав приказ министра обороны от 10 июля 1979 года, который определил, что право на льготы имеют «ветераны Великой Отечественной войны и других боевых действий по защите Родины». Я тоже наивно считал, что в Афганистане участвовал в «других боевых действиях по защите Родины». Но наш зам по тылу майор Сенгелайцев, а за ним и зам по тылу войск полковник Макаров меня просветили: «К вам этот приказ отношения не имеет, вы же Родину не защищали». Услышав это впервые, я сорвался, наговорил дерзостей Сенгелайцеву, а во второй раз у Макарова, где мы были с Родионовым, пришлось проглотить эту пилюлю. А что делать? Бить себя в грудь и кричать: за что кровь проливали? Это было бы смешно, если бы не было так горько. Пусть нас этот приказ не касается, давайте другой. Чтобы касался. Но сказать, что мы Родину не защищали...

За что же тогда майор Степанов в Афганистане награжден был орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу», в Фергане — орденом «За личное мужество»? А среди воинов-интернационалистов есть и кавалеры орденов «За службу Родине в Вооруженных Силах». Тоже не защитники!

Майор РОДИОНОВ: Когда из Афганистана возвратились, нас тут только и спрашивали, сколько мы денег получили да каких шмоток привезли. А туда ехать желающих мало было...

Мне офицеры Советской Армии не верят, что я, «афганец», не могу в части машину купить. Попробуй купи, когда управление войск побольше и получше оставляет себе. В очереди на машину пять лет стою, а в УВВ один подполковник — пока не буду называть фамилию — за это время

уже вторую купил. В 1988 году на нашу часть дали четыре машины. Одну купил прапорщик Гром, «афганец», в очереди — с 1977-го. Вторую — еще один прапорщик. А вот куда две оставшиеся делись? Может, их и не было?

Были. Заместитель председателя комиссии по распределению автомашин полковник А. Григоренко сообщил, что «потерявшиеся» машины купили прапорщики В. Безмянный и В. Ковальчук. Но вот что интересно: никто из сослуживцев у них этих машин не видел, в списке владельцев личного автотранспорта они не значатся, в ГАИ не зарегистрированы, хотя сами упорно утверждают: покупка состоялась. А начальник политдела части подполковник В. Кузьменко сразу сказал: «К нам эти машины не поступали. Следы их надо искать в УВВ».

Так по какой такой левой дороге уехали «Жигуленок» и «Москвич»? И кому понадобилось оставлять прикрытие из двух прапорщиков!

В ПРОЧЕМ, факты свидетельствуют: в киевском УВВ стало «доброй» традицией в случае опасности прикрываться кем-нибудь из подчиненных, как это сделал, например, генерал-майор Н. Федосов. Когда он уезжал из Баку — а это было очень горячее время, — в аэропорт его сопровождал майор Родионов. В пути машину остановили боевики и потребовали заложника — офицера. Иначе останутся все. Родионов сам вызвался быть «гостем» агрессивной толпы. И генерал облегченно вздохнул. Он помазал майору рукой и укатил. Четыре часа Родионов, как мог, отбивался от провокационных вопросов и незаслуженных обвинений, чувствуя себя живым песцом, попавшим в мастерскую по изготовлению чучел. Чудом ушел. А генерал-майор Федосов потом даже не поинтересовался судьбой офицера, прикрывшего его «котход».

Майор СТЕПАНОВ: Да вы можете все-го этого не писать. Все равно вычеркнут. Ну как дальше служить при таком отношении? После Афганистана в нас защитников Родины не признали. Ну а в Чернобыле мы кого спасали? Республику Бурунди, что ли? У нас здесь заслуги чернобыльцев девальвированы, ведь через зону прошли почти все. На безрыбье, говорят, и рак рыба, а в нашей ситуации — наоборот. Более того, «чернобыльцев» разбили по кастам. Припятские прапорщики и офицеры еще пользуются каким-то вниманием начальства, потому что они выполняли боевую задачу, а мы в зону вроде как погулять ездили. Полтора года отработали с первого дня, а все равно — ликвидаторы второго сорта. Это не припятчанам упрек, это привет нашим бюрократам.

В каких условиях мы там службу несли? Например, старший лейтенант Сергей Аркадьевич Руденя без каких бы то ни было средств защиты пешком патрулировал улицы Припяти, когда уровни радиации были бешеные. Теперь он инвалид: ноги в радиационных ожогах. Что его ждет? Увольнение? А дальше — нищета?

218
Поначалу в Припяти записывали реальные дозы облучения. Потом приехал генерал-майор Чусов и сказал: «Вы что тут, с ума походили? Так весь полк из строя выведете...» И все записи уменьшили вдвое...

Это что-то новое в области радиационной защиты: меньше запишешь — меньше пострадаешь. Учитывали авторы новой «системы защиты», что инкубационный период заболеваний, связанных с воздействием радиации, доходит до пяти лет: значит, к началу своих мучений солдаты уже будут на гражданке. А офицеров можно прижать статьей из устава о тяготах и лишениях.

...Ни респираторов, ни защитных комплектов не было. Ездили в открытых машинах. В бронетранспортеры-то нас значительно позже посадили. Жили под Чернобылем в палатках. А утренний туман «фонил» на 120 рентген.

А что сегодня? Лечиться некогда. Только в 1989 году 290 суток провели в командировках по горячим точкам. Жены не выдерживают. Денег катастрофически не хватает. У молодых офицеров еще и квартир нет. Им за найм жилплощади платить надо. А цены такие, что компенсации, которая им положена, хватает только на половину выплат.

Безнравственно забывать вчерашних героев, какие бы сегодня на страну ни навалились новые проблемы.

Зато директивы у нас дивные, трогательные директивы: «...Вникать в нужды, проявлять заботу...» Похлопают по плечу, изрекут что-нибудь бодрящее — вот и вся забота.

Я не хапуга, не стяжатель и не склочник. Просто хочу, наконец, понять: кто мы в своей стране, кто мы своей Родине — сыновья-защитники или прокаженные пасынки?

Как горьки исповеди людей, расплатившихся здоровьем, а порой и судьбами за чиновничью безответственность, некомпетентность, черствость и глупость. Больно видеть, как государство, которое затыкало ими бреши и прорывы, теперь на них же и экономит.

Правительственные меры игнорируются ведомствами и остаются благими намерениями, пока кто-то в тени греет руки на чужой беде. А расплачиваются за все истинные защитники Отечества. Может быть, они уже не нужны! А кто пойдет в пекло? Кто остановит резню, коли защитники будут попераны, станут подкидывающими на пороге нищеты и забвения!

Майор Б. БУЛГАКОВ,
наш спецкор.

Начальник политотдела
внутренних войск МВД СССР по Уралу
полковник А. А. ЧАЙКОВСКИЙ:

«ВСЕ РЕШИТСЯ В ПЕРВИЧКАХ»

— Раньше, приезжая со съездов, делегаты рассказывали о культурной программе, о том, куда их возили, что они смотрели, чем питались. С содержанием самого съезда и так было все ясно...

— Я нигде не ездил, как член Секретариата работал с девяти утра до восьми-девяти вечера. Секретариат собирался на час раньше всех остальных, прорабатывал задачи на день, а вечером мы садились и разбирали документы, проблемные вопросы. Мне довелось перечитать множество телеграмм, заявлений, жалоб в адрес съезда. Надо было определять их судьбу: куда и кому направить для разрешения.

— А с прессой общались!

— В гостинице «Россия» на меня «напали» итальянские журналисты. Минут двадцать «пытали» — не готовят ли военные переворот? Они говорят, я еле успеваю вставать: «Нет. Такого нет. Никто у нас этого не готовит». Они переключаются на другие темы: «Как вы относитесь к тому-то и тому-то», а следом опять о перевороте. И так раза четыре они меня пытались «поймать». Я сказал однозначно: «Это не в интересах военных, мы твердо стоим на позиции поддержки Горбачева. Критикуя его за тактические ошибки, мы приветствуем его стратегическую линию».

— Ваши основные впечатления!

— Принятые съездом документы мне по душе, они отражают мои взгляды, позицию. Я голосовал за них.

Вообще на съезде было тысячи три «твердых центристов», сторонников М. С. Горбачева, которые и определяли итоги голосования. С тысячу я бы отнес к «популистам». Они прорывались «на голоса», на критику, не будучи в силах предложить ничего конкретного.

— А как проявила себя группа приглашенных рабочих!

— Если ее было отчетливо слышно на Российском съезде, отчете пресса определенного направления и заговорила о его консервативности, то здесь они остались в тени. Никто из них не выступал, разумеется, не участвовал в голосовании. Существенного влияния на ход съезда они не оказывали. Встречались с М. С. Горбаче-

вым, с делегациями, поднимали проблемы...

— Как-то незаметным прошел на съезде национальный вопрос, в то время как он раздрает страну...

— Да, должного отражения он, и на мой взгляд, не получил. Все пытались как-то уйти от решения этих проблем.

— А какие впечатления у вас о М. С. Горбачеве? Ему пришлось выдержать бурю и ни в чем не уступить.

— Он чувствовал себя как рыба в воде и работу съезда всякий раз поворачивал в нужное русло. Здравомыслящее большинство хорошо понимало: его надо поддерживать, и стране, и партии будет лучше, если у руля останется Горбачев, а не кто-то другой. Не только из-за его авторитета, но из-за вырабатываемой позитивной программы. Хотя и им допущены ошибки, но уже сделаны и выводы. А что значит новый человек? Это опять новые ошибки. Он будет «раскачиваться» и «раскачивать» других, время уйдет, и чем это кончится — неизвестно. Словом, «на переправе коней не меняют».

— К тому же Михаил Сергеевич умеет сглаживать вспышки, примирять страсти, где другой, возможно, их только обострит.

— Безусловно. Он вел все к тому, чтобы не дать развалиться КПСС, и это ему удалось. Хотя были очень непростые моменты, как, например, при выборах ЦК.

— Да уж, типично наша демократия: голосуем, переголосовываем, пока не станет так, как надо.

— А я считаю, что в данной ситуации все-таки взял свое здравый смысл. Ведь среди забаллотированных оказались многие серьезные, думающие люди. Не только один Михаил Ульянов, которому «не простили» подхалимское выступление в лучших традициях застоя: «горбачевская перестройка», «выдающийся», чуть ли не Ленин сегодня. Генсеку пришлось даже заметить: «Я не люблю сюсюканья и не люблю хамства». Это было сюсюканье, в некоторых других выступлениях на съезде протаскивалось и хамство.

— А не испугался ли Михаил Ульянов напора «правых»!

— Особенно не было заметно этого напора. Смотреть надо не на шум в зале, а на результаты голосования. Принимались же решения большинством в две с половиной-три тысячи голосов, «разумным большинством».

— Мы привыкли, что все, в том числе и судьба партии, решается даже не на съезде, а в «высоких» кабинетах...

— Мое глубокое убеждение: сейчас все решится в первичных парторганизациях. Будут крепкие, боевые первички—партия будет жить!

Сегодня съезд вооружил первички принятыми на нем документами, где конкретно сказано, что делать. И первичка сейчас автономна. Если не нарушила Устав и Программное заявление, никто не имеет права отменить ее решение.

— А как же так: партия строит правовое государство, намерена работать через парламент, а партией парламентского типа становиться не хочет!

— Так ведь что хотят «демократы»? Они хотят разложить КПСС, чтобы не было в ней ни дисциплины, ни организующего, консолидирующего начала. Чтобы она напоминала республиканскую, демократическую партию США, где перед выборами их энтузиасты, заручившись средствами, проталкивают своих кандидатов. Словом, чтобы КПСС оживала на время избирательной кампании и в остальном никому не мешала, работала только во время выборов...

— Зато никакого аппарата. И США, как мы видим, от этого не рухнули.

— А мы говорим, что в нынешнее кризисное время парторганизации должны защищать политические интересы трудящихся в повседневной жизни, а свое влияние определять уже на выборах и через фракции коммунистов в Советах добиваться выполнения своих целей и задач. Мы должны активно работать и в повседневной жизни, и во время выборов.

— В ходе съезда вы поддерживали связь с избирателями!

— Мне звонили, и я звонил. Междугородная связь — за счет партийных сумм, и все наше пребывание там полностью оплачено партией. День к съезду добавили — еще около пятисот тысяч долой. Кончились времена, когда нам многое девалось бесплатно, само собой, теперь за все надо платить.

— Как вы расцениваете выход отдельных делегатов из КПСС?

— Тем, кто это сделал, не удалось громко хлопнуть дверью. Масса за ними не пошла. Раскололся не съезд, раскололось левое крыло. Часть вышла из КПСС, часть заявила, что будет бороться в партии за демократию, часть вообще отрицает выход. И в этом тоже позитивный результат июньских дней.

— Какие выступления Вам особенно запомнились!

— Станислава Ивановича Гуренко — первого секретаря КП Украины. У него конкретная программа — пункты, предложения.

Это не товарищ Фалин, который по международной проблематике «ходил вокруг да около». Сегодня, думается, нужны люди, мыслящие не столько эмоционально, сколько конкретно — предложениями, идеями.

— Так ведь и выступления А. Н. Яковлева, Е. К. Лигачева шли под аплодисменты...

— Яковлев выступил очень неплохо, но я бы сказал, неконструктивно. Когда его читаешь с карандашом в руках, в основном одни эмоции. В отношении же Егора Кузьмича был еще и определенный юмор. Мой сосед в зале, например, был за то, чтобы оставить Лигачева в списке для голосования и объяснил это тем, что хочет узнать: сколько будет за него? Я же сразу был против его кандидатуры. Зачем все это громоздить, когда предельно ясно, что товарищу Лигачеву пора на пенсию. Но когда решили все же оставить в списке — пришлось голосовать против.

— Так что же ждет партаппарат!

— Аппарат Свердловского горкома КПСС ныне 47 человек, включая и машинистку. А был не так давно — 100. Сокращения будут. Но вот вопрос: а может, лучше расформировать райкомы и оставить горком, влив в него по 5—6 самых лучших работников РК? Тут надо внимательно посмотреть. Ведь есть аппаратчики, которые сто очков дадут вперед любому неформалу по глубине понимания происходящих процессов.

— В последнее время критические высказывания в адрес КПСС принимают все более яркую антикоммунистическую направленность...

— Антикоммунизм ни в одной стране не приносил еще позитивных результатов. В Италии, Германии в 20—30-е годы это привело к фашизму, трагедии для всего человечества. Антикоммунистические кампании в послевоенное время повсеместно вели к свертыванию демократии, военным переворотам, ущемлению прав человека. Страшно, если нечто подобное придется пережить нам. Призывы к политической мести, суду над КПСС ведут только к дальнейшему обострению ситуации в стране.

— Скажите, это был политический маневр или политическая наивность, когда отчеты бывших членов Политбюро заслушивались, а оценка не давалась!

— Это были эмоции с мест: «Всех к ответу! Всем отчитаться!». А когда вникли в суть дела, пришли к выводу: никаких оценок и не надо. Нельзя однозначно дать оценку всему Политбюро. Вокруг этого шла политическая борьба. И вообще — это предложение от той самой тысячи, которая мыслит одномерно. Они в первичках привыкли: «уд — неуд». Но разве можно с теми же мерками оценивать Политбюро?

Взяли интервью капитан А. НОВОСЕЛОВ и капитан В. САЛОМАТИН.

ОТКУДА ЖДАТЬ ЛАСТОЧЕК,

КОТОРЫЕ МОГЛИ БЫ СДЕЛАТЬ ПОГОДУ В ОБНОВЛЕНИИ ПАРТРАБОТЫ!

ОПЫТ политработника, партийная работа, собственные наблюдения и почерпнутое у коллег дают мне право сделать никому не навязываемый вывод: сегодня о демократизме в партийной работе говорить надо весьма осторожно.

Мы имеем урезанную демократию, а, как известно, любое ограничение партийных масс в изъявлении своей воли — уже не демократия. Такое состояние правильное было бы назвать демократическим конформизмом, при котором парторганизации то и дело приходится подстраиваться самой под окружающую действительность и очередных политических лидеров. Это уже в определенной мере привело к снижению авторитета КПСС. А куда денешься? В армейской жизни на демократизм партийной работы всегда накладывал отпечаток тяжелый пресс централизма в лице командира, начальника политоргана. И «уровень демократии» (если вообще приемлемо такое словосочетание) зависел от демократичности этих руководителей. Партийная организация, да и вся партработа, могли оказаться на длинном или коротком «поводке», а демократия зачастую ограничивалась временными рамками пар-

тийного собрания, где изредка с желанием, а чаще — под нажимом ведущего выступали два-три человека и тут же звучало привычное: «Есть мнение прекратить прения». Люди потеряли интерес к партийному общению, веру, что могут на что-то существенно повлиять. Собрания превратились в продолжение служебных совещаний. Если с докладом выступает лицо административное, то, считай, ни слова не услышишь о стиле, методах партработы по обсуждаемому вопросу. Что бы ни поднималось в повестке дня, структура доклада будет соответствовать разделам приказа командира.

Парторганизация, коммунисты — все, что мы относим к партийным массам, — сами отдали право (а может, никогда и не владели им) определять партийную политику своей организации, спрашивать с коммунистов, не взирая на ранги. Получился интересный парадокс: желание не вступать в конфликт с административной властью оттолкнуло людей от партийной работы. И не надо лукавить: в ходе отчетов и выборов каждый стремится не попасть в число избранников. Для большинства секретарей цеховых, первичных организаций «высокое доверие» в тягость.

ЗА ЧТО НАКАЗАН «ДЯДЬКА»?

ПРОЧИТАЛ в седьмом номере статью «Пора менять аршин» старшего прапорщика Каримбаева и лишний раз убедился, что журнал «раскрепощается», начинает печатать то, что есть на самом деле, а не красивые выдумки. Вот мне и захотелось тоже кое-что сказать в продолжение разговора.

Служу я контролером в ЛТП за сотни километров от Москвы. Но пока шел XXVIII съезд КПСС, рота несла службу по усиленному варианту. «Видимо, наши профилантируемые претендуют на партийную власть, — полушутя поговаривали контролеры. — Иначе чем объяснить усиление?»

Впрочем, какие уж тут шутки. Достаточно вспомнить наши еженедельные занятия, где под диктовку конспектируем то Устав ВЛКСМ, то темы наподобие «КПСС — авангардная партия в СССР». И ведь обязательно проверяются конспекты, а ученикам, т. е. нам — кому под сорок, кому за сорок, у иных внуки. Может, мы газет не читаем, телевизор не смотрим? Читаем и смотрим, а вот радиogramма все-таки пришла: организовать просмотр передач со съезда в подразделении.

Мне думается, что перестройка до тех пор будет оставаться на бумаге, пока не

Послушайте, что говорят о нем в кулуарах: мол, обуза да и только, как чехмодан без ручки: нести тяжело, а бросить... Стал гулять принцип «кабы кого», приведший к тому, что с молчаливого согласия большинства при внешней шумихе избирались к руководству посредственности. Бессловесные, беспринципные, неавторитетные, какой голчок к демократизации партийной жизни они могли дать? Ну а на принципиального человека, избранного партийным секретарем, смотрели как на приговоренного к галерам. Думать одно, говорить другое, а делать третье, чтобы не впасть в немилость, не сидеть «в вечных капиталах», — выбивает инициативу, выжигает всякое творчество. Даже наступая на горло собственной песне, люди становились «как все». Сложилась усредненная психология, породившая грустную истину, что инициатива наказуема.

Уже сейчас, в эти дни, серьезно занимаясь анализом внутрипартийной работы, получаю неутешительные итоги. Сплошь и рядом стремление ни за что не отвечать при коллективном руководстве и коллективной безответственности. Прямо как у Райкина в его интермедии про изуродованный костюм.

А чему удивляться? Долгие годы в партийной работе главным считалось аккуратное ведение партийного хозяйства и отсутствие задолженности по партийным взносам. Изменить такое положение в одночасье нельзя. Никакие сборы, семинары не поменяют отношения коммунистов к парторганизации, если она не станет их кровным делом, если они не поверят в возможности своей партийной организации, а стало быть, и в свои собственные.

Весной прошлого года я детально изучал работу партбюро, возглавляемого ком-

мунистом А. Дырявко. Подразделение в числе лучших, хотелось обобщить передовой опыт коммунистов, показать роль парторганизации в достижении успеха коллективом. Но, к сожалению, тут нечего было пропагандировать. За ворохом планов, протоколов, принятых решений не просматривалась не только партийная организация с «лицом необщим выраженьем», — я вообще никак не мог разглядеть ее лица.

Но как же трудно отказаться от привычки считать, коль служба на высоте, то и партийная работа на высоте!

Бесспорно, авторитет подразделению создавали коммунисты А. Нижников, В. Литвинюк, А. Дырявко, Г. Воротицкий, И. Викал и другие. Но если где они и преуспели, так это в служебной, административной деятельности. Порой задаешься крамольной мыслью: не будь партийной организации, хуже бы они работали или нет?

Отрицать влияния партийного коллектива на положение дел, конечно же, нельзя. Но, если по большому счету, то нельзя не видеть и другого: авторитета и веры в непрерывность принятого партийного решения здесь нет. Постановления многих партсобраний, заседаний бюро оставались неучтенными, иные выполнены на 20—40 процентов. Новые решения наслаивались на прежние, отжившие и неотмененные...

Престижность быть коммунистом, конъюнктура и меркантильность засорили партию. Накануне XXVIII съезда, проводя опрос среди беспартийных, кого бы из коммунистов они рекомендовали в состав того или иного партбюро, услышал фамилии не многих членов КПСС. Заинтересовался неназванными, проанализировал, кто и сколько раз выступал на партсобраниях,

перестроятся те, кто насаждают всю эту никому не нужную писанину. Где же идеологи, которые наконец-то начнут думать, проявлять гибкость, менять тот самый аршин времен застоя, благодаря которому наши знания, убеждения измерялись длиной переписанных строк? Их что-то не видно, и мы вынуждены по старинке заводить съездовские папки, конспектировать материалы XXVIII съезда, благо рука натренирована конспектированием документов предыдущих «исторических вех», «Малой земли», «Целины» и т. д.

Я так понимаю: перестройка должна распрямить человека, дать ему почувствовать себя личностью, нужно наконец понять, что у каждого есть свое мнение, а не насаждать его «казарменными» методами. Но со старым аршином, наверное, работать проще и привычнее.

На мой взгляд, наши прапорщичьи перестроились куда быстрее, чем иные политотдельцы. Те до съезда ждали, что-то там решится в Кремле, после съезда ждут, какие будут директивы. Они потеряли уйму времени, но ничего нового не обрели в формах и методах работы. А ведь людям формализм встал уже поперек горла. Спросите любого прапорщича, и он вам скажет, что темы политучебы для нас не только скучны, но и повторяются из года в год. Ведь надо учитывать как-то и возраст, и образование слушателей, интересы каждого, работать индивидуально. Вот тогда и появится плюрализм мнений.

Но кого это волнует? Не проще ли объявить взыскание сорокалетнему дядьке за то, что у него нет конспекта по Уставу ВЛКСМ?

Старший прапорщик А. ПАВЛОВ.

выполнял партийные поручения, сделал что-то доброе окружающим. Оказалось, до трети — просто пассажиры в партийном составе. На одном из партсобраний не удержался: «Если объявить вход по желанию, наберем ли кворум?» Никто так и не ответил.

НАШИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ разбросаны по местам довольно-таки глухим. Укомплектованность прапорщиками недостаточная. Грамотных, дисциплинированных солдат, сержантов на сверхсрочную остаются единицы, да и те чувствуют себя временщиками: поднакопил денюжат, и до свидания. После того, как стал падать престиж офицерской службы, не могли мы не почувствовать и незавидный общеобразовательный уровень вчерашних выпускников военных училищ, мягко говоря, оставляющую желать лучшего их идейную закалку. Словом, база роста партийных рядов заметно сократилась. Но кто учитывает это?

Кому-то для галочки, кому-то для бравого доклада требуется «оптимистичная» цифра, свидетельствующая, что в наше смутное время приток в партию не сократился, а значит — все хорошо. Наверху знай строят графики, сопоставляя наше ни с чем не сравнимое сегодня то с началом перестройки, то с предшествовавшими ей годами. И жмут, и ничего не слышат, а только вопрошают: «Сколько вам еще прислать чистых бланков партдокументов?» Но посмотрите на любой коллектив. Это же слоеный пирог. Одна группа — уже коммунисты, другую — и близко подпускать к партии нельзя, третьи — сами наотрез не желают быть в ней, четвертые — колеблются, да так, что у коммунистов терпения не хватит доводить их до ума. И то! Разве наша партия — воспитательное учреждение или детский сад? Мы сами засоряем парторганизации, сами подрываем их боеспособность и веру в свои возможности.

На мой взгляд, чтобы восстановить свой авторитет, партийная организация должна вместе с общественностью, своими первыми помощниками — комсомольцами браться за решение всего комплекса социальных проблем, беспокоящих военнослужащих, их семьи. И если кому-то плохо, партийцы не имеют права спокойно созерцать это.

Демократизация общества находит свое отражение и в нашей войсковой среде. Деятельности общественных и, конечно же, партийных организаций. Но сказать, что именно они запевалы в этом процессе, не могу. Потуги есть, но, как известно, одна ласточка еще не делает весны.

Так откуда же ждать ласточек? Видимо, нужны новые люди, с созревшим для этого мышлением, профессионалы в широком смысле слова, социально защищенные настолько, что шипящие «низ-з-зя!» их не повергают в оторопь. Они укрепят веру людей, чего сегодня ох как недостает в партийной работе.

Подполковник Н. ВИХРЕНКО.

Управление внутренних войск по Уралу.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

ЗА ОТВАГУ И САМООТВЕРЖЕННОСТЬ, ПРОЯВЛЕННЫЕ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В СЛОЖНЫХ УСЛОВИЯХ,

НАГРАЖДЕННЫ

орденом КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

подполковник МЕЛЕШИН Борис Петрович;
рядовой НАЗАРОВ Сергей Владимирович;
подполковник ОКИШЕВ Валерий Федорович;
полковник ТРИКОЗ Александр Васильевич;

**орденом «ЗА СЛУЖБУ РОДИНЕ
В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СССР»
III степени**

полковник БОЙКО Михаил Григорьевич;
полковник БОНДАРЕВ Петр Тихонович;
капитан ИВАНОВ Вячеслав Иванович;

орденом «ЗА ЛИЧНОЕ МУЖЕСТВО»

майор ВАЩЕЙКИН Сергей Васильевич;
рядовой ГАТАУЛИН Айдар Габдельбарович;
младший сержант ШМУРЫГИН Андрей Михайлович;

медалью «ЗА ОТВАГУ»

рядовой АБРОСИМОВ Станислав Игоревич;
рядовой БАЖКОВ Евгений Васильевич;
старший лейтенант ФИЛОНЕНКО Владимир Иванович;

медалью «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ»

младший сержант ВЯТКИН Антон Андреевич;
ефрейтор ГОЦЕНКО Игорь Александрович;
капитан ГРЯКАЛО Владимир Владимирович;
капитан ДЕРНОВ Леонид Борисович;
майор ДУТЬКОВ Игорь Николаевич.

"ПОДАЙТЕ РОТНОМУ..."

- КОГДА ЗАКОННОСТЬ ПРОТИВОРЕЧИТ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ
- В ВЕЧНОМ ВЫБОРЕ: ДОСТОИНСТВО ИЛИ ДОСТАТОК?
- КАК РОЖДАЮТСЯ ЖАЛОБЫ

ГОВОРЯТ, не вор делает дырку в заборе, а дырка в заборе делает вора. И ее, пожалуй, можно отнести к тем особым, чрезвычайным обстоятельствам, которые способны даже честного и гордого человека поставить перед жесточайшей, но, как ни странно, мотивированной и нередко санкционированной свыше необходимостью... взять то, что по праву принадлежит не ему. Но вот где действительно парадокс: мы в негодуем, обличительном порыве клеймим позором всякого, берущего без зазрения совести из государственной кормушки для личных потребностей, и подчас не видим ничего зазорного, если человек делает то же самое, но во имя всеобщего или хотя бы узкоколлективного, допустим, ротного блага. Будто шоры появляются на глазах, когда звучит универсальное оправдание, отпускающее грехи: не для себя старался, для службы. Тут, объясняем мы себе, уже налицо не примитивное хищение, а своеобразное перераспределение общественных ценностей, напрямую, минуя различные бюрократические инстанции с их извечными волокитами. Так сказать, на бытовом уровне. И, бесспорно, из добрых побуждений. Но ведь и дорога в ад вымощена исключительно благими намерениями.

Ну кто из нас, борющихся за безоговорочную законность в правовом государстве, не знает, что командиры отдельных подразделений довольно часто оказываются в тупиковых, по сути безвыходных ситуациях, уподобляясь нищим на паперти, у которых дома — семеро по лавкам? И каждому — дай. И кто из нас, ратующих за высшую справедливость, не слышал хотя бы краем уха о том, каким образом ликвидируют они хронический дефицит в кирпиче, запчастях, дереве, горюче-смазочных материалах, щебне, металлических уголках, цементе, резине, гравии, шахматных досках, рабочих руках...

Выписывают в установленном порядке? По накладным?

Да-да, формально это, конечно же, так. А фактически? Допустим, спецавтомашине через десять минут в рейс, причем безотлагательно, задержка чревата серьезными последствиями, а из системы, как на грех, вытекла вся тормозная жидкость. До капли. Поставив под угрозу срыва выполнение служебной задачи. И спецвагон, прикрепленный к железнодорожному составу, на станции ждать, безусловно, не будет, как, к слову сказать, и взыскание ротному — тоже не заставит себя долго ждать.

И мы стыдливо отводим глаза, предпочитая не видеть очевидного и добросовестно заблуждаясь, надеясь, что командир роты, оказавшись в цейтноте, тут же с легкостью утрясает этот вопрос с автослужбой части, начальником колонии, директором производства, выписывает соответствующие случаю бумаги и спокойно, без проволочек и излишней нервозности получает искомую тормозную жидкость (или масло, или покрышки, или конфорку для печи, или краску для фасада...) на складе. Идиллия.

А если с автослужбой связаться по телефону труднее, чем наладить у себя кустарное производство антифриза; да и что это даст? Если директор в колонии за версту тебя обходит и уже неделю не здоровается за то, что... Господи, да мало ли за что?! Если накладные выписывают и визируют по четным числам до обеда, а сегодня нечетное и вечер? Но...

ЕСТЬ, по меньшей мере, две незаконные отдушины у несчастного ротного, чье подразделение имеет под охраной объект с промышленным производством. Первая: срочно связаться с каким-либо отзывчивым, непривередливым административным работником ИТК и, конечно, в счет будущих взаимных (ты — мне, я — тебе) услуг, быстренько, чтобы не подрывать боеготовность, решить этот вопрос; контролеры вынесут. Вторая: в обход официальных лиц и во избежание долга, красного, как известно, платежом,

...ИСТОРИЯ ОМЛЕТ...
выйти непосредственно на подчиненных контролеров, находящихся вблизи очередного, внезапно возникшего дефицита, и тогда те, рискуя попасть под колпак и, соответственно, в донесение оперативников, опять же вынесут.

Увы, что прежде творилось по неразумию, сделалось атрибутом должности, естественной составляющей главного дела, более того—непрерывным условием выполнения функциональных обязанностей. Нужно ли долго объяснять, какие моральные издержки несут военнослужащие, вольно или невольно втянутые в этот порочный круг доставал при подобной, ставшей привычной, разве только неузаконенной системе самоснабжения? А уж сколько конфликтных ситуаций между лицами ответственными—командирами, руководителями ИТК—и берущими, то есть контролерами, порождено! Оно и понятно, положению командира, «повязанного» с подчиненными одним, пусть полезным для подразделения, но неблагоприятным по большому счету делом, не позавидуешь. Тот же контролер, который еще вчера видел командира с протянутой рукой—«дай», на его сегодняшнее «сделай» реагирует в лучшем случае с некоторой прохладцей. Дескать, все мы одним миром мазаны, и право на требовательность чистой репутацией добывается. Ну, а надавит офицер, своего добиваясь, и пожалуйста—жалоба. Пусть только один факт из десяти найдет себе подтверждение, зато сколько нервов поистреплет проверяющая инстанция «взбрыкнувшему», неблагодарному начальнику, забывшему старую истину—рука руку моет. Увы, недостатка в примерах нет.

Обнаружил командир роты майор М. Гавриловец существенные беспорядки в штрафном изоляторе колонии, где несла контролерскую службу смена начальника войскового наряда старшего прапорщика Е. Теслянка, и указал на них последнему, причем, надо признать, далеко не в самой учтивой форме. Справедливо? Да, если закрыть глаза на некорректность командира. Но все равно ведь обидно выслушивать упреки от человека, который и сам... К тому же, вспоминают товарищи Теслянка, он надумал сменить место службы. Как не хлопнуть дверью напоследок, если есть такое желание! Словом, тут же старший прапорщик, доселе без малого пять лет упорно не замечавший отрицательных качеств командира (его лично это не касалось), неожиданно проявил поразительную принципиальность: «...Майор Гавриловец злоупотребляет служебным положением, своими действиями сознательно толкает контролеров на преступный путь...»

Вправе ли контролер выдвигать такие обвинения, опираясь, к примеру, на явный, нескрываемый факт выноса с объекта дверных петель для замены пришедших в негодность в казарменном помещении? С точки зрения войсковой практики—наверяд ли, а с юридических позиций—безусловно. Он не может знать всех тонкостей взаимодоговора между ротным, с одной стороны, и директором производства или его заместителем—с другой. Он не может

знать, дар ли это начальника колонии в порядке шефской помощи или прихоть командира? Его вообще могут не поставить в известность, для чего эти дверные петли предназначены—для двери в ленинской комнате или в квартире офицера. В цепочке «потребность—договоренность—реализация» он лодкляется лишь на последнем, заключительном этапе, когда моральная подоплека не оговаривается и не мотивируется, а надо просто-напросто вынести дефицит за пределы колонии и доставить по указанному адресу. И потому представлений контролера о случившемся вполне достаточно, чтобы составить исключительно превратное мнение о действиях, вернее, уже махинациях командира роты и довести его, это мнение, до сведения, как принято говорить, компетентных органов: что мы знаем о человеке, то в нем и видим. А если вдобавок и зуб на командира имеется—можно для остротки присовокупить кое-что из слухов.

Вот и по информации старшего прапорщика Е. Теслянка у людей посвященных создалось цельное впечатление, что майор Гавриловец не иначе как не по праву носит на плечах погоны, а в кармане партбилет. Судите сами. Он, если верить жалобе старшего контролера, разжился на охраняемом объекте материалами «якобы для строительства забора вокруг территории подразделения, а на самом деле строит... гараж». Естественно, себе. Лично. Но силами контролеров, чье место в это время—на службе. А дальше следуют не менее мрачные эпизоды из почти что мафиозной деятельности офицера: и контролеров со службы для ремонта личной автомашины систематически снимает, предоставляя им за услуги отгулы, а также отпуска в летнее время, и дисциплинарные проступки покладистых любимчиков и подхалимов покрывает.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА! Их нет, разводит руками Евгений Михайлович Теслянок, ибо кто ж сознается, что сам, своими руками вынес из зоны пусть даже ведро с краской? Не пойман—не вор. Правда, красный кирпич, выписанный законно на объекте и открыто полученный, действительно пошел на строительство забора вокруг территории роты, что не являлось тайной и для руководства части. Кирпичный забор, без которого и военный городок—не городок, это реальность, от нее не отмахнешься. Правда, строился и гараж командира, и тоже у всех на виду, но уже из белого, купленного за наличные деньги силикатного кирпича, производимого местным заводом и предлагаемого всем желающим. Строился не в служебное время. Как чувствовал Михаил Адамович Гавриловец, бесчисленные счета, ордера и извещения сохранил, на каждую металлическую скобу «паспорт» оформил. Даже жутковато немного от такой предусмотрительности, заданности, настроенности на возможную человеческую непорядочность, нечистоплотность, на вполне вероятные неприятности. Но сами контролеры и посоветовали ротному: храни, мол; мир, конечно, не без добрых

людей, но и не без злых. Так что в целом он отделился угробленными нервыми клетками да несколькими бессонными ночами. Но первопричина его невзгод, по вторюю,—бедность командиров отдельных рот, нищета, вынуждающая идти на сделки и сговоры.

Однако далеко не всегда и не всем подобная оборотистость, пусть даже и вынужденная, не от хорошей жизни, сходит с рук. Так, для командира роты капитана В. Сорокина, служившего на Урале, такая история закончилась довольно плачевно—его уволили из войск. А ведь рота уверенно занимала второе место в части, по многим показателям лидировала (пусть мне попробуют доказать, что никто в верхах не знал, какой ценой!), ротный на год по три раза поощрялся денежными премиями, в том числе и от командира соединения. Увы, судьба—стекло: блестя, разбивается. В своей последней исповеди, когда все уже было кончено, Сорокин сказал:

— В роте — три класса, обставленных честь по чести. И ни одного стола, полученного со склада. Вот ведь как. Нет, по документам, конечно, столы получали, а на деле—их передали в другие роты, где совсем туго. Да, указание такое было. Себе, сказали, сам достанешь. Куда деваться—привез, похвалили: молодец! Потому что гладко прошло. Затем настоятельно «посоветовали»: два листа ДВП найди и передай в соседнюю роту, им очень надо. Нашел. Когда солдаты вывозили, попались на лошади; мне сказали: сволочь, вор, преступник, аморальный тип. Те же и сказали, кто до того эти листы взять велел. Сволочь—потому что договорился и вывез или потому, что доставить к месту не сумел!

А как быть, подскажите! В свинарнике настил прогнил, там грязи до черта—ступить страшно, ЧП не миновать. Указывают: поменяй настил. На что? Где взять-то! Ищи, говорят. Ищу. Вывез доски — отремонтировал свинарник. Но ведь так просто в зоне ничего не дают, на махинации подвигают. На чем и погорел, в принципе...

Что сделал за два года командирства? Бойцам жизнь человеческую устроил—худым словом не помянут, себе — только нервы измотал. Оборудовал комнату психологической разгрузки, спортзал, класс боевой службы, библиотеку, бытовку—приятно войти. Нет, не все. Баню построил для солдат: смотришь на них, счастливых, после парной—душа радуется. По документам! Из бумаг ведь баню не сварганишь. Правда, кирпич провели законно, а вот остальное...

Да, городок тактики внутренних войск построили. Сами видели, все макеты железные. Переделали полностью, привели в соответствие с уставом караульное помещение. Солдаты на службе людьми себя почувствовали. Махнуть рукой! Неудобно. А еще наезжают проверяющие и сточат: сделать! Из чего—не знают, но пишут. Не справишься к сроку—зыщут.

Я чувствовал, что меня кончат. Работать честно! Пусть тот, кто после меня придет, попробует честно—помыкается...

И ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, мыкаются, бедолаги. Те, кто честно, и те, кто «традиционно»: ты—мне сегодня, я—тебе завтра.

И еще одно, не столько любопытное, сколько тревожащее наблюдение. Евгений Михайлович Теслянок зацепил в своей жалобе нескольких человек, понавешав на них ярлыков без всякой жалости и меры. Каковой должна быть естественная реакция честного, не замешанного ни в каких незаконных манипуляциях человека, которого ни за что ни про что оклеветали? Взрыв возмущения? Возможно. Всплеск негодования вплоть до засучивания рукавов? Не исключено. Оторопь? Да, и это все совершенно здоровые эмоции. В данном же случае реагировали большей частью, скажем так, несколько странно. Командир роты, к примеру, не придавал значения той канонадной части жалобы, где его обвиняют в злоупотреблении служебным положением, шантаже, организации воровских сделок и прочих серьезных грехах. И лишь докучная назойливая проверяющего: «Неужели не обидно, Михаил Адамович? Неужели не берет за живое?» —заставила, наконец, офицера вчитаться в суть грозных упреков. Но, видимо, на сердце так и не легло, не задело. По-прежнему контраргументируя частные, второстепенные выпады, он не обращал внимания на главное. Цепляясь за ветви, не замечал ствола и корней. А некоторые контролеры, которым досталось от Теслянка, и вовсе заняли оборону на известной позиции—«сам дурак!»: взялись усердно припоминать все темные пятна на репутации Теслянка за последние пятнадцать лет...

Неужто и впрямь царапина на лбу может заставить забыть о глубокой ране на месте, не столь заметном, только потому, что она сильнее бросается в глаза посторонним? Ведь это, по меньшей мере, ненормально—пропускать мимо ушей явные обвинения в бесчестии. Ненормально для любого человека, а для военного, для офицера, на мой взгляд, тем более. Впрочем, тут уж, наверное, приходится выбирать что-то одно—либо гордость, чувство собственного достоинства и... хроническая нехватка в роте самого что ни на есть жизненно важного, либо—извечно протянутая рука, неизменная приветливость, выказывание дружеских чувств людям, откровенно неприятным, но влиятельным и... казарма — полная чаша. Первый, гордый и независимый, вряд ли долго продержится в командирском кресле—вышибут. Второго, съевшего собаку на своеобразном войсковом хозрасчете, с атрофировавшимися мускулами честолюбия, уже трудно чем-либо обидеть — душой зачерствел. Что слова? Шелуха, забудутся. А как быть, если «автозаку» на службу выезжать, а из системы тормозная жидкость вытекла? Видать, система виновата. Та самая, что делает командиров подразделений примитивными доставалами, вынужденными ходить с протянутой рукой: «Подайте ротному... на организацию служебно-боевой деятельности».

Майор А. УШАР.

Виктор ГОНЧАРОВ

ПОЭМА

ПОБЕДОНОСЕЦ

За Сталинград удостоились высоких наград мои соратники: Ватутин, Василевский, Воронов, Рокоссовский, Еременко. Тысячи офицеров, сержантов и солдат получили ордена и медали. Но победа на Волге принадлежит народу не меньше, чем войскам. Народ обеспечил армию всем, что было нужно. Это была крупнейшая за всю историю человеческих войн, удивительная операция. Она была обдумана, рассчитана и приведена в исполнение. Весь мир был ошеломлен. С этого момента Гитлер потерял возможность здраво оценивать ход военных событий.

*Юрашка,
Сказать даже как-то неловко,
Мальчишка
Из дальней деревни
Стрелковки,
Что смотрит домами
В реку Огублянку,
Где крик петушиный
Стоял спозаранку,
Где блеяли овцы,
Мычали коровы,
Где жили негромко,
Но были здоровы.
Россия,
Одетая в снег и пургу,
Озера да топи
Тебя берегут.
Тебя охраняют
Густые леса,
Ты наша отрада,
Любовь и краса.*

9

О, ЮЖНАЯ, Средняя, Белая,
Сибирская, Дальняя Русь!
О благе твоём и единстве
Я денно и ночью молюсь.
Ты грозную силу народа
К плечу прижимаешь плечом.
Теперь никакая погода
И буря стране нипочем!
Все нации стали единой
И необоримой стеной
Пред силой такой исполинной
Опешит противник любой.

— Где Жуков?
Жукова сюда!..
Георгий,
Нам грозят беда.

Окончание. Начало в № 10.

Забита Курская дуга
Броней и пушками врага.
Ты должен это уяснить,
Обдумать
И врага разбить.
Даю тебе на все на это
Ну, скажем,
Половину лета.

И час наступил,
Был неслыханный бой.
Об этом расскажет вам
Камень любой,
Коль он уцелел
В том аду из огня,
Где билась, сгорая
И плавясь, броня.
Пред битвою этой четвертого дня
В полнеба
Увидели люди коня.
Спокойно и строго
И мирно вполне
Сидел Копьеносец
На этом коне.
Потом конь встряхнулся
И встал на дыбы.
Потом раздалось,
Словно гром из трубы:
— Тому, кто явился к нам
В гости с мечом,
Мы головы
Этим мечом
Отсечем.

И ЛА МЕСЯЦ всего
Эта схватка моторов,
Но годы еще
Будут всяческих споров.

Откуда у русских
 Взялись эти силы?
 Как будто
 Восстали
 Из братской могилы
 Безвестных героев
 Георгиев роты.
 Святые сыны
 Огнеметной работы.
 «Пантеры» и «тигры»
 В оврагах дымилась,
 Чего добивались,
 Того и добились.
 И первый в войне той
 Салют над столицей
 Взлетел, полыхнул
 Разноцветной жар-птицей.
 Победа под Курском!
 Под Курском победа!
 По-русски,
 На русском,
 За рюжкой беседа.
 Голодный, холодный,
 Несчастный народ
 Слегка приподнялся
 В тот памятный год.

Бомбардировщики сбрасывали губительные тонны тяжелых бомб. Зловещим пламенем полыхало пространство. Немецкие солдаты в ужасе, бросая все, разбегались в разные стороны. Кто не успевал сдаться, погибал тут же. Не видевшим всего этого трудно представить содрогание и гибель огнедышащего дракона, стальное тело которого заняло всю Европу, а железный хвост бился об Африку. Солдаты: узбеки, туркмены, русские, украинцы, белорусы, таджики, якуты—были истинными героями боев на Курской дуге.

— Ребята, солдаты,
 А что же вы пили?
 — Мы горюшко пили
 На братской могиле.
 — Солдатушки, братцы,
 А что же вы лили?
 —Мы кровушку лили
 Сто верст и две мили.
 — Ребята, солдаты,
 А чем вы богаты?
 — Победями, вот чем
 Богаты солдаты.
 — А где ж те богатства,
 Солдат?
 Не молчи.
 — От наших богатств
 У безносой ключи.
 Гляди,
 Аль не видишь
 Богатства приметы:
 Вождей и вожденьшей
 наших портреты.
 Кому-то
 Дворцы да чертоги;
 Народу —
 Грохочущий ад.
 Дороги, дороги, дороги,
 Дороги
 По трупам солдат.

Т О, ЧТО БЫЛО за горами,
 То, что было за лесами,
 Наконец-то перед нами.

Перед нашими глазами.
 В тумане весь,
 И сер, и сед,
 Но чем-то горд
 И даже молод.
 Как мог родить
 Так много бед
 Такой красивый город?
 Тот город,
 Что взрастил людей,
 Достойных удивленья.
 Да как же так,
 Один злодей—
 А нет всему спасенья?

А что, культура мировая
 Лишь корочка
 От каравая?
 Неужто зло
 Сильней добра?
 Крысенка родила гора.
 — От крыс чума,
 Война, тюрьма.
 — У нас в Москве
 Крысья навалом.
 — Молчи, дурак,
 Таким оралам
 Немало места
 За Уралом.
 — О чем вы, братцы!
 Погляди,
 Весна, сирень,
 Полно жасмина.
 Да, слава Богу,
 Мы живьем
 Дотопали
 До стен Берлина!—

* * *

Святой Егорий
 Спешил на битву,
 Сил не жалея.

Застал Егорий
 В горах у моря
 Хмельного змея.
 Тот змей-горыныч
 Был самой хитрой
 И злой породы,
 Что травят воды,
 Сжигают села
 И жрут народы.
 И гневно слово
 Сказал Егорий,
 Коня прищипоря:
 — Не жди пощады,
 Змеина шкура,
 Утроба горя!
 Прощайся с жизнью,
 Молися черту
 Своему скорее...
 И пикой вострой
 В тугое темя
 Ударил змея!

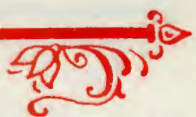
ЧТО, ЖУКОВ,
 Будем брать Берлин?!
 Но с трех сторон,

Не ты один.
 Не поскользнется пусть нога
 На этой вражьей пуповине.
 В Берлине логово врага,
 И мы его добьем
 В Берлине!
 Участок твой
 Не штык прямой,
 А весь извилисто-кривой,
 Важнейший самый и большой.
 Ну, маршал, с Богом,
 В добрый час.
 Последний бой
 На этот раз.

Был взят Берлин,
 Но как был взят,
 Поди, не голыми руками?!
 Вначале был он
 Бит и мят
 И ослеплен прожекторами.

И только лишь
 Уже потом
 Шел бой
 Почти за каждый дом.
 Мы фрицев
 Крепко проучили,
 Но многие из нас почили
 Тогда навек
 В столице этой,
 В переполошный страх одетой.
 Мы расписали
 Весь рейхстаг
 Тогда своими именами,
 И будущим врагам на страх
 Россия пусть гордится нами!

— А Гитлер, Гитлер где?
 Скорей
 Ищите подлеца и вора.
 Ведь по его вине
 Вся свора
 И свара,
 И беда людей.
 Ищите Гитлера скорей!
 — Нашли.
 Он в бункере сожжен.
 — А может, это и не он?
 — Кто знает.
 Доказательств нет,
 Но там, где
 От сожженья след —
 Висит его фотопортрет.
 — Неметчина.
 — Злыдня.
 — Культура.
 — Любую культуру
 Одешь в диктатуру,
 И тут же тебе
 Воздается сполна —
 Цензура,
 Доносы,
 Покося,
 Война!
 А тут уж культура
 Никак не вольна.
 — Она что лампадка
 Во мраке души.
 Шагай не спеша
 Да не громко дыши.
 Ее не купить, не изъять,
 Не продать,
 Она в глубине,
 Что в реке благодать.
 — Терпенье —
 Годами больного
 Из ложки
 Поить и кормить.
 — Уменье —
 Безжалостно строго,
 Коль нужно.
 Себя осудить.
 — Желанье —
 Взлететь над рекою
 Что конь,
 Закусив удила.
 — Сурово
 Своею рукою
 Пол-литра
 Убрать со стола,

231

— Талант,
 Что исходит оттуда,
 Где тихого света полно.
 Стремление
 Выстрадать чудо
 Не каждому
 В жизни дано.
 Но к этому
 Надо стремиться
 Не день, и не два,
 И не год.
 Душа твоя —
 Синяя птица,
 Готовая в дальний полет.
 Не просто ей
 В этом полете,
 С земли
 Можно пулями сбить.
 Их много, бродящих в болоте
 Охотничков
 Празднично жить.
 Бывает и будет такое
 В момент, когда
 Гибнет народ.
 Культура рождает герба
 И в бой за культуру ведет.

А ненависть за все года
 В один кулак расплаты сжалась.
 Казалось,
 Будто сотни оргий
 Безумных сил
 Слились в одну.
 И сам разгневанный Георгий
 Вгоняет пику в сатану!
 Рванулись танки
 И пехота,
 А значит, мы как есть —
 Вперед!
 Кто не был там,
 Тот не поймет,
 Как перед смертью
 Жить охота.
 Я умирал.
 Я ранен был
 И, кровь теряя,
 Все забыл.
 Тогда огромный
 Белый Конь
 Передо мною очутился.
 Тяжелый всадник наклонился
 И подал мне
 Свою ладонь.
 — Терпи, — сказал.
 И я взлетел
 И очутился вдруг в санбате,
 На странной
 Подвешной кровати,
 Среди других
 Таких же тел.
 А ты — отряд...
 Они тебе наговорят.
 В то утро
 В месиве огня,
 Ещё в спасение не веря,
 Я счастлив был,
 Что без меня,
 Ан все же
 Добивают зверя!
 Отряд, отряд —
 Они тебе наговорят...

И А ВЕСЬ РАЙОН —
 Ты, дед, один
 У нас из тех,
 Кто брал Берлин.
 Ребята в школе говорят,
 Что твой отчаянный отряд...
 — Отряд...
 Они тебе наговорят.
 Твой дед —
 Помком стрелковой роты,
 А значит,
 Верный сын пехоты.
 Когда пространство ослепили
 Сто сорок шесть прожекторов,
 А взрывы
 Город превратили
 В один
 Ревущий смертью ров,
 В тот миг
 Густая борода
 Дымов
 Над городом держалась,

11

— Забудьте то, что было,
 Хватайте то, что есть!
 — Зачем вам было мыло,
 Когда без мыла мило
 Мы можем всюду влезть?
 — Давайте по мордасти
 Тому, кто не у власти.
 Ломайте, рвите, жгите.
 — Ни в чем ничья вина,
 Юлите да хитрите,
 Меняйте имена.
 — Чтоб нас не опознали,
 Чтоб мы не опоздали.
 — Куда? Куда? Куда?
 — Не закудыкивай, балда!
 Туда, где празднует беда.
 — Я лысый черт,
 Я весь в снегу,
 Я все что хошь
 Согну в дугу!

Бросай, — скажу, —
 Без процедур,
 Не гляючи, с размаха
 В подарок
 Крепость Порт-Артур
 И шапку Мономаха!
 Бей башмаком, —
 Шепну, — о стол,
 Крути, — толкну, —
 Шиши!
 И будет так,
 Как я хочу,
 Во сласть
 Моей души!
 У черта тоже есть душа
 За пазухой
 В три голыша!

Расплясались, расшумелись,
 Распустились, развертелись.
 Там, где нас подводит свет,
 Там на них управы нет.
 Вы, мохнатые, сильнее
 В тех местах,
 Где потемней.
 Скажет Бог:
 — Да будет свет!
 Всюду свет
 И леших нет!

А ГДЕ ЖЕ Сталин?
 Сталин что?
 Кавказский бестия, кинто!

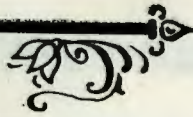
— Сейчас все смелые у нас,
 Поскольку тот костер погас
 И Джугашвили спит в могиле.
 Тогда же был он
 В страшной силе,
 Поскольку он рабочий класс,
 Весь Мир,
 А с ним и нас, и вас
 От рабства, говорили, спас.
 Толпа восторженно кричала:
 — Наш кормчий!
 — Гений!
 — Рулевой!
 В те годы
 Истина молчала,
 Лубянка только отвечала
 В подвалах,

Стонами порой
 На этот горький пир горой.
 Но Мир-то спас
 Совсем не он.
 Однако мухой
 Не был слон.
 Жестокий, беспощадный, злой,
 Он был улыбочивым порой.

— А ну-ка, Жукова ко мне
 На удивленье всей стране!..
 Георгий, на коне умеешь,
 Не разучился гарцевать?
 — Парад Победы
 Вам придется,
 Товарищ маршал, принимать...
 — Нет, нет, я стар
 Для праздничных побед.
 Ты помоложе, помоложе,
 Но там, где ты,
 Я буду тоже
 В победе этой
 Есть мой след.
 Я над тобой, и над собой,
 И над победою самой!
 Я есть не я,
 Не Сталин даже,
 А знамя той
 Победы нашей.
 Садись на белого коня,
 Тот резвый конь
 Не для меня.
 Георгий... да...
 А что ж — святой,
 Коль выжил
 Под моей пятой.
 А сколько, сколько,
 Сколько раз
 Ты слишком мне
 Мозолил глаз!
 Но Бог
 Георгия берег.
 Я Бога
 Победить не смог.
 У смерти нет
 Понятья — сътъ
 С библейских дней
 Седого Ноя.
 Но ты, Георгий,
 Будешь жить
 Как образ
 Вечного героя!
 Садись на белого коня,
 Тот резвый конь
 Не для меня.

• • •

*Святой Егорий
 Свершил свой подвиг,
 Зло околено.
 Побито насмерть
 Стальной пилой
 Драконе тело!
 Терзали падаль
 Станицы птичьи
 Да стаи волчьи.
 Пир пировали*

Они у моря
 До полудни.
 А утром ранним
 Все, что осталось,
 Что змеем было
 Навеки море
 Волной студеной
 С камней смыло.
 Такое чудо,
 Такое дело,
 Такая правда!
 Живите люди,
 Пашите землю.
 Герою — слава!

Я военный. Профессионал. Для меня в слове Верховный заключалась, заключается и будет заключаться пружина победы. Я не из тех, кто умел прятаться от всевидящего, а к концу войны уже и много понимающего смертоносного взгляда. Мне нужно было научиться выигрывать два сражения сразу. Военная малограмотность Сталина приводила к большим потерям и трагическим поражениям. Как победить противника, я знал, но как переубедить Верховного, было неведомо никому. К концу войны стало легче. Он уже был менее категоричен, в операции почти не вмешивался. Мы победили. От снежных вершин Гуниба до Эльбы, от Черного моря до Белого остались лежать несчитанные миллионы моих боевых соратников — матросов, солдат, офицеров и генералов. Они живы, пока вы их помните. Никогда, никогда, никогда не забываете о прошлом!

— Ну что же, Жуков,
 Я не зверь.
 Но лучше бы тебе теперь
 Служить подальше от меня.
 Сейчас на белого коня
 Из мрамора
 Сажуся я.
 Тот конь
 Ни есть, ни пить не просит
 И никогда меня не сбросит.
 А ты езжай
 В одесский край
 И службу с честью продолжай...

12

ВОТ ТАК МЫ, выиграв войну,
 Вдруг мир в те годы проиграли.

Герои недругами стали.
 Их по ночам
 Бесшумно брали.
 Корабль побед
 Пошел ко дну.
 Мы в службе часто
 Так важны,
 Что не чутки
 И не дружны.
 Любой из тех,
 Не лень кому.
 Ломают нас по одному.

Мы в интересный век живем —
 Пластмасскаркас
 Оброс жирьем!
 И вот явился на свет
 Чудовище
 Из ста котлет.
 И каждая котлета
 Сама себе полсвета!
 — Где вы были?
 Что вы пили?
 Почему глаза закрыли?
 — Были там,
 Где нас уж нет.
 Пили те, что
 Пить не след.
 — А еще мы говорили
 Те, о чем давно забыли.
 И такое углядели,
 Что теперь
 Не видим цели.
 — А поэтому пуляем
 Мы в того, кого не знаем.
 И туда теперь идем,
 Где уже добра не ждем.
 — Умники-разумники,
 Оборотшкурники,
 Девки, танки, водоем —
 Все что хочешь
 Продаем!
 Грим и Крым,
 Перо и газ
 И залив Кара-Богаз!

Ой, не к добру,
 Ох, неспроста
 Все делается это.
 У шустроперых паспорта
 В любую точку света.
 Умелцы убить, и ославить,
 И вывернуть наоборот.
 Горбатых могила исправит,
 Мохнатых
 Ничто не берет.
 — Берет и змяку, и летом.
 За мялую душу берет!
 Молитвой, аль пикой, аль светом.
 Иль словом, что врать не дает!

Отчизна,
 Есть еще у нас
 Поселки, в окраины,
 И деревушки, что вконец
 Пока не забурьянены.
 Не купишь их и не продашь —
 Непрезентабельный багаж.
 Как видно, там
 Средь слез растет
 Тот, кто весь мир
 От бед спасет!

О, Южная, Средняя, Белая,
 Сибирская, Дальняя Русь!
 О благе твоём и единстве
 Я денно и ночью молюсь.
 Не дай разорвать нас на части,
 Пошли нам краюху ума,
 И все наши
 Страсти-мордасти
 Тогда б ты решила сама!

Тревожно?
А вам не тревожно?
Однако не верить
В звезду, что над нами,
Никак невозможно.
Не надо запугивать мир
Приставными усами.
Мы выйдем
Из этого ада зловещего
Самя.
С дороги,
Эй вы, уловители душ,
Хитрословы!
У наших коней,
Словно в сказке,
В алмазах подковы.
Убили?
Ан нет, не убили.
Герой на коне
Возродился
Из праха и пыли.
И мир удивляется чуду,
От счастья хмелея,
А всадник
Копьем поражает
Поганого змея.
Нас много,
Мы многое можем,
Друзья-россияне,
Ручьев разнородных,

Речушек
И рек крутобережных
Святое слиянье!

*Юрашка,
Сказать даже
Как-то неловко,
Мальчишка
Из дальней деревни
Стрелковки,
Что смотрит домами
В реку Огублянку,
Где крик петушинный
Стоял спозаранку,
Где блеяли овцы,
Мычали коровы,
Где жили негромко,
Но были здоровы.
Россия,
Одетая в снег и пургу,
Озера да топи
Тебя берегут.
Тебя охраняют
Густые леса,
Ты наша отрада,
Любовь и краса.
Ты тихо и скромно
Средь вздохов и бед
Растись полководцев
Для светлых побед!*

ВОЕНИЗДАТ ПРЕДЛАГАЕТ

ПАПУЛОВСКИЙ И. П. Агент зарубежного центра: Повести. 1990. 224 с. (Военные приключения). 100 000 экз. 1 р.

Книга—о сложной и опасной работе чекистов Эстонии, которые совместно с коллегами из других республик вели после войны борьбу с бандитско-националистическими формированиями и фашистскими пособниками, совершившими тяжкие преступления против своего народа.

РЕНЯК М. Один среди чужих: Повести (Пер. с польск). 2-е изд. 1990. 437 с. 100 000 экз. 3 р.

В книге, объединяющей три повести, автор в увлекательной форме показывает борьбу польских патриотов с реакционным подпольем внутри страны.

КИРСТ Г. Фабрика офицеров: Роман (Пер. с нем.). 2-е изд. 1990. 496 с. 100 000 экз. 4 р. 10 к.

Роман западногерманского писателя

Г. Кирста является острой сатирой на офицерские кадры вермахта. В основу сюжета положены действительные события, происшедшие в одной из немецких военных школ в 1944 году.

БОЙКО В. Р. Большой Хинган—Порт-Артур. 1990. 272 с.: ил. (Военные мемуары). 65 000 экз. 1 р. 40 к.

Отдельные главы этой книги публиковались в журнале «Новый мир» и вызвали большой интерес читателей. Автор—видный политработник, Герой Советского Союза—рассказывает о мужестве и героизме воинов 39-й армии, которая совершила труднейший марш через Большой Хинган и приняла участие в разгроме японской Квантунской армии. В воспоминаниях повествуется о разносторонней деятельности Военного совета армии в ходе боев и пребывания наших войск в Порт-Артуре, о широкой и бескорыстной помощи китайским трудящимся.

БЫЛО ЛИ РАНЬШЕ ТАКОЕ?

Как-то я возвращался из Кишинева в Одессу. Моими соседями по купе оказались родители солдат. Мужчина с верхней полки басил, что еще не родился тот человек, который бы смог обидеть его сына-чекиста, а вот молодая еще мама была расстроена. Она поведала, что ее мальчика обижают все кому не лень. Возила в подарок тельняшку его товарищу, который все время за него заступает. Одновременно рассказала, что и кормят их плохо. Достала польских концентратов и отвезла. Они ими разбавляют казенные блюда. Попытался узнать номер части, фамилию солдата, но соседка умолкла, а потом вдруг сказала:

— Может, вы и хороший человек, а только зачем это вам?

— Пойду куда следует и доложу, чтобы приняли меры. Нельзя же мириться со злом!

— Э, дед, ты, видать, давно служил. Теперь в армии всем заправляют «старика», а офицеры только зарплату получают, — вмешался мужчина, сидевший у окна. — Вот мой племяш рассказывал...

Что рассказывал «племяш», я слушать не стал, ибо разговоры среди гражданских о «дедовщине» всегда преувеличены, и, как правило, бесосновательно утверждается, что воинская дисциплина поддерживается с помощью «дедов», что офицеры чужими руками завоевывают себе авторитет, что их-де разбаловали высокими окладами и т. д.

Одна знакомая библиотечкаря, начитавшись корреспонденций типа «Случай в спецвагоне», представляет себе армию как нечто ужасное, сброд хулиганов и насильников. И была удивлена, когда я на конкретных фактах доказал ей обратное.

Должен сказать, что в 50-х — начале 60-х годов мы практически с «дедовщиной» не встречались, а вот элементы ее проскальзывали. Это были, как правило, проявления пренебрежительного отношения к молодым, доставшиеся от старой армии.

Отец мне рассказывал, что он пережил «дядьковщину». Служить он начинал в возрасте 21 года до первой мировой вой-

ны. Как грамотный, был определен в пулеметную команду. К нему приставили «дядьку» из старослужащих, малограмотного и туповатого. «Наставник» сразу же потребовал на курево и предупредил, чтобы к праздникам и к дню ангела было на водку.

На фронте всякие «дядьки» и унтера свои руки укоротили. После февральской революции солдатские комитеты активно вели борьбу с теми, кто не отказывался от старых привычек.

В Красной Армии вообще исчезло всякое притеснение новобранцев. А вот боевое мастерство ценилось особенно высоко, некоторые задирали нос, но до унижений не доходило.

Мои старшие братья Василий и Анатолий служили в середине тридцатых годов. Оба имели семилетнее образование. Замечу, что вопрос о допуске их к службе в армии решался на общем сельском собрании, на партийном и комсомольском собраниях. Пройти через такое «сито» было сложно. Помню, Анатолию, к примеру, досталось за то, что не всегда первым здоровался со старшими по возрасту. И это несмотря на то, что был членом правления колхоза, бухгалтером по должности. Оба брата, конечно, знали, что раньше существовала «дядьковщина», но им было ведомо и то, что революция все это смела. Во всем оба были примерны и службу завершили заместителями командиров взводов.

Лично мне пришлось службу начинать в конвойных войсках. Хотя я и был подготовлен к армии, со мной младшие командиры возились как с ребенком. Их я ценил исключительно высоко и запомнил на всю жизнь. Некоторое высокомерие я ощущал только со стороны городских парней. Но оно быстро исчезло. Призывники из сел были физически крепче и в походах выносливее. Я, к примеру, к двадцати годам успел и в грузчиках походить, и в почтальонах, и на тракторе поработать, а сколько работ приходилось выполнять в домашнем хозяйстве!

Если у новичка что-либо не получалось, старослужащий мог назвать такого «салагой», «неумехой». Иные «старика» могли

послать молодого к командиру роты и сказать, что его вызывает старшина. Но такое случалось только на первых порах.

Как-то на втором месяце службы в роте боец старшего призыва Абликос представил мою винтовку на место дневального. Я по команде «В ружье!» выскочил с чужой драгункой. Прошли километров пять, а он и говорит взводному старшине Митину, что Фомин, мол, с чужим оружием. Старшина внимательно выслушал обоих, засек время и послал нас в казарму. После этого случая я всегда проверял номер своей винтовки, а Абликос никогда не устраивал подобных шуток.

Лично мне пришлось службу начинать в конвойных войсках. Хотя я и был подготовлен к армии, со мной младшие командиры возились как с ребенком. Их я ценил исключительно высоко и запомнил на всю жизнь.

Но все это было больше похоже на озорство, мальчишество. В целом же старослужащие относились к молодым внимательно, проявляли о них постоянную заботу. Да и как могло быть иначе, когда вместе выполняли сложные боевые задачи: охраняли пленных поляков, несли службу в многочисленных караулах.

Осенью 1940 года мы провозжали своих «стариков» как настоящих боевых друзей. Случавшиеся недоразумения в большинстве считали товарищескими розыгрышами.

Уже в середине шестидесятых годов мне пришлось быть заместителем командира батальона по политчасти. Личного состава было более шестисот человек, и давление на молодых со стороны «стариков» встречалось все чаще и чаще. Его допускали так называемые «бывалые». Одного такого довелось встретить и мне. Фамилия его Зверьков. До службы он учился в ПТУ, а затем бросил и вернулся в село. Мать посылала на работу в колхоз. Он этим пренебрег и завербовался на шахту. Но там установили, что он прибавил себе годы, и направили в ПТУ. Но это его не удовлетворило. Самостоятельно подался на целину, где работал на тракторе в бригаде из освободившихся заключенных и перенял все их нравы.

Когда закончилась отсрочка от призыва, попал в наш батальон. Везде побывавший Зверьков оказался всех ловчее: он всегда был первым, выручал слабых и неумеющих. Его хвалили, поощряли. Но однажды начфин заметил, что один солдат система-

тически получает из дому переводы, и небольшие суммы. Вызвали солдата для беседы. Он сказал, что болеет желудком и родители высылают подкрепление. Рядового Кисличенко отпустили, а врачу посоветовали заняться его желудком. Как я и ожидал, все было сплошной выдумкой. Замполит снова вызвал для беседы Кисличенко. Тот долго юлил, пытался отшутиться, а в конце концов сознался, что делится деньгами со Зверьковым. Тот, мол, не дает его в обиду. Оказалось, что «доброе дело» в пользу молодого солдата Зверьков делал довольно тонко. Он сочинял всякого рода легенды о готовящихся обидах, а потом сам же их развенчивал, после чего получал определенную сумму. Когда Зверькову сказали, что это вымогательство, что за такое можно и судить, он удивился, а потом, будучи неглупым, признался, что виноват, и здорово. Его, конечно, наказали и обязали вернуть солдату деньги. Строго осудила поступок Зверькова и солдатская общественность.

Как ни прискорбно, но в наличии «бывалых», «духов», «черпаков» и других представителей «дедовщины» в большинстве случаев виноваты сами жертвы. Почему был «оседлан» Кисличенко? Да потому, что был он у мамы с папой один, жил на всем готовом, до призыва поработать не успел, дров никогда не колот, в бане не был, а мылся в ванной, воды не носил, за хлебом и молоком не ходил. Все это за него делали мама, бабушка. Он же только учился, да и то неважно, на экзаменах в вуз провалился на сочинении. В армии же все надо делать самому. Вот и появляются ловкие друзья. Они и дают на хлюпиков. Их боятся, а боятся потому, что стыдятся своей немоги, командиру о притеснениях не скажут. А вот маме при встрече обязательно поплачутся.

Должен сказать, что в условиях казармы бороться с «дедовщиной» легче, чем вне ее.

Обыватель обычно говорит, а куда же смотрят командиры. Следует пояснить, что даже самый ярый поборник «дедовщины» не считает, что он носитель диких нравов. Перед командирами такие стараются выглядеть в выгодном свете. Он и ловкий, и сообразительный, и даже дисциплинированный. Свои черные дела он творит в удобное для него время: когда слабый дежурный по подразделению, когда уходят домой офицеры, когда знает, что ему некому возразить или дать сдачи. Именно

АВАРИЯ

по этим причинам часто трудно установить истинное состояние дел с «дедовщиной».

Хорошо известно, что разумные родители дают своим сыновьям и разумные наставления. Но нередко бывает и такое, что отец или мать пишут: «Ты там особенно, сынок, не надрывайся, без нужды в каждую дырку не лезь», «умей ладить с командиром», «жалуйся на голову, бегай в санчасть, говори, что у тебя была «родовая травма» или «что-то болит в середке». Частенько некоторые и без наставлений такую работу командирам и врачам задают, что на многие месяцы खाляет. Помню, рядовой Когут почти каждую ночь с криком «Боюся!» хватал постель и бежал из казармы, а днем говорил, что ничего не помнит. Врачи же никаких отклонений у него не находили. Симулянта разоблачил сосед. Он заметил, что тот, прежде чем шуметь, разглядывал казарму и смотрел на часы. Когда это стало известно, солдаты устроили ему за беспокойство темную. Об этом узнали командиры, начали разбираться. Оказалось, что Когут не только не хотел служить, но он еще и шантажировал своих соседей: угрожал, отбирал деньги, щипал. По моему совету с Когутом поговорил опытный военный юрист Новокшенов. Этого было достаточно.

Когда я был еще старшим лейтенантом, к нам прислали нового командира — подполковника Щедрина. По возрасту он был старше меня лет на десять. После представления мы сидели на веранде штабного домика, беседовали. Рядом были штабные офицеры, но он в чванливом и развязном тоне потребовал, чтобы именно я принес ему воды. Дабы не уронить его авторитет в глазах подчиненных, я вымыл стакан, налил воды и подал на блюдечке. Когда мы остались одни, я ему в глаза сказал, что он преднамеренно унизил меня перед офицерами. Щедрин раскричался, что он единоначальник, а я выскочка, ничего не понимающий в субординации. Затем я ему заявил, что служить с ним не буду и унижений не терпел и терпеть не собираюсь даже от бывшего учителя. Дело приняло серьезный оборот. Я выдвинул условие, что извинение он попросит в присутствии тех, при ком меня оскорбил. Он на это не согласился. В политотделе я нашел понимание. Впоследствии и с Щедриным сработались.

К сожалению, именно с таких явлений и начинается «дедовщина». Разве мало старших офицеров унижают младших: поди туда, принеси это, достань то-то, отвези высокому начальству «сувениры» и т. д. Взыскательнее нужно быть каждому офицеру к себе. Ведь солдаты все видят. При справедливых, истинно товарищеских отношениях «дедовщина» невозможна.

Майор в отставке И. ФОМИН,
ветеран внутренних войск.

За окнами «столыпина» глухая безлюдная степь. Лишь редкие звездочки ночных огней, мелькающие вдали, шлют тепло человеческого жилья. «Скоро домой! Скоро домой!» — угадывается в невнятной скороговорке вагонных колес.

Третьи сутки караул во главе с капитаном Ременниковым в пути. Через несколько часов — конечный пункт. Очень хочется снять напряжение, согласившись с приятной мыслью: самое трудное осталось позади. Но когда везешь под конвоем ответную уголовную публичку, лучше не искушать судьбу радужными прогнозами. Пусть служба не выходит из привычной будничной колеи, все равно надо быть готовым ко всяким неожиданностям.

Скоро рассвет. В камерах тихо. Часовой рядовой Сорокин внимателен и сосредоточен. Словом, порядок. Проверив службу, сержант Аннаев направился в купе караула. Тут-то все и началось: резкий, бьющий по нервам скрежет, уходящий из-под ног пол, звон разбитого стекла.

— Караул, в ружье! — крикнул Аннаев, но вряд ли кто услышал его в этом грохоте. Брызнув искрами, погасли светильники. И все стихло: вагон лежал на боку.

Первым пришел в себя капитан Ременников, начальник караула. Отдав на ходу необходимые распоряжения своим помощникам, он, не медля ни секунды, пробрался, где согнувшись, а где ползком, в помещение проводников и отключил электропитание, чтобы отвести угрозу пожара.

К счастью, все отделались, как говорится, легким испугом. В том числе и осужденные. Рядовые Шацкий и Борисов осмотрели запоры на решетках.

Снаружи состав представлял собой невеселое зрелище. Четыре вагона, в том числе два пассажирских, лежали под откосом. Были снесены два пролета рельсов. Но тепловоз уцелел. Из кабины машинистов начальник караула по рации связался с железнодорожной станцией, попросил, чтобы оттуда сообщили о случившемся в ближайший отдел милиции.

Помощь попавшим в беду не заставила себя долго ждать. Оперативно прибыли медики, аварийно-спасательная служба. Дождался и караул транспорта для перевозки осужденных...

А через несколько часов они снова были в пути. Теперь-то каждый смело мог сказать: самое трудное — позади. Хотя кто его знает — служба...

Майор Н. ГАПЕВ.

КОГДА ОЖИВАЮТ ЗНАМЕНА

Раз в год Боевые Знамена 222-го и 224-го отдельных стрелковых батальонов 25-й стрелковой бригады НКВД покидают свои привычные места в Киевском филиале Центрального музея внутренних войск МВД СССР — в день традиционной встречи ветеранов.

Из далекой Киргизии приехал на встречу с однополчанами Аман Токтабаев (на снимке). Он был снайпером во время боев в Крыму, разведчиком в период борьбы с бандами буржуазных националистов на Западной Украине, награжден медалью «За отвагу».

Фото старшего прапорщика Н. БЕЛОНЕНКО.

ПИСЬМА ИЛИ ЛЕГЕНДЫ?

(ДВА ПИСЬМА «ЛЮБИМЧИКА ПАРТИИ»
Н. И. БУХАРИНА: ДОСТОВЕРНЫ ОНИ ИЛИ
СФАЛЬСИФИЦИРОВАНЫ?)

«...Товарищи дорогие! Кажется, в прошлом году прочитал в вашем журнале о том, что нашумевшая история с «письмом-завещанием» Н. И. Бухарина, к тому же письмом устным, которое хранила в памяти его жена Ларина, оказалось, мягко говоря, дилой. Не писал такого письма Бухарин, нечего было хранить в памяти Лариной.

Ну, хорошо, не было так не было. Кожуто, значит, потребовалось, чтобы оно было.

А в этом году в отпуске попался мне журнал «Наш современник», и в нем — еще одно «бухаринское письмо», да такое, что после его прочтения мне дурно стало. Пересказывать не буду, но вот о чем подумал: нельзя ли их напечатать вместе? И сопоставить, какое из них липа, а какое настоящее. Да и просто почитать их вместе, думаю, будет не без пользы для каждого.

*Вот такая у меня необычная просьба.
С уважением В. АХМЕДЗЯНОВ,
г. Москва».*

Предложение В. Ахмедзянова показалось нам интересным. Письмо Н. Бухарина «Будущему поколению руководителей партии» воспроизводим по публикации в журнале «Огонек» (1988, № 17), а второе — «Илия БРИТАН: Ибо я — большевик! Или неизвестное письмо Н. Бухарина (?)» из журнала «Наш современник» (1990, № 8), которое напечатано с издания, осуществленного в 1924 году И. Британом в Париже.

Первое письмо публикуется полностью, второе — с незначительными и, на наш взгляд, несущественными сокращениями.

БУДУЩЕМУ ПОКОЛЕНИЮ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПАРТИИ

Ухожу из жизни. Опускаю голову не перед пролетарской секирой, должной быть беспощадной, но и целомудренной. Чувствую свою беспомощность перед адской машиной, которая, пользуясь, вероятно, методами средневековья, обладает исполинской силой, фабрикует организованную клевету, действует смело и уверенно.

Нет Дзержинского, постепенно ушли в прошлое замечательные традиции ЧК, когда революционная идея руководила всеми ее действиями, оправдывала жестокость к врагам, охраняла государство от всяческой контрреволюции. Поэтому органы ЧК заслужили особое доверие, особый почет, авторитет и уважение. В настоящее время, в своем большинстве, так называемые органы НКВД, эта переродившаяся организация безыдейных, разложившихся, хорошо обеспеченных чиновников, которые, пользуясь былым авторитетом ЧК, в угоду болезненной подозрительности Сталина, боюсь сказать больше, в погоне за орденами и славой творят гнусные дела, к стати, не понимая, что одновременно уничтожают самих себя — история не терпит свидетелей грязных дел!

Любого члена ЦК, любого члена партии эти «чудодейственные» органы могут стереть в порошок, превратить в предате-

ля-террориста, диверсанта, шпиона. Если бы Сталин усомнился в самом себе, подверждение последовало бы мгновенно.

Грозные тучи нависли над партией. Одна моя ни в чем не повинная голова поятет еще тысячи невинных. Ведь нужно же создать организацию, «бухаринскую организацию», в действительности не существующую не только теперь, когда вот уже седьмой год у меня нет и тени разногласия с партией, но и не существовавшую тогда, в годы «равной оппозиции». О тайных организациях Рютина, Угланова мне ничего известно не было. Я свои взгляды излагал вместе с Рыковым, Томским открыто.

С восемнадцатилетнего возраста я в партии, и всегда целью моей жизни была борьба за интересы рабочего класса, за победу социализма. В эти дни газета со святым названием «Правда» печатает гнуснейшую ложь, что якобы я, Николай Бухарин, хотел уничтожить завоевания Октября, реставрировать капитализм. Это неслыханная наглость, это — ложь, адекватна которой по наглости, по безответственности перед народом была бы только такая: обнаружилось, что Николай Романов всю свою жизнь посвятил борьбе с капитализмом и монархией, борьбе за осуществление пролетарской революции.

Если в методах построения социализма я не раз ошибался, пусть потомки не су-

дят меня строже, чем это делал Владимир Ильич. Мы шли к единой цели впервые, еще непроторенным путем. Другое было время, другие нравы. В «Правде» печатался дискуссионный листок, все спорили, искали пути, ссорились и мирились, и шли дальше вперед вместе.

Обращаюсь к вам, будущее поколение руководителей партии, на исторической миссии которых лежит обязанность распутать чудовищный клубок преступлений, который в эти страшные дни становится все грандиознее, разгорается как пламя и душит партию.

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ ОБРАЩАЮСЬ.

В эти, может быть, последние дни моей жизни, я уверен, что фильтр истории, рано или поздно, неизбежно смоем грязь с моей головы.

Никогда я не был предателем, за жизнь Ленина без колебаний заплатил бы собственной. Любил Кирова, ничего не затевал против Сталина.

Прошу новое, молодое и честное поколение руководителей партии зачитать мое письмо на Пленуме ЦК, оправдать и восстановить меня в партии.

Знайте, товарищи, что на том знамени, которое вы понесете победоносным шествием к коммунизму, есть и моя капля крови.

Н. БУХАРИН.

Да «фильтр истории смыл грязь с головы» этого человека: Н. И. Бухарин, как известно, реабилитирован, в обращении запущена очередная красивая легенда о великомученическом подвиге его жены Лариной, которая 50 лет, в том числе и в аду «сталинских концлагерей», хранила в памяти это письмо-завещание, письмо-обращение к будущим потомкам.

В этой необычной, почти фантастической истории возникают, однако, вполне закономерные вопросы и сомнения. Почему мы должны верить на все сто процентов Лариной? Разве только потому, что истина в споре, тем более с ушедшими из жизни оппонентами, должна остаться за последним из живых?

О своих сомнениях в подлинности этого письма мы уже писали (На боевом посту, 1989, № 10). «Я никогда не была политической сторонницей Бухарина...» Автору этой корреспонденции удалось познакомиться с лагерным личным делом А. М. Лариной, якобы осужденной за контрреволюционную деятельность, и он достаточно убедительно, на наш взгляд, полемизирует с воспоминаниями Лариной «Незабываемое» (Знамя, 1988, № 10, 11, 12), многие места которых удивительно схожи с «Архипелагом ГУЛАГом» А. Солженицына. Но дело не в этом. В личном деле сохранились письма Лариной, адресованные тогдашнему Народному комиссару внутренних дел СССР Л. П. Берну. Вот они-то, как, впрочем, и другие документы, и наводят на серьезные

размышления относительно достоверности как самих воспоминаний, так и письма Бухарина.

«Создается впечатление, что история после 17-го года пишется сегодня сыновьями, зятьями, женами, снохами, шуринами и т. д. бывших «сильных мира сего». Вдова Бухарина через 50 лет «вспоминает» устное «письмо» своего мужа... По всей видимости, заключает автор, кому-то очень хочется, чтобы Н. И. Бухарин оставил письмо-завещание. И цель этого изобретения просматривается вполне отчетливо: создать в лице Бухарина еще одного вождя...»

Возможно, и не стоило бы возвращаться к этой истории, если бы на свет божий не было извлечено еще одно письмо Бухарина, опубликованное в 1924 году в Париже. Оно на многое заставляет взглянуть иначе, в том числе и на личность самого Бухарина. Дело-то серьезное.

В последнее время с легкостью невероятной возвращаются, и это справедливо, конечно, старые названия городам, заводам, институтам, носящим имена Жданова, Ворошилова, Калинина, но почему-то не спешат с переименованием Свердловска... Опеlevываются одни и возвеличиваются другие. Создается впечатление, что скоро и мавзолей Ленина переименуют в мавзолей Троцкого.

Что же происходит в нашем доме?

Давайте познакомимся с этим письмом, может, тогда на многое откроются наши глаза.

ИЛИЯ БРИТАН:
ИБО Я — БОЛЬШЕВИК!
ИЛИ НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО
Н. БУХАРИНА(!)

Москва, Кремль... 1924 г.

Мой дорогой Изгнанник!

Вы совершенно неисправимы: ни тяготивший над вами расстрел, ни долгая ссылка на кулички, куда мы вас упекли три года назад, не стесняясь вашим громким званием «члена Московского Совета», ни, наконец, высылка за границу, где мы хотели проучить вас прелестями «гнилого Запада» и тоскою по дорогой вам Москве, — увы, ничто не заставило образумиться вашу буйную никемную голову. С одной стороны, говоря откровенно, мне эта ваша последовательность даже нравится, но зато с другой — теперь для меня совершенно ясно, что обоим нам нет места под русским солнцем и что вы сможете его увидеть только в том случае, если капризу истории (а по-вашему: богу!) угодно будет вышвырнуть нас туда, где сейчас пребываете вы и вам подобные.

Помните, как часто я беседовал с вами «по душам» (хотя никакой души не существует: вздор!), отлично зная, что вы — отъявленный, никем не превзойденный «к-р» и что моя глупая откровенность нарушает «партийную дисциплину»? Но я все-таки не мог отказать себе в удовольствии еще и еще раз прийти к вам в ваш тихий потусторонний уголок, озаренный лампадками под образами, и поглядеть на вас, углубившегося в мистическую чепуху какого-то Федорова, Владимира Соловьева и даже Якова Беме, которого, вероятно, никто другой в наши дни и в руки взять не решится. Помните, как я рассказывал вам о наших делах и делишках, сообщая самые невероятные случаи из советской и партийной действительности, которые, к сожалению, не были анекдотами, хотя и звучали хуже «скверного анекдота»? Как печально вы улыбались, например, тогда, когда я повествовал о наркомздраве опереточной Турккеспублики товарище Дешевом, который намеревался, в целях охраны красноармейцев от неприятных заболеваний, устроить советские публичные дома по последнему слову медицинской науки и получил от партии выговор «за подачу явно некоммунистического проекта», к тому же украденного им у известного героя некрасовой поэмы: вы улыбались, а вот эротоманки из женотдела Ц.К. пар-

тии (так называемая «Центробаба»), они были в коллонтаевском восторге... (Женотдел при ЦК РКП(б) существовал в 1919—1929 гг., в 1921 г. его заведующей была А. М. Коллонтай. — Ред.)

Подолгу, иногда до рассвета засиживался я в вашей келье, находившейся вне времени и вне пространства, и не раз, признаюсь, побаивался, как бы наши чекисты, коль они нагрянут к вам с очередным обыском и приглашением «на Лубянку», не застали бы одного из вождей мировой революции в этом столь не подходящем для него обществе.. Где-то до обалдения трещали телефоны, разыскивая меня для того, чтобы потащить на ночное заседание Ц.К.; где-то в три этажа большим боцманским загибом ругался Ильич, коему докладывали, что меня «нигде нет», — а я продолжал выбалтывать вам такие вещи, о которых никогда не решился бы, да и сейчас не решусь сказать ни одного слова никому на свете...

Теперь, когда наш общий друг, которого раздрает «русская злая тоска», едет за границу отдохнуть от советского рая, мне хочется «пойти» к вам, вероятно, в последний раз, и я умолю этого питомца Маркса, Лермонтова и Бодлера передать вам в собственные ваши ручки сие письмецо, дабы хоть его не узрело всевидящее око Феликса, — кстати сказать, — пребывающего в состоянии мрачной коммунистической ипохондрии, эпидемически среди нас свирепствующей после окончательной смерти Ленина и убившей хорошего славного Лутовинова.

Итак, поговорим в последний раз и, как всегда, — на разных языках...

Как хорошо, что вас здесь нет! В эти дни никакое и ничье заступничество не спасло бы вас ни от Устюга и Нарыма, ни от более приятного путешествия «на луну»...

Паршивое времечко: приходится волэнсолэнс, бросать жирные кости диким и ненасытным «низам» партии, которые, впрочем, здорово отощали во времена «нэпа», спасшего нас от неминуемого краха: но иначе поступить, поверьте, невозможно, ибо в противном случае это коммунистическое быдло разом опрокинет всю постройку, и мы рухнем в бездну вместо того, чтобы творить социальную революцию, которая на самом деле чертовски запоздала... Мы здорово обманули тех, кто по глупости или по жадности к легкой наживе поверили в нас «всерьез и надолго», хотя не мы ли (и так недавно!) обобрали их и расстреливали как бешеных собак. Мы обрекли в жертву коммунистическим илотам тех, кого сами же — и с таким трудом — создали, чтобы их доить и стричь, а отнюдь не резать...

Паршивое времечко! Но — встань сейчас сам Ленин, с телом которого у нас такая досадная и прибыльная для ученой шатии возня, и он, вероятно, только выматерился бы почище десятилетнего комсомольца и уехал бы на охоту или удрал обратно, не зная, что делать.

Ах, нет: может быть, он и только он придумал бы выход из этой дьявольской лагуны! Ведь вы-то знаете, чем силен и потому велик был наш Ильич, которого вы совершенно зря величали слепым пророчеством третьей величины. Правда, вам известно, что Ленин был липовым теоретиком и его, с позволения сказать, марксизм, ныне именуемый ленинизмом (слово почти неприличное), действительно представляет из себя дурную мешанину из Бланки, Бакунина, пугачевщины и, как вы добавили, чего-то от Федьки-каторжника: правда, нам ясно, что его философские познания были смехотворными, а книжка «Материализм и эмпириокритицизм» навсегда останется образцом крайней тупости в абстрактных вопросах: знаете вы и то, что даже политической экономии он смело мог бы поучиться у моих «свердловцев», и я не раз публично и к ужасу партийного синода разоблачал его невежество и в этой области... Видите, как резок я сам и как искренен, когда речь идет о правде (но не в... «Правде»: простите за плохой каламбур, к тому же и не новый!), — все это так, и только по дешевке купленные нами академики, сменовеховцы и прочая гредескуловщина должны думать и, разумеется, писать о нем иначе.

Но не вам ли я, и так часто, рассказывал о том, о чем говорится даже у Зиновьева, кому, как известно, при всем моем коммунистическом пиетете, я никогда не подаю руки, чтобы не запачкаться, хотя бы за это неуважение само политбюро пригрозило мне долгосрочным отпуском...

Вспомните! Когда летом 1917 года среди нас раздавались голоса о том, что надо идти к Керенскому «арестовываться» и, опровергнув на публичном суде сказочку о немецком шпионаже, доказывать со скамьи для подсудимых истины большевистского корана, — кто, как не Ленин, оставил нас, изругав дураками, и предсказал переход к нам государственной власти через пару месяцев?

Вспомните! Когда все, а в особенности Троцкий, настаивали на неприемлемости мира с немцами, кто, как не Ленин, заставил подписать «похабный мир» в Бресте, предсказав гибель Вильгельма и революцию в Германии?

Вспомните! Когда все мы, как бараны, стояли за крайний военный коммунизм и расстрелами заставляли проклятых крестьян отдавать нам весь их хлеб, — кто, как не Ленин, увидав, что мы не сегодня-завтра загремим и негодяй Пахом отвинтит нам башку, закричал нам: «Стойте! Хватит, болваны: воротите оглобли!» и в последнюю минуту заставил нас перейти к «продналогу», как, между прочим, и называлась изруганная мною брошюра Ленина, в теоретическом отношении — совершенно бездарная?..

Кто, как не Ленин, обокрав сначала эзров, а потом и меньшевиков, стукнул им всем по голове, взял в руки дубинку и даже с нами разговаривал после того, как

он сам все решит? «Не хотите? В таком случае, черт с вами: вы мне надоели, и я на дачу уеду», — громыхал он. И мы этого «на дачу уеду» боялись пуще Деникина; и молчали; и подчинялись; и все, вопреки теории и программе, получалось великолепно!

А не припомните ли вы, кстати, как однажды ночью мы встретились с вами на погруженной во тьму, — тогда даже Ц.К. заседало при лампочке в 16 свечей, — Пречистенке: Деникин был под Тулой, мы укладывали чемоданы, в карманах уже лежали фальшивые паспорта и «пети-мети», причем я, большой любитель птиц, серьезно собирался в Аргентину ловить попугаев. Но кто, как не Ленин, был совершенно спокоен и сказал, и предсказал: «Положение —... Хуже — не бывало. Но нам всегда везло и будет везти!..»

Да... если бы Ленин и теперь был с нами!..

Итак, мы — в пустыне и — без вождя! Посудите сами...

Сталин — нуль и все спасение видит еще в одном (котором по счету?) миллионе трупов.

Каменев — нуль и поучает нас, как удобнее всего сидеть между двух стульев.

Крупская — нуль и просто — дура, которой мы, для очердного удовольствия «низов» и для пущего бума да шума, разрешили геростратничать, сжигая библиотеки и упраздняя школы, будто бы по завету Ильича: на мертвых все валить можно, ибо они, как известно, сраму не имут.

Зиновьев... о нем разрешите не говорить.

Рыков — нуль и даже разучился остричь (единственная его способность: будь он трезв или пьян!) к бесконечному удовольствию Луначарского, которого он прозвал Лунапарским и Лупанарским, а вместо наркома совершенно правильно величает наркомиком.

Дзержинский — нуль, если, разумеется, дело не касается Г. П. У., в филиалы коего он превращает все решительно ведомств, куда бы мы его ни посылали.

Я? Ах, голубчик, и я — тоже нуль, если свести меня с трибуны или с кафедры или вытянуть из-за письменного стола да приставить к делу: отлично зная себе цену, я поэтому сроду никаких «должностей» не занимал, тем более, что при моих спартанских вкусах — наклонностей к воровству не имею.

Знаю, вы ждете моего слова о Троцком. Но и он всегда был политическим нулем, правда — большим нулем, и останется им до конца дней своих, даже если судьба все-таки сделает из него коммунистического диктатора.

Прежде всего в Троцком, который попался в нашу партию лишь накануне «октября», когда, конечно, это было для него единственным путем к карьере, — в нем нет ничего истинно коммунистического; и поэтому, как всегда, прав был Ленин в своей нелюбви, в своем недоверии к нему...

Нет большего труса, чем Троцкий, и потому он так любит громкие хвастливые (и всегда — холодные и фальшивые) речи и демагогические словечки, хотя часто и путает в них, — когда-то, например, к стыду нашему, процитировав в одном из своих знаменитых приказов по армии и флоту не более и не менее, как фразу Иуды-предателя: «Что делаешь, делай скорей», не правда ли, даже для коммуниста — неудобно?

Помните, когда пресловутая дискуссия о профсоюзах угрожала и расколом в партии, и заменой Ленина Троцким (в этом и была вся сущность дискуссии, скрытая от непосвященных под тряпьем теоретического спора), Троцкий, имевший за собой на съезде большинство, потому что секретариат не доглядел и были выбраны не те представители с мест, — Троцкий в последнюю минуту постыдно скрылся в кусты, как провинившийся Трезор.

А возьмите, наконец, последнее выступление Троцкого, так дорого обошедшееся его легковверным друзьям и сторонникам, коих он просто-напросто предал («что делаешь, делай скорей») Зиновьеву и Сталину за 30 сребренников: без всякого труда он мог сесть на освободившееся, за смертью Ленина, место партийного диктатора, ибо и «низзы», и так называемая армия были в этот момент за него, но он опять-таки постыдно струсил, по приказу «тройки» заболел, отправился на «погибелый Кавказ», где, подражая Николаю II, — он всегда кому-нибудь подражает, — стрелял ворон, а в Москву вернулся тихой стриженой овечкой, спешившись с кем надо, и теперь вновь фрондирует на словах, которым уже никто не верит, угрожает войной всей Европе, подражая на сей раз, кажется, Павлу I.

Троцкий? — «И хочется, и колется, и маленька не велит...»

Он холодный, как ледышка, и только наивные люди его фальшивый пафос и наглость (наши партийные юдофобы давно это подметили), бесконечную наглость принимают за святой огонь революции. Помните, как эта говорящая машина стояла у рампы Большого театра, принимая овации присутствующих дураков: задранный нос, лицо, как у мумии, ни кивка. Чурбан, «голем»...

Ах, покойный Ильич говорил так просто, — как дитя: так, мол, и так, мои милые; это мое мнение, и оно, я знаю, правильное; не согласны? тем хуже для вас, но все равно я поступлю по-своему, а не по-вашему; прощайте... Да, так говорят, с одной стороны, дети, а с другой — некоторые из мужичков, которые не любят витеватости, и недаром внутренний облик Ленина во многом напоминает тургечевского Хоря. А Троцкий? Все фальшь, все — ложь, все — поза (хуже Керенского), все — самореклама и — еще раз — наглость...

Троцкий? Нуль ваш, то бишь, к сожалению,

— наш товарищ Троцкий!..

Да, да, все — нули, а молодая гвардия, мои «свердловцы» да комсомольцы, «ленинский набор» и перебежчики из чужих партий плюс наши иноземные содержанки (у нас их — до черта) — это уже не нули, мой милый, а такие минусы, с которыми — головы не приложишь, как разделаться!

Нуль, умноженный на нуль, — это даже красные студенты знают, — есть нуль; вереница нулей, хоть тянись она от Кремлевских стен до Тихого океана, — тоже равна нулю, если слева нет другой цифры, а у нас и справа, и слева — шиш на граблях...

А воруют... Доннерветтер, как воруют! Вор на воре взяткой погоняет..

Тут — какая-то чертова загадка: почему люди, которые совсем недавно жертвовали собой, жили не хуже дорогих вам «подвижников церкви», истинными аскетами, вдруг полюбили особняки (непрерменно — особняки: квартиры хоть в двадцать комнат — им мало), шампанское, кокоток, да которые подороже, из балета, собственные поезда, «тридцать тысяч курьеров», а жены их — бриллианты в орех («нельзя ли с царицы?»), альфонсов и, конечно, десяток новых платьев в месяц, если не из Парижа, то хотя бы (с кислой миной!) от Ломановой... В чем тут дело? Отчего, например, Иван Иванович, который десятки лет жил впроголодь со своей некрасивой женой, но тоже большевичкой, который, получи он завтра миллионное наследство, все до копейки отдаст его партии, — отчего это теперь он залез в особняк на Поварской, жену прочь, «расписался» с девочкой в 17 лет, раскрашенной да раздушенной, и бессовестно торгует своими визитными карточками: «Милый Коля, сделай такому-то то-то и то-то», «Милый Феликс, освободи, пожалуйста, таких-то, коих знаю, как честнейших» и т. д. Ведь чуть ли не вся страна управляется такими «дружескими записками», покупаемыми подчас за такие деньги, на которые можно купить самые ценные автографы величайших гениев мира...

О, диалектика революционного марксизма! Вот до чего ты докатилась...

«Россия гибнет!» — воскликнете и вы, славянофил наших дней, верящий в «свет с востока» и в божественную миссию неблагодарного отечества. Известное дело, вы — поэт, а мы, хотя тоже романтики, по мнению некоторых, но мы творим наше дело не только пером и не только на бумаге, а также огнем и мечом и на скрижалях проклятой суровой действительности...

Помните ли, как вы однажды выгнали меня из своей комнаты, когда я — это было под утро — в жарком споре с вами открыл вам все наши карты, признав, что у нас нет никакой «советской» власти, никакой «диктатуры пролетариата», никакого «рабоче-крестьянского правительства», никакого доверия к нашей дурацкой партии

а есть лишь очень небольшой орден вождей грядущей в мир социальной революции (наподобие тех «масонов», в которых вы, хоть и не по Нилусу, но все же верите), в ответ на ваше надоевшее мне сравнение нас с «бесами», выпалил, потеряв остатки хладнокровия, что Достоевского, к сожалению, нельзя расстрелять? (Нилус Сергей Александрович — русский религиозный публицист, один из первых публикаторов т. н. «Протоколов сионских мудрецов.» — Ред.)...

Ах, и сейчас, несколько лет спустя, с удовольствием повторяю: Достоевского мы, конечно, пальнули бы, да и Толстого прибрали бы к рукам, если бы он снова «не мог молчать» при виде нашей работы.

Но — зачем отвлекаться: очень рад, что их нет, и я вас огорчаю лишь платонически.

Да, выпалил я тогда здорово, и... что за лицо у вас было в эту минуту...

Но теперь я выпалю, — предупреждаю вас, — нечто похуже.

Россия? Что такое Россия?

Для вас даже в самом слове кроется некая «тайна»; для вас оно горит где-то в раю (но не в коммунистическом!), на престоле у вашего бога, который, разумеется, в ваших глазах представляет из себя космического монаха без намеков на конституцию, для вас это

Шесть букв из пламени и крови
И царства божьего ступеней...

Ну, а для меня, для нас это — только географическое понятие, кстати сказать, нами, без дальнейшего вреда для революции, с успехом упраздненное; для меня это — тоже слово, но — старое, никому не нужное и сданное поэтому в архив мировой революции, где ему и место.

Для меня современная Россия, т. е. С.С.С.Р., это — случайная временная территория, где пока находимся мы и наш Коминтерн, которому (это в скобках) ваш глупый Запад с его близорукими, безмозглыми правительствами деньги все-таки даст, ибо, как-никак, а социалисты скорее наши, чем ваши, — даст, не понимая, что мы на эти самые франки и фунты зажжем Европу, проломим всем им приспособления для цилиндров...

Помните (я нарочно так часто напоминаю вам о прошлом!), как вы, став членом Московского Совета, лидером «беспартийных», которые, будучи взяты для декорации в количестве 30 процентов всего состава этой говорильни, ни разу, конечно, не поддержали вас... даже тогда не поддержали, когда вы имели наглость потребовать от нас созыва учредительного собрания (это в 1921 году? Чудак!) — помните ли вы свое громовое послание к Ленину, написанное вами как «народным депутатом»? Мы все ужасно смеялись, читая ваши искренние благоглупости, которыми вы хотели поучать нас, объясняя, что такое Россия и в чем ее истинное назначение. Ах, тогда вы сами верили в Ленина и ду-

мали, что царь-батюшка не видит того, что видите вы и что злые слуги-советчики скрывают от его ясных очей горе и муку любимой вами и близкой сердцу цареву — Россию... Вы в своей византийско-московской романтике были, мягко выражаясь, наивны, как и все русские люди, питавшиеся подобной пищей на протяжении целого ряда веков их глупой, глупой истории.

Нет, мой птенчик. Ленин и все мы (мы, т. е. «орден») понимаем русскую действительность не хуже вас, а знаем все, потому что от нас вездесущный Феликс, поставивший за спиной каждого советского гражданина по паре чекистов, не скрывает и не смеет скрыть ничегошеньки...

Знаете ли вы, что сказал Ильич, имевший терпение (гордитесь!) до конца дочитать ваше послание, «полное яду»? А вот что, — теперь открою вам: «Хороший он, по-видимому, человек и жал, что не наш». Потом, откашлявшись, добавил: «И — умный, очень умный, но — дурак!»

Как вы не понимаете, что то, что дорого вам как некая абсолютная самоцель («Россия», «Русь»), нас интересует лишь постольку, поскольку речь идет о материале и о средствах для мировой революции? Нам нужны прежде всего более или менее прочный кров, а затем — деньги, как можно больше денег.

Для того, чтобы получить денежки, мы не только дважды обобрали (и еще двадцать два раза оберем!) девяносто процентов России, но и распродадим ее оптом и в розницу, потому что, господин патриот, вся она к нам с лихвой вернется в желанный час мировой революции, во имя которой «все дозволено», — нет-с, мы для этого не постеснялись открыть у себя работающие круглые сутки государственные игровые притоны, организованные нам мужем жены нашего Левушки, «красным Распутиным», Мишкой Разумным. Ну, его самого мы ликвидировали и за ненадобностью (у нас в нашем финансовом ведомстве нашлись арапы не хуже), и ввиду того, что он больно зezнался, скупив половину наших вождей, — кого за деньги, а кого за девочек. Конечно, знаем: «что прежде было распуто, то ныне стало разумно», но и это — тайна коммунистической диалектики, до которой немецки-тяжеловесный Карлуша Маркс дойти, ввиду своей явной буржуазности, разумеется, не мог. Сие — прогрессл..

Но, синьор, погибает ли Россия? Я ведь все к одному клоню, я все о том же...

Да, ваша Россия, конечно, погибает: в ней теперь нет ни одного класса, коем у когда-либо и где-либо жилось пакостней, чем в нашем совдеповском раю (кстати, если это рай, то каков же совдеповский ад? Любопытно...); мы не оставили камня на камне от многовековой постройки «государства российского»; мы экспериментируем над живым, все еще, черт возьми, живым народным организмом, как первокурсник-медик «работает» над трупом бродяги, доставшимся ему в анатомическом

138

театре... Но вчитайтесь хорошенько в обе наши конституции: там откровенно указано, что нас интересует не Советский Союз и не его части, а борьба с мировым капитализмом, мировая революция, для которой мы жертвуем и будем жертвовать и страной, и собою (жертва, конечно, на Зиновьевых не распространяется) без малейшего сожаления и сострадания к тем, кто нужен в качестве удобрения коммунистической нивы для ее будущего урожая...

А на все выкрики и упреки западного пролетариата, если он вдруг преисполнится любовью к вашей России и обрушится на нас за наши «зверства», мы сумеем ответить ему, что в ужасах русской жизни виновна мировая буржуазия, то насылающая на нас Колчака и Деникина, то «мирно» подкапывающаяся под устои русской революции отказом в кредитах, чем она мешает возродиться нашему хозяйству, в развитии которого так заинтересован весь мировой пролетариат; мы сумеем ответить ему, что наша страна находится в длительном переходном периоде, что лес рубят — щепки летят, что, наконец, отсталость и мелкобуржуазность русского народа требуют этих суровых методов борьбы, — но что, конечно, Западу, где все давным-давно созрело, социальная революция поэтому не мешает русскими прелестями... Ах, аргументов у нас сколько угодно: чем другим, а этим богаты и сумеем очки втереть по всей линии со ссылками и на Маркса, и на французскую революцию, и... на что угодно...

А кого нам бояться? Не вас ли, которым уже давно никто не верит, ибо... верить не хочет: буржуазия Запада, которую вы ненавидите, друг мой, более меня, думает (дура!) содрать с нас шкуру, колонизировать Советский Союз; а социалисты, пацифисты, гуманисты и прочая дряблая интеллигентская сволочь находятся под обаянием наших громких лозунгов, которые этим кретинам кажутся похожими на их сладенькую чепуху, — причем шум и треск, поднимаемый нашими резолюциями, протестами, воззваниями и другими изобретениями коммунистической режиссуры, так велики, что заглушают собой стоны и вопли наших жертв и разоблачения странствующих донкихотов по поводу «московских палачей».

Повторяю, вы нам не овасы, ну а если уж очень здорово будете безобразничать, станете поперек дороги и в последний момент мы вас не сумеем купить, как мы это делали не один раз и не только со сменовеховцами, то Феликс сумеет убрать вас с нашего пути, ибо его заграничные ребята — не хуже московских...

Ну а тут у себя нам и подавно бояться некого: тут мы — полные хозяева...

Страна, изможденная войнами, мором и голодом (средство, конечно, опасное, но зато — великолепное!), и пикнуть не смеет под угрозой чеки и так называемой армии, которые, поверьте, нами доволь-

ны, потому что приласкать преторианцев и гончих собак, насытить их по горло всякой всячиной — это наш революционный долг.

Да, забавная комбинация — эта самая ваша Русь! Мы и сами часто диву даемся, глядя на ее пресловутое «долготерпение»... Черт знает, что делаем, а все благополучно сходит с рук, как будто бы все так и надо! Ну, конечно, — Леонтьевский переулочек, Урицкий, Володарский, пуля в Ленина, убийство Воровского, кое-какие там восстания, — но, право же, это пустяки, дешевка, а не серьезные издержки революции. О всяких там «социалистах» говорить, сами понимаете, не приходится: это жалкие банкроты, импотенты, слизь и трусы, которым мы, к общему для всех удовольствию, дали по башкам, да так здорово, что они раз и навсегда забыли про Балашевых и Каляевых. Но объясните мне совершенно другое: ведь, почитай, нет в России ни одного дома, у которого мы прямо или косвенно не убили мать, отца, сына, дочь, брата или вообще близкого человека, и... все-таки Феликс спокойненько, почти без всякой охраны пешочком разгуливает (даже по ночам: помните, как мы однажды встретили его около Манежа?) по Москве, а когда мы запрещаем ему подобные променады, он только смеется презрительно и заявляет: «Что? Не посмеют, пся крев!»

И он прав: не посмеют... Удивительная страна!

Вот вы все бормотали мне своим иступленным шепотком о церкви да о религии: а мы ободрали церковь, как липку, и на ее «святые ценности» ведем свою мировую пропаганду, не дав из них ни шиша голодающим; при ГПУ мы воздвигли свою «церковь» при помощи православных попов, и уж доподлинно врата ада не одолеют ее; мы заменили требуху филаретовского катехизиса любезной моему сердцу «Азбукой коммунизма», закон божий — политграмотой, посывали с детей крестики да ладанки, вместо икон повесили вождей и постарались для Пахома... открыть мощи Ильича под коммунистическим соусом... Все это вам известно, и... что же?

Дурацкая страна!

Что же касается почтенного обывателя, то он, дело известное, — трус, шкурник и цепляется за нас из боязни погромов, анархии, которые чудятся его паршивой душонке и которые действительно наступят, если нас, чего доброго, чудом каким-то прикончат. Но народ, народ?!

«Народ безмолствует»... И будет молчать, ибо он, голубчик, не «тело Христово», а стадо, состоящее из скотов и зверей. Сознаюсь вам теперь в том, что однажды рассказанная мною история — не анекдот, как я уверял тогда вас, а самый настоящий факт: клянусь... Не понимаете, о чем я говорю? Забыли? А вот о чем: Ленин действительно изрек, что он боится, как

бы ему в шутку не подсунили на подпись об обязанности всех граждан обоего пола в определенный срок целовать его на Красной площади в срочное место; он, по рассеянности, подмахнет этот указик, и вся страна... станет в очередь, да еще, добавлю я, появятся и такие, которые (не только сменовеховцы, но и попрличнее!) найдут в этом акте величайшую государственную мудрость, причем, конечно, Демьян Бедный и Валерий Брюсов разразятся гимнами, а всякие профессора и академики из бывших людей, просто так, за бесплатно, от избытка собственной подлости, завоят о гениальности, о новом откровении обожаемого «учителя»!.. Ну, что ж: очевидно, так и надо, и государство не есть какая-то там «нравственная идея», как поучали меня в Московском университете, и не станет «Civitas Dei», как полагает ваш любимец, а, извините, — нечто вроде чертова болота, где один класс непременно и с наслаждением душист другой, изредка снисходя до временного компромисса. А «человек» — это вовсе не звучит так гордо, как думает блаженный Максимушка, который, несмотря на свои петербургские гадости (кормление ученых при помощи господ Родэ: мы еле замяли скандал в сем «родзвспомогательном» учреждении!), невзирая на московские истерики и заграничное юродство, все-таки остается нашим, босяком, и посылает Ильичу свои запоздалые поцелуи... Нет, человек это — страшная сволочь, и нам с ним — хлопот полон рот, особенно теперь, когда, вместо того чтобы голодать во имя будущего, он, черт его подери, изредка брыкается, заставляя нас тратить много сил, а главное — золота на его околпачивание и на ежовые рукавицы.

Человек? вне нашего ордена нет никаких человек, а есть только «вриды», т. е., если вы уже забыли наш «великий русский язык», — временно исполняющие должность сих существ.

Но — ничего, сойдет, все сойдет, раз палочка и все командные высоты коммунистического отечества находятся в наших малопочтенных, но крепких руках...

Да, Россия, народ, которых вы никогда не понимали в своем сахарном идеализме, принадлежат нам: только мы, да еще, может быть (как это ни странно!), самые крайние правые, разные Говорухи-Отроки, только мы разгадали русский сфинкс...

«Народ безмолвствует» и... несет налоги: что и требовалось доказать.

* * *

Публикации в «НС» предпослано «Письмо без автографа» — предисловие А. Виноградова и А. Кузьмина, в котором рассказывается история появления в свет данного произведения, принадлежащего, как стало известно, перу Н. Бухарина.

Много вопросов и недоумений, пишут авторы, возникает при чтении этого письма. Илья Британ опубликовал его в 1924 году

Заговорит? Восстанет? Разин? Пугачевщина? — Заставим умолкнуть, утихомирим, дадим ему «*rapet et circenses*», наконец, перепорем, перестреляем хоть половину страны, не щадя ни детей, ни стариков!..

Ну-с, а если не удастся и мы все-таки загремим, то... скажите пожалуйста, что мы теряем? Те, кто нам действительно нужны для дела мировой революции, останутся целы, ибо исчезнут они вовремя; а сотни тысяч сырого материала «низов», ягнят российского коммунизма... подумаешь, какая важность: этого добра нам не жалко ни капельки, а чем страшнее и ужаснее будет реставрация и въезд на белом коне нового «царя», — тем скорее мы вернемся (такова диалектика истории!), вернемся и тогда... не уставай Феликс, работайте Лацисы и — «патронов не жалеть»!!

Да, терять нам почти что нечего: Россия далась нам даром, еще с приплатой, а уйдем из нее, — если уйдем, — с такими богатствами, на которые можно купить полмира и устроить социальную революцию на всех планетах и звездах Солнечной системы. Подполье нас не пугает: не новость, и в нем есть свое обаяние для масс, а, повторяю (приятно повторить!), средств у нас — без конца, причем, на всякий пожарный случай, они давным-давно находятся за пределом досягаемости тех, у кого их отняли...

Ах, впрочем, к чему эти мрачные мысли: «нам всегда везло и будет везти»!

А русская свинья-матушка, которая терпеливо пролежала три столетия на правом боку, с таким же успехом пролежит еще дольше — до прихода Мировой Социальной Революции и на левом боку: на то она и свинья...

Теперь вам ясно, что я хочу выпалить? Нет еще? Фу, какой же вы на самом деле — дурак! Не ясно? Ну, в таком случае — получайте: на Россию мне наплевать, слышите вы это — наплевать,

ИБО Я — БОЛЬШЕВИК!

Автор письма был предусмотрителен: оно напечатано на машинке и без подписи. Вместо подписи очень мастерски изображена советская пятиконечная звезда, внутри которой сидят, как в клетке, пуган и написано: прилетайте и соединяйтесь! Символика — локятная...

* * *

отдельной брошюрой под своим именем и вроде бы как собственное сочинение. Может быть, поэтому письмо вначале не привлекло внимания. Лишь в 1928 году во французском журнале «Ревю универсаль» оно было перепечатано с комментарием (т. 32, вып. 23), где автором письма однозначно назывался Н. И. Бухарин, а адресатом — сам Британ.

Илья Британ (1895—1945) — поэт и публицист православно-почвеннического направ-

ления. В 1920—1921 гг. он был депутатом Моссовета, а в 1922 году выслан за границу. Письмо предстает как продолжение многолетнего спора «одного из вождей мировой революции» с российским патриотом, почитателем Достоевского, Соловьева, Федорова. Спор этот является отражением противоборства разных общественно-политических сил, разбуженных революцией. Куда и каким путем идти? Для патриотов с революцией связывались надежды на подъем России, реализацию ее огромных потенциальных возможностей. Для космополитов русская революция виделась средством достижения каких-то всемирных целей.

Сомнений в подлинности письма у западных публикаторов не было: факты сравнительно легко проверяемы и подозрений не вызывают. Что и доказывают убедительно авторы «НС». Поэтому останавливаться подробно на этом мы не будем, а тех, кого заинтересуют они, мы просим обратиться к «Нашему современнику». Нас же в этой истории беспокоит другое.

...Перед нами два письма Н. И. Бухарина (допустим, и первое, а, вернее, второе его письмо, которое 50 лет хранила в памяти Ларина, тоже достоверное). Но, вновь и вновь перечитывая эти письма, можно ли допустить, что написаны они одним человеком?

В письме Лариной—это «романтик-революционер», всю жизнь посвятивший борьбе за интересы рабочего класса, как он сам пишет, во французском письме—это Сатана, способный и готовый к тому, чтобы пропустить через мясорубку миллионы и миллионы ни в чем не повинных людей (и ведь вместе с Левушкой Троцким, Феликсом и другими делал это—превращал их в «навоз истории»); в первом—исхляется, как может, над своими соратниками, определив их всех скопом в «нули»; восхищается разбоем и садизмом «ребят Феликса из ГПУ», не только оправдывает, но и восхищается невиданным грабежом русского народа, который позволит им «устроить социальную революцию во всей Солнечной системе», во втором (когда самому прищемили хвост)—вспоминает вдруг об авторитете и «славных традициях» ЦК, ужасается тому, что теперь эти «чудодейственные органы» могут стереть в порошок любого члена ЦК»...

Где же истина? Каков же он на самом деле—Бухарин Николай Иванович? Ведь было, было это, когда на процессе он отвергал многое из навязываемого ему судьями, но в то же время брал на себя что-то не менее значимое, оставшееся нераскрытым. Что он имел в виду, осуждая свое прошлое, называя прежние идеалы «абсолютно черной пустотой»? Парижское его письмо в какой-то степени и на это проливает свет.

Да, и не оно ли в конечном счете (раскрытие вселенской тайны) предопределило его трагическую судьбу! Ведь именно с

1928 года, когда он был назван истинным автором публикации Илии Британа, покатилась его звезда, с этого времени акции Бухарина стали стремительно падать и все его самобичевания (публичные, заметьте) только ухушали дело.

Не знаю, будет ли когда-нибудь восстановлена историческая правда о русской революции, установлена истина в оценке роли Н. И. Бухарина и его соратников в тех великих потрясениях, обрушившихся на нашу страну. Письма Бухарина (достоверны они или нет) это—предостережение нам из прошлого. Опыт прошлого должен предостеречь от его повторения. Потому что то, о чем говорится в «бухаринских письмах», помогает в какой-то степени понять нынешние события.

Крах прогнившей системы в 1917 году вызвал такие потоки крови, что и ныне запах ее вызывает тошноту. Реализация «личных и групповых интересов», которые и ныне так настойчиво противопоставляются общенародному и государственному, привели (и вновь могут привести) страну к трагедии.

И прошлый, и настоящий опыт показывает, предостерегают нас авторы «Письма без автографа», что там, где нет баланса интересов, ни для кого никаких гарантий быть не может. Мы сейчас в опьянении от критики командно-административной системы. А «народные избранники», обсуждая вопрос о президентском правлении, выдали столько фактов о развале всего и вся, о безудержном росте преступности, о крушении хоть каких-то правовых основ, что кровавый отблеск «1918 года» снова видится у горизонта. Надо бы признать, что с психологией первобытного общества или эпохи «великого переселения народов» в конце XX века не только не прожить, но и не выжить.

Печальный парадокс наших дней заключается в том, что мы много говорим о «правовом государстве», а законы, обязательные для любого мало-мальски организованного общества, не выполняются. С трибун съездов, на митингах, в печати клеймят реальные или мнимые пороки прежнего руководства взяточники, лоббисты теневой экономики, демагоги, жаждущие власти. Пока популистские «народные фронты» соревнуются в растаскивании по сусекам действительно общенародного достояния, лишь изредка вырывая тот или иной кусок друг у друга, их беспринципные лидеры торопятся утвердить новый порядок на потерявшем управление корабле. Не следует тешить себя иллюзиями...

И хочется с болью крикнуть: да ведь все это уже было! Было, было, было!! Читайте письма Бухарина!

Еще не поздно осознать и предотвратить повторение истории.

Публикацию подготовил
С. КУЗЬМИН,
кандидат юридических наук.

БАТАЛЬОНЫ ПРОСЯТ «ОГНЯ»

СЕЙЧАС, когда разговор о так называемых профессиональных частях внутренних войск перешел наконец в плоскость практических дел, перемены в обучении будущих офицеров необходимы, как никогда. Ведь требуются кадры, подготовленность которых определяется не просто дипломом об окончании училища, а прежде всего чисто военными качествами, в том числе и огневым мастерством. К сожалению, не всегда оценка в том же дипломе объективно отражает знания и умения выпускника высшего военного училища. Его теоретический и практический багаж «укладываем» мы, нам ли не знать, что он мог бы и должен быть повесомее.

Ловлю себя иногда на откровенно красмольной мысли: а действительно ли те, кто директивно планирует и материально-технически обеспечивает деятельность кафедр огневой подготовки в военных училищах, заинтересован в ее высоких результатах? Не безразлично ли им, чем все это в конечном счете обернется? Ведь нормы положенности, к примеру, определяемые руководящими документами с солидными подписями, решительно противоречат учебным программам и здравому смыслу. Просто диву даешься.

Ну, как, подскажите, изучать со взводом материальную часть оружия, если отдельные его виды — по одному экземпляру на все училище? Буквально нарасхват. Кстати, оружие — оно хоть и железное, а все же не выдерживает такой нагрузки, требует ремонта, интересно только, кто его должен ремонтировать? Не каждый курсант имеет счастливую возможность — нет, не досконально разобраться в устройстве, а хотя бы потренироваться в сборке-разборке, зарядании-разрядании, допустим, крупнокалиберного пулемета или автоматического гранатомета. А ведь хотелось бы, чтобы будущие командиры не только уяснили для себя внешние отличия пулемета от гранатомета, а были бы с ними на ты. Не начальную военную подготовку проходят — высшее образование получают.

Согласен, что не в бедности нашей, училищной, корень зла: не хуже других обеспечены. Но, вопреки русской поговорке, мы чем богаты — тем не рады, потому как

нормы положенности порядком устарели. Отсюда и парадоксы. Боевую машину десанта (они у нас сейчас, в связи с известными событиями, в большом ходу) молодой офицер знать должен? Безусловно, как свои пять пальцев, ибо не так уж много техники в мотострелковом взводе, чтобы позволить себе не разбираться в ней. Что же препятствует познанию машины? Да то, что БМД в нормах положенности, к сожалению, не значится. Поэтому лейтенант, выпускник училища, оказавшийся волею приказа в горячей точке, будет вынужден учить подчиненных тому, о чем сам знает только понаслышке. От силы — видел на картинке или по телевизору. И образование это вкупе с самообразованием будет происходить, обратите внимание, в экстремальных условиях, под огнем боевиков.

Еще пример? Пожалуйста. По той же самой причине нет в училище перископа-разведчика и артиллерийской стереотрубы, без которых изучение темы «Приборы наблюдения и разведки» во многом имеет отвлеченный характер. Безобразие — любой специалист согласится со мной. Ведь действия войск в Закавказье подтвердили: без точных, проверенных данных разведки и наблюдения совсем не сложно попасть впросяк. А любая непредвиденная ситуация при проведении боевой операции — это потери людей!

ДУМАЕТСЯ, нет смысла вдаваться и далее в подробности, хотя оговорюсь: каждая такая подробность — существенный пробел в обучении курсантов. Со временем, приняв под команду взвод, лейтенант, ни сном ни духом ни о чем не ведая, размножит этот «спланированный» директивными документами изъян многократно. Сумасшедшая цепная реакция: мы одного недоучим, а он потом три десятка человек, как минимум, с толку собьет. И самое обидное, что заменить недостающие пособия нечем — даже аналогов нет.

Может быть, кто-то подумал сейчас, что отсутствие материальной части худо-бедно компенсируется усиленным штудированием соответствующей учебной литературы? Впрочем, одно другого не стоит, и лучше,

чтобы теория и практика, рассказ и показ не подменяли друг друга, а взаимодополняли, шли в ногу. А во-вторых, нужное количество пособий по образцам вооружения, поступающего в войска, увы, нет в училищной библиотеке. Вот уж действительно, куда ни кинь — всюду клин. А если нет пособий в достатке, самостоятельная подготовка — это общепризнанно главенствующая форма образования в четырехлетнем походе курсантов за знаниями — перестает быть таковой. Значит, «недодатем» мы последним знания и в часы плановых занятий, и во время самостоятельной работы. Каково нам, преподавателям, сознавать это?

Другой подводный камень, в искусственном происхождении которого сомневаться не приходится, — чрезмерная служебная, а вернее, учебная нагрузка преподавателей. Чтобы доказать ее пагубное влияние на качество обучения курсантов, придется прибегнуть к помощи точных цифр.

Программа огневой подготовки в военных училищах МВД официально всего лишь на 50 часов меньше, чем у наших коллег в Советской Армии. Что значит официально? По документам. Реально, фактически мы имеем другие показатели. Согласно организационно-методическим указаниям мы совместно с преподавателями кафедры тактики и общевоевых дисциплин проводим занятия по девяти темам — вот вам, пожалуйста, 18 часов. Еще 36 часов нагрузки дает нам преподавание методики начального военного обучения. Суммируйте, и тогда вы поймете, что разницу в 50 часов мы перекрываем безусловно. Нам возражают, что, мол, ряд занятий проводят с курсантами командиры взводов, и не учитывают, что по всем этим темам и со всеми командирами взводов преподаватели кафедры организуют инструкторско-методические занятия. Так что облегчение это иллюзорное, времени расходуется не меньше, а сил зачастую побольше.

К чему я клоню, пытаюсь доказать, что и у нас, как говорится, «труда бескорыстного не впрок»? Да к тому, что по штатной расстановке нас, к великому сожалению, почти вдвое меньше, чем наших коллег на кафедрах в училищах Советской Армии. И, честное слово, не понимаю, почему? Я даже не понимаю, почему, сократив несколько лет назад двух старших преподавателей из-за уменьшения набора курсантов, не восстановили их теперь, когда количество обучаемых стало прежним? И это не пустяки, как может показаться человеку несведущему на первый взгляд. Если ранее старший преподаватель, приняв первокурсников, доводил их до победного конца — выпускных экзаменов, где и отчитывался в полной мере и со всей ответственностью за качество обучения, то ныне курсанты передаются как бы по эстафете. И спрос за результаты — с последнего (а правильнее будет сказать — с

крайнего), с выпускающего, а не с тех, кто учил. Разве это правильно и справедливо? Кроме того, каждый педагог — это особое, своеобразные манеры поведения, стиль, совокупность методов и приемов обучения, подход к аудитории, критерии оценки, на которые вольно или невольно настраиваются курсанты. Чередуя их в попытках заполнить кадровые бреши, мы сбиваем эту настройку, а следовательно, опять же вредим.

Я ТАКЖЕ не понимаю, почему в учебную нагрузку преподавателя не включаются занятия с офицерами других кафедр, частей и подразделений войск региона, сотрудниками милиции и органов государственной безопасности, школьниками? На каком основании не учитывается реально затрачиваемое время для проведения стрелковых тренировок с курсантами (невероятные трудности в их организации — тема отдельного и нелицеприятного разговора)? Или тот, кто подсчитывает нашу нагрузку, полагает, что это не труд, что это все элементарно просто?

Введение государственного экзамена по огневой подготовке и такого составного ее раздела, как управление огнем мотострелковых подразделений, с одной стороны, свидетельствует о возросшем внимании «верхов» к деятельности нашей кафедры. С другой же, напротив, удивляет своими последствиями. Мало принять решение и оформить его приказом или указаниями на все стерпящей бумаге, нужно подкрепить его материальными, организовав, к примеру, централизованные поставки тяжелых мишеных установок, в том числе движущихся. Привести к разумным параметрам штаты стрельбища, создать ремонтную базу стрельбищного оборудования, которое при нынешней интенсивности использования, работая по сути на износ, не выслуживает положенные сроки.

Я не преувеличиваю значимость своего труда и, уж конечно, далек от того, чтобы умалить нужность работы своих коллег с других кафедр. Но посудите сами. Если в будущем командиры взвода «недодать» философии или политэкономии, он, безусловно, «недобрав» в общеобразовательном развитии, сможет наверстать это потом, в свободное время. Было бы желание. А вот если командир не освоит теорию и практику ведения огня, он не сможет сделать взвод по-настоящему боеспособным. А это уже, согласитесь, не только его личная беда. Не одни мы, «огневики», но и курсанты, особенно старшекурсники, ясно осознают сложность ситуации. И потому курсантские батальоны просят «огня».

Подполковник А. ПОЗДНЯКОВ,
старший преподаватель Новосибирского
высшего военного командного училища
МВД СССР.

КОО- ПИРАТЫ

СЛЫШИТЕ шуршание купюр? Говорят, что это звуки созидания. Возводится здание кооперации, которое оценивается уже более чем сорока миллиардами рублей. Именно такова стоимость товаров и услуг, реализованных нашими бизнесменами в 1989 году.

Насколько весома эта сумма? Вопрос не случаен. 1 мая 1987 года, когда вступил в силу Закон об индивидуальной трудовой деятельности, я заметил: молодые люди бойко торговали у станции метро надувными шариками. Сама резинка стоит пятак, а наполненная воздухом из легких энергичного и предприимчивого человека — уже вдвое дороже. Видимо, патента они не имели. Но вспомнились недаром. Больно уж часто результаты деятельности «зарегистрированных» предпринимателей также оказываются дутыми.

В Ленинграде первые шаги кооперативной деятельности проявились в 1988 году тем, что в магазинах пропали детские колготки. Потом появились — но уже с нарисованными цветочками. Цена почти вдвое выше прежней. Оказалось, на участке фабрики «Красное знамя», выпускающем эту продукцию, создан кооператив. Его задача не столько ставить цветочки, сколько поднять цену на изделия детского ассортимента. Ведь предприятие этого права не имеет. Так государственная копейка кооперативный рубль бережет. И «коммерсанты» довольны, и хозрасчетная фабрика увеличила прибыль (результаты пошли ей в актив).

А как же интересы потребителей? После взрыва предпринимательской энергии есть жертвы. Среди них — женщины и дети.

История с цветочками — это еще что. Ягодки были впереди. По милости людей, призванных ликвидировать дефициты, их перечень пополнился. И процесс этот продолжается день ото дня.

Человеческая деятельность, как вода, склонна искать наиболее легкие пути для своего движения. В создавшихся условиях доходы можно получать отнюдь не за счет привлечения дополнительных трудовых, материальных и прочих ресурсов, на что мы и надеялись. (Пусть не обидятся коо-

ператоры, которые решили честно потрудиться для своего и общего блага).

Увы, так называемый повторный счет, давно сделавший нашу статистику весьма лукавой, в коопсекторе проявляется еще сильнее. Ведь то же созидание бутерброда — это еще один передел в технологической цепочке, еще один этап переработки государственной продукции. Ее стоимость, которая уже зафиксирована где-то в государственной отчетности, плюсуем с диктуемой спросом наценкой — и... возвращаемся к вопросу: много ли дополнительной пользы в тех самых миллиардах?

А туалеты и другие бесплатные услуги, ставшие двадцатикопеечными? Бизнесмены, пройдя огонь, воду и медные трубы, крепнут экономически, приносят прибыль организациям-покровителям. И их руководители, судя по данным правоохранительных органов, внакладе не остаются.

Приведем только один пример из сферы отнюдь не производственной, но кооперативной. Вот справка Минфина СССР, которая рассказывает о том, как при Ленконцерте был создан кооператив «Артист». За организацию концертов всего нескольких популярных исполнителей он урвал чистый доход в 53,2 тысячи рублей. Ленконцертом же недополучено доходов на сумму 70 тысяч.

Казалось бы, его руководство должно быть в печали. Но ничуть не бывало. Дело в том, что оно получает в «Артисте» вторую зарплату.

Начальники, бизнесмены и артисты довольны. А что приобрел зритель? Ведь с введением кооперативов у нас певцов больше не стало. И класс их не повысился. Они все равно давали бы где-нибудь концерты. Разница лишь в том, что билеты подорожали.

Так формируется государственно-кооперативная монополия. Причем во многих сферах. Спасет ли она нас?

Скорее бутерброды начнут падать маслом вверх.

Разберемся, на каком фундаменте, из каких материалов и кто строит кооперативное здание в стиле ретро. Да, именно ретро. Ведь во многом основой для пре-

сбразований служит нам экономическая планировка двадцатых годов.

Причем планировка, трактуемая весьма своеобразно.

«...Чтобы достигнуть через НЭП участия в кооперации поголовно всего населения — вот для этого потребуются целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия...»

Что имел в виду В. И. Ленин, говоря о поголовной кооперации? Навешивание на уже имевшиеся фабрики, магазины и рестораны кооперативных вывесок? Сейчас происходят именно такие аннексии.

В первые годы Советской власти действительно требовалось привлечь людей к кооперации, то есть к участию в общественном разделении труда. В первую очередь — крестьян, многие из которых вели в значительной мере натуральное хозяйство. А кого мы можем привлечь к общему делу теперь?

Кое-кого в республиках Средней Азии и Азербайджане, где нет полной занятости. Кого еще?

Людей, занимающихся сомнительными делишками? Было сказано: больше света, больше социализма. Двери перед теми, кто действовал на теневом рынке, открылись. Однако похоже, что из тени на свет божий мало кто вышел. Достаточно сравнить цифры. Кооперативные сорок миллиардов и те 150 миллиардов, составляющие объем оборота теневой экономики. Кого еще за-были?

«Все мы помним, как поначалу советская кооперация объявлялась сферой, где должно трудиться «в основном не занятые в общественном производстве население: пенсионеры, учащиеся, домохозяйки, инвалиды». Но это дело оказалось таким привлекательным, что в него ринулось совсем другое «население». Так считает И. Болотов, председатель Московского инвалидно-го кооперативного объединения.

Выходит, кооперируются те, кто уже кооперирован — т. е. участвует в общественном разделении труда. Здесь перед новыми богатырями нашей экономики два пути. Направо — повторная занятость, налево — дорога из госсектора.

Возьмем первый случай. И спросим: можно ли эффективно трудиться после напряженной восьмичасовой смены? Вряд ли. Возьмем случай второй. Получим ли мы больше продукта, не привлекая к производству дополнительных людей, а лишь перекачивая их силу из резервуара в резервуар? Ничто не может взяться ниоткуда. Это как закон сохранения вещества.

Но для замороженного предпринимателя наш закон сохранения времени не писан. Ответы очевидны только на первый взгляд. Оказывается, многие весьма энергично действуют в кооперативе и после рабочей смены в цехе. Потому что отсутствие технически обоснованных и напря-

женных норм выработки позволяет отнюдь не напрягаться у своего станка.

Итак, идет переток кадров. Не потому, что просто приятно работать именно под кооперативной вывеской или кому-то дороже память Н. И. Бухарина. Причина в другом. Это — разная оплата за равный труд.

Первое слагаемое такого положения — бесконтрольное ценообразование. Мы с возмущением взираем на шапки, сшитые «предпринимателями» из шкур породистых собак. Однако с клиента они дерут и во все три шкуры. Между тем в прежней ГДР, например, кооперативы имели право устанавливать цены лишь на пять процентов выше, чем в госсекторе.

Есть мнение, что с ростом кооперативного движения цены упадут. Но возможно ли это, когда в стране колоссальная масса неотоваренных денег (только на сберкнижках уже порядка 330 миллиардов)? Исследование в одном из регионов страны показало, что половина всей суммы сбережений сосредоточена всего на трех процентах вкладов. Эти накопления — безбрежный резервуар, из которого можно вычерпывать рубли, повышая цены и не заботясь об увеличении выпуска продукции. Ленинградский кооператив «Новосел», например, предпочитает поставить один бассейн на дому, чем врезать тысячу дверных замков. Исключения есть, но они лишь подчеркивают общее правило. Оно гласит: ориентируйся на толстые кошельки.

Предположим даже, что кооперативы произведут товары и услуги на все 330 неотоваренных миллиардов. Вот деньги перекочевали из карманов госслужащих, рабочих в карманы кооператоров... Но куда с этими купюрами пойдут они? Кое-что купят у своих же собратьев, но в большинстве случаев направятся в госмагазин. Отступит ли дефицит?

Обилие неотоваренных денег — наследие застоя, когда немало было выплачено не по труду. Но теперь в развитие этого негативного процесса свой вклад вносит и кооперация.

На одном из заседаний Президиума Верховного Совета СССР, где мне довелось присутствовать, приводилась статистика: тех, кто товары не изготавливает, а лишь перераспределяет, становится все больше. Правда, при дефиците все равно продукции всем не хватит. Однако коопосредничество стоит денег немалых. Тем более, что промышленные предприятия оплачивают его отнюдь не из фондов материального стимулирования. Из фондов развития производства.

Кстати, из сорока миллиардов кооперативных рублей лишь семь относятся к выпуску товаров для народа (для чего, собственно, и создавалась кооперация). А что же остальные суммы?

Они получены, в частности, за счет та-

ких сделок, которые проворачивал кооператив ИМЭС в Москве. Как известно, частное лицо, вернувшееся из-за границы, не имеет права продавать приобретенную там ЭВМ государственному предприятию. А кооперативные перекупщики подворачиваются тут же. В свою очередь, у них машины приобретаются оптом. Такими монстрами, как ИМЭС. Он реализовал компьютеры госпредприятиям. Под видом оснащенных математическими программами и периферийными устройствами автоматизированных рабочих мест. Более чем по сто тысяч рублей за комплект. И за несколько дней получил порядка сорока миллионов.

Смешно вспоминать фокусы с детскими колготками, с которых начинали наши предприниматели. Ныне у них поистине семимильные шаги. Следуя от первоначального продавца до конечного потребителя, товар может проходить через бесчисленное количество корыстных рук. И на всем пути к ним будут прилипать все новые наценки.

Запасы неотоваренных безналичных рублей на предприятиях велики. И на них может паразитировать столь неправдоподобно большое количество посредников, что не снилось и западной экономике. Она ведь не знает безналичных денег, которых не очень-то жалко. Это стоит понять тем, кто спокойно глядит на безмерный рост всевозможных перекупщиков и отсылает нас к опыту Запада.

В подобные игры включились уже и отечественные средства массовой информации. Они упорно рекламируют товары, которые невозможно купить. Кому это выгодно? Не предприятию, где сбыт и так обеспечен, или, например, не телевидению, имеющему и так возможность чем заполнить эфирное время. А их конкретным работникам, которые под видом рекламы и посредничества прямо на глазах изумленной публики превращают безналичные рубли в наличные. И рассовывают их по карманам. Не создавая ничего.

Например, распорядительная дирекция Центрального телевидения и радиовещания взяла с гомельского кооператива «Спутник» (затем он был закрыт за неположенную деятельность) более миллиона рублей. Это за 24 минуты рекламы.

Говоря о новом экономическом мышлении, мы почему-то уповаем больше не на создателя, а на коммерсанта, способного что-либо выгодно купить-продать. Но ведь если новая стоимость создаваться не будет, то останется лишь перекладывание денег из кармана в карман. Шуршание вместо подлинного строительства. Вспоминаются слова К. Маркса: «Бывают даже такие фазы в экономической жизни современных народов, когда всех охватывает особого рода горячка погони за прибылью, получаемой без производства. Эта периодически наступающая вновь экономическая

горячка обнажает подлинный характер конкуренции, которая старается избежать промышленного соревнования».

О каком честном единоростве двух секторов может идти речь в такой, например, ситуации. Ленинградские предприниматели объявляют: «Требуются скорняки. Оплата до тысячи рублей в месяц». Фабрика «Рот-Фронт» тут же теряет почти всех производителей этой специальности. Начнут ли они за длинные рубли лучше работать? Плохо оснащенные кооперативы выпускают продукцию низкого качества. За что же высокая зарплата? Она основана на разнице налогов. Вместо 90 (как бывает порой у предприятия) кооператив платит в первый год 2—3 процента от прибыли. При этом сочинители умопомрачительных цен и конструкторы личной выгоды претендуют на бесплатное здравоохранение и другие услуги, почти ничего не дав на их развитие. Сократится ли их нехватка?

* * *

Наконец-то от слов, призывающих к равноправию двух секторов, обозначился переход к делу. Имеется в виду недавнее постановление Совета Министров СССР «О мерах по устранению недостатков в сложившейся практике ценообразования». В нем говорится, в частности, о создании условий для сближения уровней возможности приобретения кооперативами материальных ресурсов.

В этих условиях из кооперации, несомненно, уйдут спекулянты. Останутся лишь те, кто может зарабатывать, повышая производительность труда и снижая себестоимость продукции. Они и закроют дыры, которые пока не может залатать государство. Поневоле исчезнет сомнительная практика — больше платить уже за то, что кто-то трудится под кооперативной вывеской. Значит, вместо оплаты на глазок (по существу, это вариант волевого решения) понадобятся стимулы экономически обоснованные. То есть не просто справедливые, а побуждающие к высокопроизводительному труду.

Признаться, и сейчас госсектор с его выводиловкой и другими чудесами имеет их далеко не всегда. Как видим, выполнять напряженные задания только за государственную зарплату в ее нынешнем виде не желает все большее количество людей. Стимулом к инициативному труду становятся не просто рубли, а именно длинные рубли. Только их еще можно отоварить высококачественной продукцией — с переплатами, на рынке.

Понимая это, администраторы подыгрывают и тем, кто на сдельной, и тем, кто на повременной оплате. Рецепт — не устанавливать напряженных норм. Легко перевыполнять их, рабочий-сдельщик может конкурировать с кооператором в заработках. А повременщик управленец согласен

на такой уговор: платите мне 150 руб., зато уж и не спрашивайте многого. Впрочем, раз так, то и в кооперативе подрабатывать можно.

Как видим, рассматривать пороки кооперации нельзя вне пороков государственного сектора. Именно он породил дефициты, на которых и наживаются сегодня многие предприниматели.

Кооперацию стали возводить на гнилом фундаменте, да она же его еще стала и раскачивать. Нового здания не построить, пока прежней останется система нормирования труда, порождающая избыток денежной массы и всеобщую безответственность, пока в моде будут статистические и многие другие фокусы.

Возникла бы вообще потребность во многих кооперативах, если бы в госсекторе люди работали нормально? (То есть по технически обоснованной норме).

На эту мысль наталкивает опыт созданного при Ленглавснабе кооператива «Снабженец». Да, он помог уже реализовать немало промышленных отходов, сверхнормативных запасов и излишков. Странно другое. В структуре снабженческого главка есть отдел, призванный заниматься подобными операциями. Но, выходит, «Снабженец» оказывает ряд услуг, которые не предоставляет конкурент. Например, берет на себя все оформление документации. Выходит, в обязанности сотрудников главка, в норму их работы просто не входят необходимые операции.

Люди из «Снабженца» (многие — бывшие сотрудниками главка) довольны. Именно на нерасторопности государственной организации и можно заработать. Не наступят ли времена, когда и нынешний уровень неразберихи, дефицитности покажется кому-то недостаточным?

Трудное прохождение в Верховном Совете СССР поправок к Закону о кооперации, которые призваны повернуть ее из шашлычно-танкового в цивилизованное русло, заставляют о многом задуматься.

Капитал стремится действовать у нас со все большим размахом. А это гарантирует лишь опора на закон и общественное мнение. Поэтому вслед за исполнительной властью наших застойных исполкомов мы рискуем увидеть коррупцию в рядах власти законодательной. А также среди прессы. И там, и здесь закономерно формирование лобби.

Приведем мнение генерального директора ленинградского объединения «Светлана» Г. Хижи. Оно прозвучало недавно на совместном пленуме Ленинградских обкома и горкома КПСС. Говоря о механизме подготовки и технологии принятия решений и законов, он прямо заявил: «Представляется, что к решению этих вопросов имеют сейчас доступ силы, отстаивающие не интересы трудящихся, а интересы теневой экономики».

Только наивные люди пытаются наградить ценности и бежать с ними за границу. Солидная публика предпочитает проложить границы дозволенного сама. И прямо здесь.

Поэтому неудивительна политизация кооперативного движения. Недаром президент Союза объединенных кооперативов СССР В. Тихонов (кстати, получивший в названном кооперативе «Спутник» изрядную сумму) поддерживал забастовку шахтеров в Воркуте и призывал к практике гражданского неповиновения. Недаром известный по «делу о трех миллионах» А. Тарасов призывал своих коллег-предпринимателей вкладывать деньги в помощь Межрегиональной депутатской группе...

Все это происходит на фоне наукообразного «обоснования» кооперации как панацеи. Следуют, например, ссылки на опыт западных стран, где этот сектор играет большую роль в борьбе с монополизмом. Однако корректны ли они? Кооперативы, создаваемые в условиях насыщенного рынка, могут продержаться, лишь выпуская наиболее дешевую или качественную продукцию.

Кстати, зарубежные специалисты начали свою деятельность на многих совместных предприятиях в СССР именно с нормирования труда. Нет пророка в своем отечестве. Ведь наш же, ленинградский экономист Г. Муравьев предлагает платить тариф за выполнение нормы выработки, а чтобы в каждый момент времени она была предельно напряженной, премировать за ее пересмотр. То есть за внедрение достижений техпрогресса, научной организации труда. А это — возможность творчества, дефицит которого (а не только денег) также уводит людей из госсектора, где царят хитрая сдельщина и кондовая повременщина. На ряде предприятий тарифно-премиальная оплата дала рост производительности труда, усилила персональную ответственность за порученное дело. Но широкого распространения не получила. Теперь нечто подобное предлагает «Саламандра» на совместном предприятии «Ленвест», другие партнеры. Выходит, опять нам нужен деловой немец с моноклем.

Вспомним тех же сотрудников Ленглавснаба, обязанных вовлекать в оборот дополнительные ресурсы. Представим себе, что весьма крупные премии выплачиваются в зависимости от роста этого показателя. То есть от пересмотра нормы, закрепленной за каждым работником. Надо полагать, государственные служащие тут же возьмут на себя те функции, которые ныне приносят успех кооперативам наподобие знаменитой «Техники». Не здесь ли ответ на вопрос — как привести экономику в норму?

**Ю. ВОРОБЬЕВСКИЙ, обозреватель
ТАСС (специально для журнала
«На боевом посту»).**

ПОЛЬИНЬЯ

Проснулся Краюхин от того, что кто-то настойчиво и нервно тербил его:

— Слышь, Краюха, подъем! По-быстрому!

Низко нагнувшись и дыша ему прямо в лицо, возле кровати стоял рядовой Щербаков.

Краюхин с трудом открыл глаза. Еще ничего толком не понимая, взглянул на электронные часы над тумбочкой дневального. Мигали зеленые секунды, рубленные цифры высвечивали позднее время — 23 56. Над косяком двери желтело тусклое пятно лампочки дежурного освещения, и, погруженная в полумрак, казарма спокойно коротала эту вьюжную декабрьскую ночь.

Краюхин нехотя сдвинул к задней спинке кровати согретое теплом одеяло.

— Что случилось?

— Не в курсе. Давай срочно в сушилку. Ждут там тебя.

Не переставая недоумевать, рядовой Краюхин сунул босые ноги в прохладные сапоги и быстро направился в комнату, приспособленную для просушки обмундирования и обуви, проще говоря — сушилку. Шаг в шаг за ним вразвалку двигался Щербаков. Он и толкнул дверь нужной комнатухи в дальнем углу казармы, с ухмылкой проговорив: «Прошу!» В тесной сушилке было накурено и темновато. Но Виталий Краюхин без труда разглядел двух солдат своего взвода — водителя ефрейтора Скрипки и автослесаря рядового Шляпникова. Они, как и Краюхин, были в одних трусах и сапогах. Из срезанного напополам поршня от выбракованного двигателя торчали мятые сигаретные окурки.

— Чего же ты, Краюха, заставляешь ждать себя? — глухо проговорил Скрипка. — Нехорошо!

По язвительному тону, каким были произнесены эти слова, и вызывающему взгляду ефрейтора Виталий понял: он, похоже,

попал в число тех солдат, которые чем-то не приглянулись «дедам». И стало от такой догадки беспокойно и тоскливо. Краюхин, однако, вовсе не испугался никого из нагловатой троицы. Были это как на подбор щуплые, если не сказать, хилые парни. Как-то у ефрейтора Скрипки забарахлил движок «Урала». Растерянный водитель не смог вкруговую повернуть заводную рукоятку. Подошел Краюхин, как тисками, сжал отполированную ладонями ручку, на выдохе резко рванул «кривой стартер», и большегрузный автомобиль, кашлянув сизым выхлопом, задрожал всем корпусом.

Нет,нисколько не боялся новоявленных «стариков» Виталий. Просто было неприятно сознавать, что рядом появились люди, которым доставляло удовольствие скопом глумиться над другими. Трусливые люди.

— Так в чем дело, мужики! — Краюхин присел на выгнутую кренделем теплую трубу.

Шляпников присвистнул.

— Ты погляди, Толик, — повернулся он к Скрипке. — Ему еще, выходит, растолковывать чего-то надо. А вот отчитайся, между прочим, кто сегодня на комсомольском собрании возникал: «Некоторые нерадивые водители...» «Грубость процветает...» То да се. Ты кто — ротный командир или начальник повыше?

Теперь все становилось понятным, и Краюхину эта ночная «сходка» стала надоедать.

— Во-первых, не «возникал» я на собрании, а выступал. Что же дальше?

— А дальше, дорогой мой, — поднялся Скрипка, — если ты не перестанешь позорить нас, стариков, то на широко известный лирический вопрос: «Как тебе служится, с кем тебе дружится?» — ты будешь отвечать однозначно и скучно: «Неважно». Верно, Серега?

— Точно, — поддакнул Шляпников.

— Юмористы, — усмехнулся Краюхин, направляясь к двери. — Это я вас, выходит, позорю? Да вы сами ищите приключение на собственную шею. В общем — привет!

Ему навстречу резко шагнул Шляпников. Виталий легко отстранил его.

— Не надо, Олег. — Повернулся, поднял в приветственном жесте руку: — Спокойной ночи, малыши!

Кто-то из «дедов» бросил ему вслед:

— Ладно, топай. — И добавил уже в спину: — До новых встреч в сушилке!..

Сон был совсем испорчен. И хотя нелегко пришлось минувшим суматошным днем — девять часов за баранкой по кочковатой избитой тундре, и теперь только бы отдохнуть, — Краюхину не удавалось даже сомкнуть глаз. Уловил, как три тени бесшумно скользнули по ночной казарме к своим кроватям, как потом прошел вдоль стены дневальный и, задержавшись на мгновение, посмотрел в его сторону. Мелькнула догадка: «Получается, и этот был в курсе «допроса». И ведь не остановил, не помешал». Краюхин по рассказам многих знал, что после неприятной «беседы» непременно последуют какие-нибудь злые проделки «малышей». Может, исподтишка, а может, и напрямую, на виду у других. Откуда все это, из каких мрачных закоулков выползло? Вот в свое время служил солдатом его, Краюхина, дед по материнской линии. Самым тяжелым проступком, вспоминал дед, а он врать не станет, была когда-то самовольная отлучка. О казарменном хулиганстве, издевательствах над товарищами в ту пору и слыхом не слыхивали.

«Чем же я их обидел?» — не переставал думать Виталий. — Верно, пришлось ему выступать на комсомольском собрании, повестка которого звучала уныло: «Наши задачи в свете выполнения обязательств». Когда он попросил слова и заговорил о том, что в их автомобильном подразделении процветает грубость, что молодым солдатам навешивают оскорбительные ярлыки, кто-то, да, кажется, тот же Шляпников, развязно вмешался: «Председатель, а чего это товарищ Краюхин не по теме толкует? Пусть за обязательства высказывается». Собрание вел сержант Михаил Кезь, застенчивый и мягковатый отделенный командир. «Действительно, Краюхин, — сказал он, — ты вроде бы завернул, елки-палки, не в ту степь».

Собрание гыкнуло коротким смехом.

«Но ведь по делу же я говорил, — перебирал беспокойные мысли Виталий. — Почему же так безучастны к проделкам «старичков» даже те, кого они обижают? Выходит, побануются? И, по всему видно, в той теплой компании первую скрипку играет Скрипка...» Неожиданный каламбур показался невеселым.

...Дневальный отошел от тумбочки. Стал хорошо виден темный прямоугольник часов. Зеленые цифры холодно показывали время нового дня — 2.30.

Сюрпризы начались в то же утро. Одеваясь перед самым построением на обычный осмотр, Краюхин в спешке поначалу не заметил, что на кителе оторван подворотничок. Схватился было за иголку с ниткой, чтобы подшить новую белую полоску, но тут старшина Борис Комов громко, вразтяжку выкрикнул:

— Выходи строиться!

Он же, Комов, сразу обнаружил заметный изъян во внешнем виде первогодка Краюхина.

— Где же ваш подворотничок, товарищ рядовой?

— Виноват, не успел подшить, — покраснев, соврал Краюхин. Хотя, впрочем, почему соврал? Он ведь и впрямь пытался что-то сделать, прежде чем стать в строй.

— Понятно, песня старая, как Вселенная, — подытожил старшина. — Другого ответа не ожидал. Что ж, на первый раз объявляю вам замечание.

Чуть позже, когда все сидели в столовой за завтраком, от двери позвали:

— Рядовой Краюхин! Есть такой?

— Есть, — быстро поднялся Виталий.

— К командиру роты!

Но никто, как оказалось, его не вызывал. Зато, когда Краюхин возвратился на место, он не увидел на оставленном куске хлеба желтоватый кубик сливочного масла. Сидевший чуть наискосок ефрейтор Скрипка кривил в презрительной улыбке обветренные губы.

Впрочем, в изобретательности Скрипке и его расторопным друзьям отказать было нельзя. Подличали они методично и изощренно. Кто-то однажды перепутал свечные провода в двигателе его «ЗИЛа», и Виталий не сразу сообразил, почему вдруг закапризничал безотказный автомобиль. В другой раз опять «кто-то» переставил в пирамиде автомат. Краюхин, не посмотрев на номер, старательно вычистил оружие. Тогда подошел рядовой Щербаков, самый молчаливый из троих, дурашливо понтересовался: «А чего это ты мое ружье драил? Хотя, впрочем, спасибо. Это у тебя неплохо получается...»

Терпение Краюхина иссякло. «Доложить, что ли, начальству?» — мелькнула как-то невеселая мысльшка. Но жизнь по-своему все расставила на места.

...То воскресное утро выдалось морозным и ясным. Широкие окна казармы заливал щедрый солнечный свет, блестел добросовестно натертый красноватой мастикой пол. Комов их вызвал сразу после завтрака. Направляясь в старшинскую каптерку, Скрипка гневно бросил Краюхину: «Уже накапал?...» Однако старшина Комов встретил приветливо.

— Есть одно ударное задание, — заговорил он. — Поскольку люди вы мастеравые, надо вам заглянуть в поселковую школу. Там ихние умельцы сработали для автокружка какой-то тренажер, но вроде бы дает механика сбои. Поглядите, покопай-

тес с ребяташками. Туда-сюда — рейсовым автобусом. Вопросы есть?

Вопросов не оказалось. Небольшой автобус, «задевая» военный городок, курсировал между двумя населенными пунктами нечасто. Но им повезло, и через несколько минут, попрыгав по мерзлой кочковатой дороге шесть километров, машина остановилась почти возле самой школы. Здесь их уже ждали те самые умельцы, которые, видно, и передали свой необычный «SOS» старшине Комову.

Оплошность ребят при монтаже тренажера была пустяковой: в одном узле пришлось заменить втулку, что Скрипка и Краюхин сделали без малейшего труда. Потом они направились к автобусной остановке, чтобы возвратиться в подразделение. Краюхин попытался завести разговор, для начала хотя бы «за погоду». Однако Скрипка иронически скривился, дав понять, что откровенничать с «салагой» он не намерен.

Очередной автобус, судя по расписанию, надо было ждать около часа.

— Может, пешочком? — предложил Краюхин. — Каких-нибудь пяток километров, и погодка — люкс.

Ефрейтор, не говоря ни слова, капризно посмотрел туда, где белыми столбами от последних изб поселка поднимался легкий дым из печей, а еще дальше открывалась зыбкая морозная даль. Помявшись некоторое время в нерешительности, он поначалу лениво, потом все убыстряя шаги, явно желая оторваться от Краюхина, двинулся по глянцевице наезженной дороге. Виталий усмехнулся: «Упрямый парень...»

Молча они прошагали километра полтора. За взгорком с плоской макушкой отполированная колея плавно отворачивала вправо: впереди неширокой преградой вытянулось озеро. Совсем близко прорисовывался в дымке противоположный берег, прятанный за высохшим камышом. Похоже, озеро замерзло в безветренную погоду, потому что поверхность его была идеально гладкой, напоминая овальное зеркало, положенное плашмя. Краюхину тогда подумалось, что оно, наверное, сейчас отбрасывает в голубую бесконечность гигантский солнечный зайчик.

Они, не сговариваясь, остановились. На той стороне зеленел молодой пихтами притихший бор. Низкорослая лошадь гнедой масти ходко тянула пустые розвальни. Было чрезвычайно заманчиво напрямую преодолеть эти триста зеркальных метров, а не идти далеко в обход скованного льдом водоема. Но Краюхин уже был наслышан о причудах живописного озера, которое вроде бы подпитывается какими-то шедрыми родниками и потому в начале зимы застывает медленно и неохотно. Слово прочитав его мысли, Скрипка нервно облизал обветренные губы, глухим голосом неожиданно предложил:

— Ну так что — вперед?

Краюхин заколебался, и ефрейтор, пре-

небрежительно бросив: «Дрейфишь, салага?» — стал быстро спускаться по неровному пологому берегу. Он решительно ступил на стеклянную крышку озера и побежал мелкими сбивчивыми шажками. Было очень хорошо слышно, как звонко цокают подбитые железными подковками каблуки по крепкому и чистому льду. Одолев несколько метров, Скрипка легко прокатился. Снова пробежал и снова прокатился.

— Погоди, Толик! — запоздало попытался остановить его Краюхин, не переставая с опаской глядеть на коварную, как ему казалось, озерную ширь.

Скрипка его не слышал. Он вновь пробежался, еще стремительнее заскользил по чудесному катку. Потом Краюхину показалось, будто ефрейтор сам все тщательно рассчитал, чтобы с ходу «солдатиком» впрыгнуть в мгновенье образовавшийся пролом льда. Вначале в этом месте хрустальным фонтаном вскинулись брызги, которые тотчас опали. На черной растревоженной воде игриво прыгала серая шапка. Когда Скрипка вынырнул, лицо его было совершенно белым — то ли от испуга, то ли от жестокого холода, и расширенные глаза кричали о помощи.

И тут вдруг Краюхин бросился назад, на ту дорогу, которую они только что меряли своими торопкими шагами.

— Э-эй, — задрожал в промерзшем воздухе хриплый просительный окрик. — Куда же ты?

Но Краюхин убежал все дальше.

— Стой! — неслось ему вслед.

С гулким хлопком, напоминающим выстрел из ружья, треснула обломившаяся под тяжестью тела льдина.

Совсем рядом на ровной поляне — это Краюхин заметил еще при подходе к озеру — торчал невысокий, припорошенный снегом стожок. Потемневшее от осенних дождей сено было придавлено тремя жердями из тонких лиственниц. Через минуту-другую Краюхин уже торопливо полз по льду, толкая перед собой одну шершавую жердину. Скрипка между тем присутствие духа не потерял. Он едва касался острых обломков прозрачного, игравшего солнечными бликами льда, боясь обломить хрупкую кромку.

— Хорошо, хорошо! — подбадривал его Краюхин и продвинул по полированной поверхности двухметровый шест так, что его комлевое утолщение вскоре лизнула разлившаяся вокруг польны плоская вода. — Ты только не дергайся, все будет в порядке...

Прежде чем ухватиться за спасительную жердь, Скрипка неожиданно выловил еще державшуюся на плаву шапку, нахлобучил ее на леденеющие волосы, умудрившись сделать это так, что звездочка оказалась точно над переносьем. Поначалу, когда Виталий потянул шест на себя, лед под Скрипкой снова проломился. Потом он только потрескивал, однако держал двух человек надежно.

Возле стожка Краюхин велел Скрипке немедленно раздеться, и сам быстро сбросил с себя шинель и китель, под которым была коричневая шерстяная безрукавка. Потом, весь сжавшись от мороза, снял нательную рубаху, распорядился:

— Вытирайся. Да поживее.

По мере того, как ефрейтор, дрожа от отчаянной стужи, рубашкой товарища сгоял с озябшего вконеч тела липкую воду, Краюхин полами своей шинели неистово растирал его до красноты. И все у него получалось к месту и ловко.

— Экий ты худой, однако, — усмехнулся он, почувствовав даже под плотной тканью приметные ребра.

— Какой уродился, — огрызнулся Скрипка.

— Не скажи, — мотнул головой Краюхин. — Это, брат, оттого, что ты убийственно много куришь и шибко сердитый. Ну ладно. Надевай-ка теперь мою одежку. — И протянул Скрипке безрукавку.

— Откуда это у тебя? — покосился ефрейтор.

— Мама связала перед призывом. Теплая, верно?

В самый разгар необычного переодевания, для которого Краюхин разумно «рассортировал» свою сухую одежду — кому китель, а кому шинель, кому сапоги, а кому один лишь портянки, — на дороге показалась машина. Скрипка сразу узнал по грузно переваливающейся на ухабах будке техническую летучку подразделения.

— Наша...

Из кабины торопливо выбрался сержант.

— Что за маскарад? — подивился он любовной картине. Но, увидев груды мокрой одежды и темный провал почти на середине озера, сразу понял все. — Ясно, значит, еще одним «моржом» стало больше. Быстро в машину.

Водитель поспешно открыл сзади дверь будки.

— Сейчас, ребята, печку включу, через пару минут у вас настоящий Ташкент будет.

Летучку трясло на неровностях дороги, и по окованному светлым металлом верстаку элозил оставленный кем-то ролик-подшипник. Анатолий Скрипка, зябко завернувшись в шинель, сидел на табуретке поникший, безучастно уставясь в темный угол прыгающей будки. Вскоре машина остановилась перед въездом в военный городок. Водитель протяжно посигналил. Очнувшись от каких-то своих дум, Скрипка, не поворачивая головы, позвал:

— Виталья, — и, когда Краюхин откликнулся, ефрейтор приглушенно сказал: — Ты прости меня, скотину...

Было слышно, как, загремев ржавыми колесиками, шумно раздвинулись створки ворот КПП. А через полтора часа Краюхин и Скрипка уже шагали в общем строю роты на обед.

В столовой, увидев возле своей тарелки два стакана компота, Скрипка поманил Шляпникова, показал на них глазами и тихо проговорил:

— Поставь второй где взял. — Но не сдержался, вскричал своим хриплым, совсем осевшим голосом: — Ты меня повял, веший Олег. Отнеси, говорю, на место!

...Может, еще там, у озера, которое едва не погубило его, солдата последнего года службы, Скрипка повял, что, пренебрегая товарищами по воинскому строю, он уже успел потерять в жизни что-то очень важное.

Полковник в отставке
В. НАГОРНЫЙ.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

А КАК БЫТЬ С ЧЕСТЬЮ КОЛЛЕКТИВА?

В № 5 журнала за этот год было опубликовано коллективное письмо представителей Офицерского собрания нашей части «На чьей стороне закон!». В нем мы ставили под сомнение правомерность прекращения уголовного дела в отношении троих недисциплинированных солдат, покушавшихся на честь лейтенанта Р. И. Мороза.

Надо сказать, что после публикации дело было возвращено на дополнительное расследование прокурору местного гарнизона. И каково же нам было узнать, что в нем содержится заявление т. Мороза от 13 декабря 1989 года с просьбой... не привлекать данных военнослужащих к уголовной ответственности.

Мы благодарны журналу и военной

прокуратуре Приволжско-Уральского военного округа, не оставившим без внимания коллективную просьбу. Вместе с тем офицеры части испытывают определенное неудобство за непоследовательность действий и неискренность лейтенанта. К сожалению, ему лично мы не имеем возможности высказать свое неудовлетворение — он переведен к новому месту службы. Но надеемся, что, прочтя эти строки, он задумается о чести офицера, которую просил оградить от посягательства, и задается вопросом: а как быть в данном случае с честью Офицерского собрания части, вставшего на его защиту!

Майор В. МАКАРЕНКО,
председатель Офицерского
собрания части.

ИСПОВЕДЬ НА ПОБЫВКУ К МАТЕРИ

СЕГОДНЯ, как решено было накануне, мы с Костей и Лидой едем к себе на родину, Валентин и его подруга с утра сходили на базар, принесли полные сумки снеди. Подозвав меня, Король таинственно извлек из кармана две шоколадки и большое антоновское яблоко:

— Держи, тезка, это тебе.

Шоколадки я положил в карман (ответу матери), а яблоко стал с наслаждени-

Продолжение. Начало в № 9.

А. ГУРОВ,
В. РЯБИНИН

ем есть. Король в это время наставлял Лиду, как ей себя вести, когда придет к нам. Сказал, чтобы со всеми была вежлива и тактична. Тут же придумал для нее «легенду» — как она меня встретила и почему оказалась «добренькой девушкой».

Тут вклинился в разговор Костя:

— Да зря вы все это сочиняете. Мама у Вальки тихая, гостеприимная. И сама она ни о чем не будет расспрашивать. Ведь правда, Валя?

— А ты не петушишься, постреленок, — ответил за меня Валентин, — запомни крепко: мы должны все предусматривать, чтобы любая неожиданность не застала врасплох. Там ведь не одна его мама будет. Малыш мне рассказывал, что их комната рядом с общежитием. Значит, и девочки могут о чем-то спросить.

Я удивился тому, какая у него память: запомнил даже эту подробность. Вообще я все больше восхищался своим взрослым тезкой. Он был молод, красив, одевался со вкусом. В тот день хорошо помню, на нем был новенький бостонский костюм «тройка», хромовые сапоги.

Король несколько не был похож на вора. Культурный молодой человек из состоятельной семьи. А его изящные руки с тонкими нервными пальцами профессионального карманника вполне могли бы принадлежать пианисту или скрипачу.

Немного погодя я узнал, что Король считался в Москве одним из самых известных «воров в законе». Его авторитет был непререкаем. Валентина хорошо знали как в близлежащих отделениях милиции, так и в МУРе.

У Вальки был друг Федя Артист — тоже знаменитый карманник. Часто они «работали» на пару. Когда их ловили с поличным, оба притворялись душевнобольными. При этом так имитировали болезнь, что ставили в тупик экспертов-медиков, и нередко их освобождали еще до суда.

В те годы за карманные кражи максимум давали год лишения свободы — по 162 статье УК, Валентин и Федор почти всегда избегали даже этого наказания. Не случайно пользовались они у воров таким авторитетом.

В общем, моим учителем стал не просто «вор в законе», а человек незаурядный, умный, виртуоз в своем деле. Еще не так давно мама пугала меня словом «вор». Бывало, оставляя одного в доме, наказывает строго-настрою: «Смотри, сынок, без меня дверь никому не открывай, а то вору утащат». Теперь я сам оказался среди них, а «вор в законе» заменил мне отца.

Перед тем, как нам отправиться в путь, Валентин усадил меня рядом с собой на диване и стал расспрашивать о семье, о том, как мы жили. Я ничего не утаивал, да и к чему. Выслушав, он долго молчал, а потом вдруг обнял за плечи:

— Да, брат, тяжелая у тебя была жизнь. Ну ничего, не унывай. Теперь станет легче. И даже совсем хорошо.

Вошла Лида, которая разбирала на кухне покупки. Он взял в руки гитару и тихонько запел:

Платье твое — цвет розы,

Платье ты носишь по моде.

Гулять ты со мной не хочешь —

Ну что же, гуляй с кем хочешь.

Девушка прижалась к нему:

— Дурачок ты мой. Разве могу я без тебя.

Вошла тетя Соня и сказала, что сумки, упакованы, можно немного перекусить и собираться.

Король вынул часы:

— В дорогу наедаться вредно. Нам пора.

Пока мы шли до вокзала, с Валентином раза три здоровались какие-то парни — все, как и он, хорошо одетые и тоже в хромовых сапогах и кепках-восьмилинках.

В ожидании поезда на перроне скопилось уйма народу. Король сказал нам, что не прощайтесь — еще, мол, увидимся, и сам куда-то исчез.

Подали состав. Пассажиры стали брать вагоны с бою. Со всех сторон нас с Лидой и Костей толкали тетки с мешками и корзинами, и мы, с тяжелыми сумками в руках, еле втиснулись в тамбур. Паровоз дал гудок, поезд тронулся. Вдруг слышу знакомый голос:

— Мамаша, проходите вперед, мы ж из вагона вылетим — висим на подножке.

Пбдняяв глаза, я увидел своего взрослого тезку и с ним пацана, который однажды заходил к нам на хату. Кажется, звали его Сеней. Они вдвоем бойко подталкивали стоящих в тамбуре мешочницы. Хотел было крикнуть: «Валентин!», но в тот же момент Лида крепко сжала мне руку. Но не сразу до меня дошло, почему Валька Король, который не думал ехать и билеты взял только для нас, оказался в поезде. Тетки с мешками в ответ кричали, что проходите некуда, народу битком.

Поезд, постепенно набирая скорость, громыхал по стрелкам. Я на минуту отвлекся, засмотревшись на проходивший мимо состав с зачехленными брезентом «Катюшами». И тут услышал удивленный возглас одной из женщин:

— Вот чудяки, эти молодые. Толкали, толкали — все им места мало, а сами выпрыгнули на ходу.

Кто-то из стоявших в тамбуре поддакнул ей в тон:

— Чудаков нынче хватает.

Но стоявший в дверях вагона пожилой мужчина тут же скумекал, в чем дело:

— Вы лучше карманы проверьте. Наверняка тут не чисто.

Бабы опустили мешки на пол, поставив их между ног, и стали ощупывать свою одежду. Вдруг одна из них как завизжит:

— Обокрали! Гляньте — пиджак разрезали. Ну как я теперь — все деньги там...

— Надо остановить поезд, — подсказал кто-то.

Мужчина выругался:

— Дуры вы деревенские. Плакали они,

твой денежки. Их уж небось пересчитывают где-нибудь в укромном месте. А мы — поезд... Много денег-то было?

— Восемь тысяч, — рыдая, ответила женщина. — Два дня свинину на рынке продавала. А сколько хлопот было с этим поросенком, пока выкормила... Ох, батюшки, что же мне теперь делать. Хоть под поезд бросайся.

— Не надо рот разевать, — досадливо отмахнулся мужчина.

— Ну кто же мог подумать, — защищала пострадавшую другая женщина, постарше и посolidнее. — На вид — культурный молодой человек, одет прилично, парнишка с ним такой симпатичный — младший брат, наверное. Куда только милиция смотрит.

Та же, которую обокрали, показывала всем, как у нее был разрезан боковой карман — аккуратно, в виде буквы «Т».

— По всему виду — специалист поработал, — заключил все тот же пожилой мужчина.

Я был словно в оцепенении, начав понемногу понимать, что произошло. Лида, угадывая, о чем я думаю, тихонько дернула меня за рукав и сунула мне в рот «петушка» — леденец на палочке. Костя тоже о чем-то думал, хотя, наверное, совсем о другом — к такому он уже успел приглядеться.

Поезд подъезжал к станции Обираловка — название, как нельзя кстати подходящее к этому случаю (сейчас это станция Железнодорожная). Тетка, у которой вытащили деньги, стала собирать вещи. «Пойду в милицию», — сказала она, вытирая козынькой мокрое от слез лицо. «Что толку, — пробурчал ей в ответ мужчина. — Их год ищи, не найдешь»...

Скорее уже и наша Электросталь. Взяли мы с собой много всяких продуктов, и даже американские консервы. Я вдруг вспомнил, как на рынке надули с этой тушенкой нас с Костей. Было это дня за три до первой моей кражи — «рыбка», о которой я уже рассказывал. Тетя Соня, хозяйка, попросила нас с Костей сбежать купить тушенки, чтоб побыстрее приготовить борщ. На Рогожском Костя нашел мужичка, который торговал консервами из-под полы.

— Дешево отдаю, пацаны. Двести рублей за банку. Деньги позарез нужны.

Костя обрадовался, потому что за тушенку, как сказала нам тетя Соня, меньше трехсот не берут. Сунул мужику деньги, и мы побежали. Дома открыли одну банку, а там тряпки с землей. Тетя Соня развела руками: «Вот тебе и Америка». «Не Америка, Соня, — внес ясность вошедший на кухню Король. — Это работа Бори Букахи, не иначе. Тот еще аферюга. Тушенку он вынимает и сам кушает, а банки запаивает и продает лохам да скокарям. Ну ничего, «дрожжи» мы у него заберем...

Вспомнил я эту смешную историю, и на душе полегчало. Улыбнувшись, посмотрел на Лиду, которая стояла у окна с грустным лицом. Она тоже улыбнулась в ответ.

И вот уже мы с Лидой подходим к моему дому. Костя решил не рисковать. «Ты сперва узнай, спрашивали меня «легалы» или нет, а я посижу в вашем сарае».

Матери я должен был сказать, что Лида живет в Москве, отец у нее офицер, летчик и что это он все достал и попросил дочь съездить ко мне домой. А с ее отцом мы познакомилась случайно, на вокзале. Я попросил у него денег на билет до Электростали, он разжалобился, вспомнил своего сынишку, который перед началом войны был в пионерском лагере на Украине, а когда их везли домой, поезд попал под бомбежку.

Эту легенду придумал, конечно, Валька Король, и она не могла дать осечки.

Дверь нам открыли девочки из общежития. Они начали во все глаза разглядывать мою спутницу и наши тяжелые сумки.

Мама была у себя в комнате. Мы с ней поцеловались. От неожиданной этой встречи она опустилась на стул, потом заплакала. Я познакомил ее с Лидой, пересказал «легенду» — получилось как будто правдоподобно. Девушка ее обняла, стала успокаивать, а мне сказала, чтоб упаковал сумки и достал колбасу.

Лида отрезала несколько ломтиков «Любительской» и вместе с половиной мягкой французской булочки подала матери. Та начала есть, торопливо подхватывая крошки, но я несколько не удивился этому, вспомнив, как еще недавно голодал сам.

Внезапно раздался детский плач: проснулся Гена, мой младший братик. О нем, растроганный встречей с мамой, я сразу и не вспомнил. Какой же был он худенький, бледный — в чем душа держится.

— Не реви, сынок, — мать подошла к кровати, на которой они раньше спали с отцом, стала успокаивать малыша. — Смотри, сколько теть Лиды и Валя привезли гостинцев. Сейчас мы тебя покормим.

А мне надо было срочно бежать к Костиной бабушке — узнавать, не ищут ли парня. В сарае он, поди, совсем истомился.

Увидев меня, бабка страшно обрадовалась и, конечно, первым делом спросила о внуке. И тут же скороговоркой стала мне рассказывать, что Костина мать в лагере — здесь, в Электростали, прислала два письма, очень соскучилась по сыну. Я задал вопрос: «А милиция к вам не приходила?» — «Нет, не беспокоила». — «Ну тогда погодите, я за ним сейчас сбегу...»

Вернувшись домой, я застал Лиду на кухне. «За тобой дрова, — приветливо улынулась она. — Будем варить борщ с мясом». Девушки из общежития тоже почти все столпились на кухне и наблюдали, как Лида чистит картошку. Когда она выбросила очистки в тазик, одна из девушек замахала руками:

— Что ты делаешь, разве ж такое добро можно выкидывать. Если их пропустить через мясорубку и добавить чуть-чуть муки — лепешки получатся такие, что пальчики оближешь... Видать, подруга, голоду ты не знала. — И, уйдя из кухни, в сердцах хлопнула дверь.

Пришел Костя, сказал, что завтра они с бабкой поедут в лагерь, навещать его

маму. В письме она просит, чтобы привезли табак. «Странно, — подумал я. — Она ведь была некурящая». А ему сказал:

— Я поеду с вами, хочу повидать тетю Марусю.

Рано утром мы сбегали к столовой, купили двадцать стаканов табаку, набрали еды и отправились в лагерь. Он был совсем недалеко — от центра две или три остановки на автобусе. В лесочке рядом с заводом, где работали прежде и мои родители, и Костина мама. Отделяла его от внешнего мира одна лишь колючая проволока, а по углам отгороженного прямоугольника стояли вышки с часовыми. Сидя в автобусе, мы пошли вдоль этого ограждения. За ним я впервые в жизни увидел заключенных. Изможденные, безликие, в одинаковых черных робах мужчины и женщины (в те годы они содержались вместе) стояли небольшими группами или же прохаживались по зоне — очевидно, был час утренней прогулки. Вдруг видим: отделившись от остальных, к ограде бежит какая-то старая женщина.

— Костя, сынок, родненький мой...

Хриплый, раздирающий душу голос. Помнится, даже сын не сразу узнал в этой худой поседевшей женщине свою маму.

Часовой на ближайшей к нам вышке приказал остановиться и поднял автомат. Бабка заплакала. А тетя Маруся, отступив немного от ограды, показала рукой, куда нам надо идти. Мы подошли к месту, где принимали передачи. Дежурный сказал, что можно написать заявление, и нам разрешат повидаться с заключенной.

Какое-то время нас поманежили на вахте, но в конце концов пропустили. Нас не обыскивали, только проверили, что в сумках. Потом завели в комнату, где из обстановки была лишь большая скамейка, и еще стояло ведро с водой.

Томительно тянутся минуты ожидания. Костя сам не свой ходит из угла в угол. Бабка, поджав ноги, сидит на скамейке, я стою. Но вот дверь открылась и вошла тетя Маруся. Костя бросается в объятия матери...

НА ДОПРОСАХ И МЕЖДУ ДОПРОСАМИ

С НАУКОЙ СПОРИТЬ НЕЛЕГКО

МОЙ РАССКАЗ следователь слушал сосредоточенно. Вопросов не задавал. Лишь изредка просил уточнить какую-нибудь деталь или повторить блатное словечко — из тех, что нынче вышли уже из воровской «музыки». Иногда заносил что-то в лежавший перед ним блокнот.

— Как вы сказали, Валентин Петрович, — «передал дрожки»?

— Ну да. Дрожками мы называли деньги. Это сейчас — ловешки, поленья, воздух, бабки...

— Любопытно.

— Меняются времена, гражданин следователь. К тому же в нашем деле нужна конспирация. Если какое-то слово знает много людей не нашего круга, приходится его менять. Тут уже, гражданин следователь, я не вправе осуждать «беспредел».

— Послушайте, Валентин Петрович. Давайте договоримся: на таких вот наших беседах, как эта, я для вас не гражданин следователь, а Иван Александрович. Это ведь не допрос.

— Как скажете, гражд... то есть Иван Александрович. А если случится, что во время допроса вдруг ошибусь, назову по имени-отчеству?

— Будьте уверены: срок вам за это не прибавят, — улыбнулся он, приняв мою шутку.

— Продолжайте, Валентин Петрович, извините, что перебил.

Между прочим, чисто случайно (следователю позвонила из дому жена) мне довелось узнать, что на нашу неофициальную беседу он потратил свой выходной. Это тоже был штришок в его пользу.

За окнами кабинета стало уже темнеть, когда Иван Александрович, дослушав мой рассказ о поездке на родину и о Костином свидании с матерью, сказал, что на сегодня, пожалуй, хватит. И добавил:

— Спасибо вам, Валентин Петрович. Если выкрою время, продолжим завтра вечером. Хотя нет, раньше чем через день не удастся — завтра у меня визит к прокурору и три допроса.

— Иван Александрович, можно задать вопрос. То, что я рассказываю, принесет хоть какую-то пользу вашей науке?

— Напрашиваетесь на комплимент, Валентин Петрович, — краешками губ улыбнулся следователь. — Безусловно. Живые свидетельства, я считаю, куда важнее десятка иных научных трактатов. Тем более, что по той проблеме, которой я занимаюсь, написано пока до обидного мало. О причине я вам говорил: отрицание очевидного.

В очередной раз предложив мне сигарету, он продолжал:

— А чтобы не быть голословным, могу сказать: многое из того, что я сегодня от вас услышал, подтверждает часть выводов моей будущей диссертации. А пожалуй, и уточняет. Вот послушайте.

Порывшись в ящике стола, он достал потрепанную синюю папку с тесемками, в которой лежало несколько десятков отпечатанных на машинке листов, нашел нужное место:

«Одним из «законов» воровской «братвы» было оказание материальной помощи осужденным вора, их семьям и другим лицам из их окружения. Тем самым «воры в законе» преследовали корыстные цели: завоевать авторитет в определенной среде, поднять свой престиж и, по возможности, расширить сферу своего влияния».

— Согласен с таким выводом, Валентин

Петрович? — закончив читать, спросил следователь.

— Под первой частью готов подписаться. А под второй... Бьюсь об заклад, что в мое время, помогая родственникам «боссяков», которых «замели», мы не преследовали никаких корыстных целей. Просто было так заведено.

— Позвольте все-таки с вами не согласиться. Речь идет не о корысти, непосредственно извлекаемой из данного конкретного благодеяния, а о той, что имеет целью отдаленные последствия — создать вокруг своего воровского клана некий розовый ореол. Смотрите, мол, вот мы какие хороши. В беде человека никогда не бросим. Идите к нам, и довольны будете... Братья во Христе, ни больше ни меньше.

— С наукой, Иван Александрович, спорить, я вижу, трудно. Но все же я вступаю при своем мнении. Помощь и взаимовыручка в любом случае ценится. И в любом, как вы говорите, клане. Пусть он и воровской. А у нас ведь, помимо денег, еще и внимание, и доброе слово, вовремя сказанное. Тут наша «братия» (да простит меня бог за такое кощунство!) мало чем отличается от церковной.

— Точнее, отличалась, Валентин Петрович.

— Вы снова о «беспределе»...

— Как сказать, для вас это беспредел, а мы видим в нем явление иного плана. Ну не буду, не буду беречь ваши раны. Кстати, и у верующих доброе отношение к людям способствует вовлечению в лоно церкви новых членов. Хотя, как вы справедливо заметили, сравнивать эти две вещи — кощунство. Любая религия зовет людей на благие, честные дела. Православие же прямо говорит в своей заповеди: не укради. Вы же под видом заботы о ближнем в лучшем случае пытаетесь себя «отмыть».

Сказано было убедительно, и я не смог ему возразить. Иван Александрович между тем опять открыл свой ученый трактат.

— Утомил я вас. Но все же послушайте еще один небольшой фрагмент. Он тоже почти напрямую связан с тем, о чем вы сегодня рассказывали. Я попытался обобщить то, что удалось узнать о так называемых «пацанах» — подростках, которых «воры в законе» готовят себе на смену. Использовал и научные статьи, и свои наблюдения, беседы. Ваш рассказ об «ученичестве» у Короля — превосходная иллюстрация, и я непременно на него сошлюсь. К слову, Валентин Петрович, вы не припомните, кроме вас и Кости, были у того же Короля еще «пацаны»?

— Ну, вы как в воду глядите, Иван Александрович, — оживился я, вспомнив вдруг о двух пацанятах — чуть постарше нас с Костей — Сеньке и Суслике. С этими ворышками он познакомил меня в первый день нашего приезда в Москву. Сеньку и Суслику, хотя они и не жили у тети Соии, Валентин держал у себя под крылышком. Обучал воровским приемам, «законам», угощал водкой. «Работали» они на пару. У нас на «хате» были своими людьми. Но в отличие от нас любимчик Короля они

не были — наверное, потому, что этим пацанам не хватало сметки, особенно Суслику. А для карманника, как и любого вора, одной только ловкости рук мало.

О них я коротко рассказал Ивану Александровичу, а потом он прочел мне выдержку из рукописи.

«Одно из положений «закона» требовало от воров вовлечения в свою среду новых членов, поэтому они вели активную работу среди молодежи, особенно несовершеннолетних. Система вовлечения, по словам воров, была достаточно эффективной. Новичков оболщали «воровской романтикой», «красивой жизнью», свободной от обязательств перед обществом, властью денег и культом насилия. Их приучали к водке, наркотикам, сводили с воровскими проститутками, заставляли брать на себя вину за преступления, совершенные ворами. Последнее было чуть ли не основным мотивом вовлечения молодежи.

В местах лишения свободы члены группировки использовали кандидатов («пацанов») для различных поручений — сбора средств для общей кассы («общака»), а нередко и в сексуальных целях. Таков был путь в воровское сообщество почти у каждого вора, что, несомненно, способствовало формированию у него цинизма, жестокости и презрения к нравственности, социальным ценностям».

— Поставим здесь точку. Что скажете, Валентин Петрович?

— Суть схвачена. Не обижайтесь, но ее, эту суть, еще раньше подметил писатель Медынский, хотя, конечно, не в научной форме. Только вот насчет шантажа, что это было главной целью вовлечения мальцов. Тут вы, по-моему, хватили лишку. В первую голову думали о толковых помощниках, расторопных и шустрых, — реакция у молодых совсем иная и пальцы чуткие. О смене заботились. А то, о чем вы говорите, было, но на первое место ставить нельзя.

— Что ж, к этому вашему замечанию стоит прислушаться. Вопрос спорный, но поспорить есть о чем.

— И еще, Иван Александрович, — продолжал я, — «воры в законе», наши наставники, учили нас многим дурным вещам. Тут я согласен. Хотя, если наставник был умным, как наш Король, он понимал, что из алкаша, к примеру, хорошего вора не получится, и потому приучал знать меру. Сводили нас и с воровскими проститутками, это было, и об этом я еще расскажу. Но была у многих и настоящая, сильная любовь. Меня, между прочим, она тоже не обошла. Ну, а что касается сексуальных целей... Случалось, хотя такой распушенности, как теперь, не было. Знакомых мне наркоманов мог бы вообще пересчитать по пальцам. Для вора это хуже, чем водка. Думаю, что «беспредел» и тот понимает. Только вот молодежи такая пошла — сама стремится побольше запретных плодов сорвать. Меры не знает.

— Спасибо за откровенность, Валентин Петрович. Я подумаю, как лучше расставить акценты. Хотя, помните, я пишу не о том, что было, а о сегодняшнем состоя-

нии преступности, прежде всего организованной.

Долгая наша беседа наконец закончилась. В мою достаточно однообразную и почти лишенную выходов во внешний мир жизнь будто ворвалась струя свежего воздуха. Ни разу до этого не доводилось мне называть следователя по имени-отчеству. Приятно было, что и сам Иван Александрович отлично знает наш воровской мир.

Он, честно признаюсь, нравился мне все больше. Небольшого роста плотный крепкий, русоволосый, лицо открытое, доброе, серо-голубые глаза, расставленные чуть шире обычного, живые и умные. И сам — подвижный, иной раз резкий, умеющий, однако, в нужный момент сдерживать эмоции.

Словом, впервые вне этого узкого мирка я почувствовал себя человеком. Со мной говорил на равных, советовался, интересовался моим мнением, не свой брат «блатняк», а интеллигентный, ученый человек. И, как я понял, предстояла не одна такая беседа.

В ИВС я уже не застал ни толстяка, делавшего по утрам физзарядку, ни Леху-акселерата. Видимо, им успели предъявить обвинение и перевели в следственный изолятор. А в камере был уже новый «клиент», сидевший на краешке койки с сигаретой в зубах.

— Здорово, свояк! — поднялся он мне навстречу. — Чуть ли не с обеда сижу здесь и скучаю. Неужто, думаю, одного водворили. Пишут: преступность выросла, а тут — в одиночку. Надо же, по ночам людей стали мучить. Права попирают...

Я ничего не ответил — терпеть не могу болтунов. Языком треплет, будто в парашу мочится.

Был мой новый сокамерник помоложе меня лет на пять, повыше ростом, с запысынами на кудлатой голове, в импортной черной майке, с какой-то надписью. Как видно, он основательно настроился продолжать треп. И хотя я после беседы со следователем порядком утомился, решил — пусть травит. Может, быстрее за-

сну. Ополоснул под краном лицо и прилег. — Понимаешь, влип я в такую историю, — мужик, как видно, хотел излить душу. — Взял на прицел одну фатеру. Хозяйка укатила в отпуск, дитя в пионерлагере, муж каждый день, кроме выходных, уезжает на службу. Ровно в восемь тридцать на своем «Жигуле». На объекте, по наводке, полный достаток и золотишко есть. Главное — без риска. Выбираю удобный час, и я — в квартире.

С этим сокамерником все ясно, решил я про себя. Не иначе опера подсадили. Дешевка, со мной этот номер не пройдет.

— Изучаю обстановку. Две комнаты — смежные. Интерьер — люкс-модерн. Через большую прихожу в спальню. И тут — ты не поверишь. На двуспальном ложе в стиле Людовика — девка. Молодая, груди навывлет. Распаласлась в чем мать родила. Тут я, веришь ли, прямо рассудка лишился. Забыл, где нахожусь и зачем пришел. Осторожно, чтоб не спугнуть, разделся — и к ней под бочок. Приласкал, обнял. А она, как видно, во сне не разобралась, что к чему, и от удовольствия аж растаяла. Может, и притворилась, кто их, баб, разберет. Потом открыла глаза да как закричит. Попытался ей рот заткнуть. А девка — сильна, паскуда — сбросила меня с кровати и — пинком по этому делу. Я корчусь от боли, не могу подняться, и тут она меня головой об пол. В общем, отключился, потерял сознание. Очухался — руки и ноги связаны, девки след простыл, а подле меня хозяин квартиры и два мента. Но и это еще не все чудеса. Рядом со мной моя сумка, набитая разным добром: магнитофон там, хрусталь и прочая дрянь. Я-то знаю, что ничего в эту сумку не клал. Но кому докажешь. Тут, как водится, понятых пригласили и — пошло-поехало. Понял одно: девка, стерва, не захотела светиться, любовника подводить. Позвонила, видать, ему на работу, а сама смýлась, будто ее и не было. Ну, ничего. Я их выведу на чистую воду. А хороша, куда там моей Наталье законной...

История, которую рассказал мой новый сокамерник, и вправду была необычной. Если это «легенда» — неплохо закручено, для затравки годится. Хотя на взаимность этот балаболка зря рассчитывает — не на того напал. Меня на такую приманку не поймает. Но он закончил, и надо было как-то отреагировать.

— А ты, видать, приткий мужик, коли вот так, с ходу, полез на девку, — отшутился я, прикидываясь протастком. — У меня бы смелости не хватало.

— На это пока не жалуюсь.

— А вообще, — решил я поставить все на свои места, — такая история только со скокарем и могла приключиться. Кроме вашего брата, кто может голую бабу врасплох застать. Ей-богу, завидую. Только сам в эти квартирные игры не играю. Не по мне это...

Трепач что-то ответил или спросил, но продолжал разговор у меня не было никакой охоты, и я притворился, что засыпаю. В самом деле, бороться со сном я был уже не в силах: сказался трудный день и необычная для меня нагрузка.

ИСПОВЕДЬ

ГУДЕЛА ВОРОВСКАЯ «МАЛИНА»

МОЖЕТ БЫТЬ, это свойство моей природы. Или влияние однообразной, отлучающей от внешних страстей и эмоций жизни в зоне. Но если уж я начинаю о чем-то думать или вспоминать — мысли работают только в одном направлении.

Так случилось и сейчас, когда с легкой руки следователя-ученого я стал ворошить в голове давно забытое. Мозги настроились на одну волну, окутав меня воспоминаниями.

Вспомнить хотелось все, что сохранила память, причем во всех подробностях. И этот настрой на прошлое не давал покоя ни днем, ни ночью. Воспоминания бежали, иной раз намного опережая рассказ. Вернулся к ним и на другое утро, хотя знал: вот-вот меня должны вызвать, чтобы предъявить обвинение, а после перевести в СИЗО — следственный изолятор.

Ивана Александровича наверняка заинтересует не только мое прошлое — так сказать, жизнь и приключения «вора в законе». Ему, без сомнения, важно и все то, что связано с внутренней борьбой совести и бесчестья, которая не минует, пожалуй, любого нормального человека, даже если он вор. Наука, об этом я где-то читал, относит это к психологии преступного поведения. Хотя, наверное, стоит здесь говорить и о допреступном.

Моментов, когда меня, начинающего «босняка», одолевали сомнения, когда совесть вдруг пробуждалась и настойчиво начинала подсказывать: «Малыш, одумайся, пока не поздно», — таких моментов было у меня в жизни несколько. Не раз я готов был окончательно «завязать» и в ту пору, когда стал уже почти взрослым. Конечно, с годами совесть у большинства людей как бы черствеет, пробуждается все реже. Ты вынужден себя убеждать, что избранный путь — правильный, отбрасывать все сомнения. Иначе надо признаться самому себе, что жизнь прожита впустую, а кому это захочется.

Надо, пожалуй, напомнить Ивану Александровичу о том случае, когда Костя вырвал у девочки буханку хлеба, и я, 11-летний пацан, не постеснялся сказать другу, что не одобряю его поступка. И о смятенный, в котором я находился, поняв, что Костя украл продуктовые карточки у тети Фроси... Да и сам он тогда смутился, стал оправдываться... Не поддайся я на Костины уговоры поехать в Москву — и судьба моя могла бы сложиться иначе. Выжил же мой брат, Виктор, оставшись дома, с матерью. И не надо винить здесь только войну, голод, хотя, конечно, со счетов их не

сбросишь. Но ведь другие жили, работали, воевали и в таких условиях.

После нашей с Лидой поездки на родину была у меня еще одна такая попытка — вырваться из воровской жизни, которая постепенно начинала засасывать. Эта мысль возникла, когда вернулись с Костей из колонии, где отбывала срок его мать. Подумалось не без тревоги, что и мне рано или поздно предстоит этот кошмар.

Костя, побывав у матери, так расстроился, что ни с кем не хотел разговаривать. Грустный, весь какой-то потерянный, уехал в Москву. Уехала на другой день и Лида, которую я упрямил оставить меня погостить немного у матери.

Временами маме становилось совсем плохо. Голодая, она вконец испортила свой большой желудок, обострилась язва. Мне было до слез ее жалко.

Я прожил тогда дома почти всю зиму. «Дрожжи», захваченные с собой, отдал матери, сказав, что их оставила Лида. Питались скромно, мама берегла каждый рубль, и этих денег хватило надолго.

О Вальке Короле и его воровской компании я начал уже забывать.

К весне у мамы участились приступы. Мы с Виктором помогали ей как могли — нянчили Гену, убирались, бегали за продуктами. И при этом постоянно гнали от себя мысль, что вот-вот может случиться несчастье. Но оно пришло. Теплым майским днем маму увезли в больницу, и домой она уже не вернулась. Мы остались сиротами.

Витю и меня определили в детский приют, расположенный в нашем же городе. Виктор остался там, а я не выдержал «заочения». Все чаще вспоминалась вольная жизнь, рискованная, полная опасных неожиданностей, зато сытая и веселая. Вспомнились Валька Король, Лида, тетя Соня. Тосковал о своем закадычном друге Косте. Отделенный расстоянием и временем, странный мир, в который я ненадолго попал, представлялся овеянным романтикой и влек к себе неодолимо. Что здесь сказало? Может быть, становился взрослее, мужал и виной всему была подростковая неустойчивость, жаждающая какого-то выхода? Скольких из нас приводила она к необдуманным шагам и нелепым решениям. А может, гнетущая обстановка приюта, скука и однообразие окружающей жизни, бездушные воспитателей? Трудно сейчас, по прошествии времени, заниматься подобным самоанализом...

Убегав из приюта, я приехал в Москву. На трамвае добрался до Рогожского рынка. Вот и знакомая Рабочая улица, знакомый дом. Стучусь, выбивая по памяти условную дробь. Гремят засовы, приоткрывается дверь. «Здравствуйте, тетя Соня!»

Она обрадовалась, крепко меня обняла и поцеловала. «Проходи, Малыш».

Захожу в комнату. На диване с папиросой в зубах лежит Валька Король. «Где пропадал, тезка?»

Рассказал ему, как прожил зиму, о смерти матери, о приюте.

— Не грусти, Малыш. С нами будешь — не пропадешь. Располагайся, поешь. Ско-

ро и дружок твой, Костя, придет. Вот обрадуется, о тебе он частенько вспоминает. А сегодня они с Сусликом на Рогожском «работают».

Костя пришел, но один и чем-то сильно расстроенный. Мы обнялись по-братски. Король, почуввав неладное, спросил:

— А Суслик где?

— Михалек сцапал его на базаре.

Михалком мы звали оперуполномоченного Михалева, который обслуживал Рогожский рынок.

— С чем взял?

— Без дела, — ответил Костя.

Валентин быстро встал и вышел из дома.

Пока я рассказывал Косте о невеселой своей житухе, в «хате» появилась Лида, нарядная и пахнущая духами.

— Малыш, родной ты мой. — Она прижала меня к груди, и в первый раз я от этого как-то смутился.

— У него мама умерла, — тихо произнес Костя.

Лида ушла на кухню готовить.

Вскоре вернулся Валентин.

— Отпустили нашего неумеху.

«Это он о Суслике», — подумал я.

В дверь постучали.

— А-а, Артист, давненько ты не заглядывал, — Валька поднялся ему навстречу.

— Легавые замучили, — Федор сплунул с досады. — Сели на хвост и не дают покоя. Банда Симакова повязала в «марке». На Петровке держали, еле отмахнулся.

Он говорил, пересыпая свою речь блатными словечками, смысл которых я в то время еще не всегда угадывал. Костя потом мне объяснил, что «маркой» они называли трамвай, а «повязали» — значит забрали в милицию. Бандой Симакова воры прозвали оперативно-поисковую группу работников МУРа, которые в то время были грозой карманных воров.

Потом, как водилось, началось застолье. Тетя Соня и Лида накрыли шикарный стол. Король наполнил стаканы самогоном. Налил и мне — правда, неполный, а рядом поставил сладкий сироп.

— Ну что же, братва. За тех, кто там.

Захмелев, я стал вначале веселым, без умолку, под общий смех нес всякую околесицу.

— Молодец, тезка, — похлопывал меня по плечу Король. — Хороший «босьяк» из тебя получится. Сам воспитаю.

После второй (мне больше не наливали) настроение у всех поднялось. Валентин взял гитару. Стали петь блатные частушки. Федя Артист приплясывал. Загудела воровская «малина»...

После этого бессчетное количество раз участвовал я в таких застольях. Никогда не было на них ни драк, ни даже небольших ссор. Никто не ругался матом, младших не обижали. Общались, как говорится, на равных. Кстати, и пили всегда в меру. В этом, как и во многих других вещах, проявлялась и воровская солидарность, и дисциплина, которая тоже была для нас одним из неписанных законов.

Да, дисциплина у нас была. Были законы и правила, отступать от которых значило навлечь на себя беду. При чем наказа-

ние всегда зависело от тяжести проступка. Степень вины и кару могла определить сходка, и только она. Никаких лидеров, тем более центра, который бы руководил, в то время не было — это я могу сказать с полной определенностью. Авторитеты были, к их мнению, конечно, прислушивались. Но уважение к ним основывалось исключительно на признании «деловых» качеств этих «воров в законе», их умении виртуозно «работать», уходить от милиции. Они, разумеется, в какой-то мере могли влиять на решение сходки, но диктовать, навязывать свою волю не имели права. Все решалось голосованием «воров в законе», независимо от возраста и «квалификации», и было для нас законом. «Беспредел», если я правильно понял Ивана Александровича, во многом от этого отступил и соблюдает закон формально.

Утром, когда я проснулся, на «хате», кроме Кости, никого уже не было. Немного побаливала голова, крепкий чай, который успел приготовить мой верный кореш, сразу дал облегчение.

— На «работу» мы нынче не идем, — объявил мне Костя. — «Дрожжей» достаточно. Давай в кино ходим, на «Новые похождения Швейка», в «Таганском» идет.

...Итак, я — законный «пацан», прохожу у Короля основы воровской грамоты, постепенно вникаю в тонкости профессии «ширмача», как называли вора-карманника.

Однажды Король, подозревая меня, достал из портмоне какой-то листок.

— Это теперь твои метрики. Свидетельство о рождении. — Он развернул сложенный вчетверо плотный, чуть пожелтевший документ.

— Крепко запомни: с этого дня ты уже не мой тезка, а Леша. И фамилия у тебя другая — Дроздов. Твоего отца убили на фронте, мать умерла. Тетя Соня — твоя родная тетя, и сейчас ты живешь у нее. Кто бы тебя ни спросил, отвечай только так.

— А для чего это надо? — любопытно спросил я.

— Ну, во-первых, чтобы жил в этой хате не на птичьих правах. А во-вторых, — он таинственно поднял указательный палец...

— Рано или поздно поймешь и спасибо скажешь. А сейчас — бери метрики и твердо заучивай, кто ты отныне есть. Вечером спросу — должен без запинки ответить.

На другой день Валентин объявил, что мы втроем — он, Костя и я — едем в Салтыковку: «Толкучка там — лучше во всей Москве нет. А вас, пацаны, надо одеть как положено. С иголки.

Умение одеваться модно, со вкусом Король считал вещью, совершенно необходимой для карманника.

— «Урок» из вас делать не собираюсь. Тех по кепке с козырьком в два пальца да по лоскутной куртке с воротничком на выпуск за версту видно. Лучшей мишени для ментов не придумаешь. По одежке встречают — так было и всегда будет. Вор не должен вызывать подозрений там, где «работает». Пока разберутся, что к чему, вас и след простыл. Уразумели, мальцы?.. Вот мы и постараемся нарядить вас этики-

ми мальчиками из интеллигентной семьи. И держаться должны под стать одежде.

Так наставлял нас «учитель». Не говоря уже о личном примере. А у меня в памяти еще свежа была наша поездка на родину. Король со своим подельником показали тогда, каков он, карманник экстра-класса. Кстати, в Салтыковку мы ехали тем же знакомым маршрутом — электричкой до станции Обираловка.

На толкучке Валентин долго и придирчиво выбирал нам одежду, не один раз заставлял ее примерять. Купил нам «матроски», добротные брюки, хромовые сапожки.

Пока мы ходили по базару, чего только не рассмотрелись. Особенно запомнились мне картежники. Игра была нехитрая. Один держал небольшую дощечку, другой кидал три карты — двух королей и туза. Но «отгадывали», как объяснил нам Валентин, только свои — так называемые мандеры. Их задачей было завлечь публику. «Подходи, не жалеи. Игра проста: от рубля до ста, — кричали зызывалы. — Бабушка Алена мне оставила три миллиона. Велела не пить, не гулять — только в карты играть». Немало находилось ротозеев, которые на это клевали и прасаживали всю свою наличность.

— В такие игры мы не играем, — сказал Король, уводя нас от любопытного зрелища. — Мы если берем, то целиком.

В это время шулера вмиг рассеялись — проходила милиция.

Да, если вспомнить, каких только аферистов и мошенников в ту военную пору не было. Многим хотелось жить безбедно и сытно, надувая честных людей.

Так начиналось мое воровское ученичество. Король был умелым наставником. Натаскивал нас с Костей исподволь, терпеливо, без нажима и окрика, как старший друг. Обучал только тем приемам, которыми сам владел в совершенстве и чаще всего пользовался. Коронным его номером было «писать» карманы, «работать» с подельником в переполненных трамваях («марках») или в пригородных поездах. Этим со временем в совершенстве овладел и я.

В пору постижения искусства карманника мне довелось близко познакомиться с другими известными «ворами в законе» — людьми порой очень разными и интересными. Это и знаменитый квартирный вор («скокарь») Куцый — дерзкий и хитрый, в общении — грубоватый.

Его, бежавшего из зоны, усиленно искала милиция. И карманник Витя Шанхай — мечтатель по натуре, влюбившийся по уши в девушку по имени Блюмка из порядочной еврейской семьи. И лучший друг моего наставника Федя Артист, судьба которого оказалась трагичной...

Вначале все шло как надо. Но воровская стезя не усыпана розами. Она словно петляет в густом лесу, между корневищами и буреломом, и далеко не всегда ты можешь предугадать, где нужно остановиться, выждать... Вот и нас завела она вдруг куда-то в чащобу, и началась полоса неудач...

Как-то после «работы» возвращаемся с

Костей на «хату». На диване лежит Куцый, укутанный облаком табачного дыма. Пепельница, стоящая рядом с ним на полу, полна окурков. «Прибыли?» — буркнул он и пошел в комнату, где обычно спала Соня. В это время раздался стук в дверь — сильный, решительный. Соня, на ходу натягивая платье, вышла из своей комнаты, Куцый — следом. Ловким движением хозяйка откинула половик и открыла подпол. Куцый и Костя нырнули туда. «Не забудь, что ты мой племянник», — шепнула мне, прежде чем открыть дверь.

На пороге стоял милиционер.

— А, здравствуйте, здравствуйте, — затараторила Соня, изобразив на лице улыбочку. — Давненько к нам не заходили.

Она потащила его на кухню. Там они долго о чем-то разговаривали. Был слышен звон посуды. Видать, выпивали. Я все это время тихо сидел на диване. Появившись в комнате, милиционер спросил:

— Тебя как звать, мальчик?

— Леша. Фамилия Дроздов, — ответил я, стараясь не выдать волнения.

— Свидетельство о рождении есть?

— Да, да, конечно, — поспешно ответила тетя Соня и полезла в комод, где лежали метрики.

Когда милиционер ушел, тетя Соня с облегчением вздохнула. Немного повременив (чем черт не шутит!), открыла погреб.

— Что за гость? — поинтересовался Куцый.

— Участковый наш, Прошин.

— И часто он заглядывает?

— Не так чтобы часто, но заходит.

— «Дрожжи» кушает? — продолжал спрашивать Куцый.

— Не то что кушает — жрет, только давай, — отвечала Соня. — С этим начальником кашу можно варить.

Несмотря на шуточный тон разговора, после визита Прошина все мы как-то приуныли.

К вечеру пришли Король и Артист. Оба злые. Выпили, и начался у них мужской разговор. Из него я понял, что завтра на десять утра назначена сходка воровской «братвы». В лесу, под Обираловкой, много будет «босяков» со всего Союза.

— Ты, Куцый, поедешь?

— Надо бы посмотреть, какая нынче она, иногородняя «босата». Два года не видал вольной жизни. Все никак не могу привыкнуть. Увижу дерево, так и кажется, что вот-вот падать оно начнет. И придавит.

Валентина, как и Артиста, визит Прошина не обрадовал.

— Сегодня ночевать здесь не будем, — решил Король.

Они взяли с собой Куцего. Мы с Костей остались и легли спать в сарае.

Опасения Короля были не напрасны. Ночью опять нагрязнула милиция. Искали, как сказала тетя Соня, Куцего.

Утром мы с Костей решили «поработать» немного на Рогожском рынке. Но вдруг он увидел Михалькова, и нам пришлось литься.

Дня через три мы встретили наконец своего наставника. С ним был и Куцый. Валентин сказал, что на старую «хату» нам с Костей тоже ни к чему возвращаться, и

дал адрес. Хозяином новой «хаты» оказался инвалид дядя Вася — вместо левой ноги у него был протез из деревяшки. Человек очень осторожный, он разговаривал только шепотом и постоянно ко всему прислушивался. На новой «хате» было как-то уютно. Нам с Костей здесь не понравилось.

Куцый, для которого риск был второй натурой, не мог сидеть без дела. Когда стемнело, он, положив в карман наган, куда-то ушел. На «хате» появился уже к утру с чемоданом, набитым дорогими вещами. Рассказал, что нарвался на патрулей, и пришлось выпустить два «масленка». При нас он прокрутил барабан, в котором оставалось пять патронов. Кто станет очередной его жертвой?..

— Неудобная все же дура, — посетовал Король, прицеливаясь в висевший на стене портрет вождя («Ой, что ты, что ты — погубишь!» — засуетился при этом дядя Вася). — Хотя получше «мелкашки».

— Намек понял, — Валентин улыбнулся краешками губ. — Постараюсь добыть парабеллум.

Но Куцему в тот раз так и не удалось воспользоваться обещанным пистолетом. Во время очередной дерзкой вылазки он попал в засаду. Стал отстреливаться. Опер тоже применил оружие, ранив его в ногу. К тому же Куцего изловили с поличным: в одной руке он держал наган, в другой — сумку — вещами.

А вскоре на одном из непредсказуемых поворотов воровской тропы попали в беду и мы с Костей. Началось с того, что на Рогожском рынке меня подловил сам Михальков — гроза карманых воров. Я заплакался, сказал, что остался круглым сиротой, и Михальков распорядился отправить меня в детскую комнату милиции. На другой день пришла тетя Соня, причитая и пуская слезы, показала метрики «своего Алешеньки», и меня отпустили. Вот когда стало мне понятным, для чего еще нужны были метрики. Но на свободе мне опять довелось быть недолго. Опять схватил за руку Михальков — на этот раз погорели мы вместе с Костей. Подержав немного в милиции, нас отправили в Даниловский детприемник.

Условия в этом «закрытом заведении» были неплохие. Чистая постель, кормили три раза в день. Воспитатели читали вслух интересные книги. Утром — зарядка. И кино показывали.

Кому-то из ребят в приемнике нравилось. Помню, один мальчишка никак не хотел оттуда выписываться: у родственников, которые его разыскали, опять придется жить впроголодь.

Но нас с Костей любая неволя уже тяготила. Устроимся с ним где-нибудь в укромном уголке и мечтаем: если вдруг нас куда-то повезут, обязательно убежим. И придем к тете Соне, где было так хорошо.

Два или три раза приезжал к нам Валентин Король. Привозил гостинцы. Но свидание ему не давали.

Случилось ЧП: кто-то из воспитанников украл из кладовки килограмма два масла, колбасу и хлеб. Нас выстроили в ко-

243

ридоре, и воспитатель — маленький горбатый мужчина, быстрыми шажками прохаживаясь взад-вперед, говорил, заметно волнуясь:

— Чья-то маленькая ручонка, подленькая душонка решила нас с голоду уморить. Пусть сама и сознается.

Но ребята только смеялись, и все усилия доброго воспитателя воздействовать на сознание провинившихся были напрасными.

После этого случая дверь кладовки укрепили решеткой, а часть пацанов, на кого падало подозрение, отправили в детские дома. В том числе и нас с Костей.

О своем плане совершить побег по дороге мы никому не говорили. Помнили совет Короля: посторонним не доверяйтесь, не называйте ни адресов, ни имен.

Перед отправкой нам вернули собственную одежду. Но поскольку на дворе уже стоял декабрь и было холодно, выдали казенные полупальтишки.

Нашу группу из 12 человек сопровождали двое провожатых. Куда мы едем, не говорили. Хотя, по всей вероятности, предстоял неблизкий — сухой паек выдали на три дня.

Привезли на Казанский вокзал. «Бежим, как только начнут сажать в вагон», — шепнул мне Костя. Вот мы и на платформе. В одно мгновение, как по команде, бросаемся под вагон, слышим вдогонку: «Держи». Но где им. На улице уже темно, пути почти не освещаются (маскировка), кругом составы. А ноги у нас молодые, быстрые...

Стучим в дверь тети Соной «хаты». Она всплескивает руками, вытирает платком слезы на глазах — рада до невозможности. Видя, что мы дрожим от холода, поит нас горячим чаем с молоком и укладывает в постель. Какая все-таки она добрая...

Когда мы проснулись, уже наступило утро. В большой комнате сидели Король и Шанхай, пили вино, разговаривали.

Они тоже нам обрадовались. Но Король тут же стал выговаривать:

— Пора, пацаны, быть поумней. А то, что ни день, одна дорога — на Рогожский базар. Там же вас как облупленных знают, нашкодили много, люди жалуются. Были б постарше — Михалек вас упек бы не в детприемник, а прямо в тюрьгу. В «Матросскую тишину»... В Москве рынков да вокзалов вон сколько. Любой выбирайте, а на этот забудьте дорогу. И помните — не воруй, где живешь. Это, братцы, наша заповедь, она придумана не от хорошей жизни.

— Вот и Сеньке, — продолжал он, расхаживая по комнате. — не раз ему говорил: слазь с «марки», банда Симакова того и гляди на хвост сядет. Нет, куда там, захотел меня перещеголять. Вот и сцапали пацана. Скоро на суд пойдем...

— Всем нам сейчас надо быть начеку, — добавил Витя Шанхай. — Война скоро кончится, и за нас так возьмутся, что перья лететь будут. Тогда, чтобы хорошо жить, много думать придется.

Мы с Костей наматывали на ус слова этих опытных взрослых людей, спецов в

воровском деле. И в то же время я с досадой подумал: «Ну почему Король не подсказал нам раньше, как опасно «работать» на одном месте? Или хотел, чтоб сами прочувствовали?»

Приближался новый, 1945 год. Год Победы. Накануне Король вручил тете Соне пачку купюр: для Прошина, чтоб не испортил нам праздник. Федя Артист не появлялся у нас давненько, и Валентин отправился к нему домой: «В такой день нельзя без кореша». Но тот сказал, что заболела мать и не с кем ее оставить.

В новогоднюю ночь у нас на «хате» было все так, что лучше не придумаешь.

Пришла нарядная Лида, еще одна красивая девушка. — Нам с Костей вручили подарки — по меховому полушубку и шапке из каракуля. Смеясь, девушки поливали нас одеколоном, мы от них убежали.

В углу стояла нарядная елка. Шанхай, с которым Король был теперь почти неразлучен, устроил фейерверк из бенгальских огней. Завели граммофон, поставили танго «Брызги шампанского». Соня суетилась возле стола, где было все, даже мандарины. Валентин настраивал свою гитару.

Включили радио, чтобы послушать выступление Сталина. Он сказал, что победа уже близка, что скоро у нас будет много каши с маслом.

Король и Шанхай держали в руках по бутылке шампанского. Лида приготовила пластинку.

Начали бить куранты. Запенилось разлитое по бокалам вино. Все встали.

— Ну, братва, за тех, кто там, — произнес Король традиционный тост. — Пьем до дна.

Он взял гитару, а Шанхай запел под его аккомпанемент:

Новый год, порядки новые,
Колочей проволокой наш лагерь обнесен...

Гуляли, веселились всю ночь. А в шесть утра прибегает вдруг мать Артиста, вся в слезах, рвет на себе волосы, пытается что-то сказать, но вместо слов — бессвязное бормотание. Король дал ей воды, успокоил немного. И тут мы услышали страшную весть:

— Сын мой... повесился.

(Продолжение следует)

Виктор Верстаков:

Мы — пленники чести, хранители веры

Эти слова — об офицерах нашего Отечества. Написаны они тоже офицером, поэтом, бардом Виктором Верстаковым, автором ряда книг, которые «нарасхват», сценаристом фильма «Офицерский романс», вышедшего на телеэкраны в этом году.

Середина семидесятых годов. Прибалтика. Вечер в местном Доме офицеров. Выступают участники проходившего в Дубулгах семинара молодых военных литераторов. Один из выступающих — поэт Виктор Верстаков. Он читает стихотворение, вдохновенное образом его матери, поражающее глубиной чувства, неожиданностью выражения этого чувства...

Так впервые познакомился я с его творчеством. И с тех пор старался не пропустить возможности проследить за каждым новым его шагом. Проявлялась эта индивидуальность разнообразно и, могу утверждать, всякий раз талантливо — за что бы, как говорится, ни брался. Уже вскоре он завоевывает себе достойное место как журналист и как поэт. Доверяют ему работу в военном отделе редакции «Правды». Одна за другой выходят книги — и очерки, и стихи. Автора принимают в Союз писателей. Хорошо зарекомендовал он себя и в качестве ведущего телевизионных передач. Ныне Виктор Верстаков руководит Военно-художественной студией писателей.

В 1990 году вышел сборник стихов и песен Верстакова «Пылает город Кандагар...» Крошечная издательская аннотация содержит более чем лестное для автора свидетельство, что многое из включенного в сборник стало солдатским фольклором...

И вот — закономерно возникающая неожиданность: Центральное телевидение показало произведение особого жанра — хроникально-документальный публицистический фильм с интригующим названием «Офицерский романс» (сценарий Виктора Верстакова и Юрия Крючкова, он же режиссер). Премьеру мне увидеть, к сожалению, не удалось, но недавно смотрел фильм при повторном его показе по многочисленным просьбам зрителей.

Казалось бы, я знал человека, его талант достаточно хорошо, наблюдал по-

следовательный и стремительный рост его мастерства, а вот вдруг, совершенно внезапно открылась совсем новая грань этого дарования. Оказалось, Верстаков, помимо всего прочего, превосходно поет свои песни, аккомпанируя себе на гитаре.

Телевизионное решение фильма нестандартно — режиссер обошелся без дикторского текста, все доверив выразительному видеоряду. Потому так убедительно прозвучали лучшие песни автора, подчеркнувшие основную тему фильма — столь дорогую для поколений связь времен, неувядающих традиций русского воинства.

Властное притяжение поэтического слова давало о себе знать в самых далеких от стиха произведениях Верстакова. Итогами служебных командировок являлись очерки журналиста-газетчика о моряках, вертолетчиках, подводниках — разнообразном военном люде. Но в прозу очерка «Море» вторглись строфы будущей поэмы о моряках, в одном из афганских очерков появился первоначальный набросок стихотворения о медсестрах переднего края, в записках военного корреспондента «Там, в Афганистане» одна главка заканчивалась стихотворением «Неизвестная» — о репродукции картины Крамского, оставленной кем-то в походной палатке.

В фильме же это сказалось в полную силу. Мощны, мужественны ритмы стихотворения-песни «Девятая рота». Мужественность — это характерная черта поэзии Верстакова. Песенность — другая присущая ей черта. Еще хотелось бы выделить ее искренность и честность.

России служить —
вот солдатская доля,
судьбу положить
за нее
среди ратного поля —

ОЧИЩЕНИЕ

Полковник запаса В. ЖУКОВ

ГАННУ убили поздним вечером...
Всю ночь я сидел у темного окна и смотрел на дырявое от звезд небо. После оконной военной жизни сердце мое впервые ожгло здесь. Остывшее от земных радостей, оно дрогнуло и застучало, когда ласковым сине-красным вечером среди степи меня окликнул девичий голос:

— Чи не боитесь сами идти, а? А то провожу до села.

Звонкий голос, веселые глаза, черные волосы, схваченные в косу.. Я узнал тогда же, что она—бригадир полеводческой бригады, что бандиты только позавчера встретили девушек в поле и приказали не работать на Советы, грозили расправой.

— Не боюсь, — сказал я. — Мы сюда и прибыли как раз для борьбы с бандитизмом, так что будете жить спокойно.

— Вы ведь здесь всего три дня, почти ничего еще не знаете,—подняла она на меня свои доверчивые глаза.

— Вы мне поможете все узнать. Поможете?

Было это пять дней назад. И вот—нет Ганны. Бандиты подкараулили ее на окраине села, у речки, изнасиловали, вырезали груди и уже мертвую повесили на груше, росшей у дороги.

Моя рота в это время была на задании, я сам—в штабе полка, у полковника Дорожкина. Вернулся оттуда, когда Ганну только-только обнаружили. Всех, кого мог, поднял на поиск преступников. Собака след потеряла, две разведывательно-поисковые группы вернулись ни с чем. Не было только сержанта Радова с бойцами.

Перед самым рассветом кто-то пробежал возле окошка, тотчас скрипила дверь, и на пороге возник командир взвода лейтенант Сбитнев:

— Товарищ старший лейтенант, Радов вернулся. Они Ворона взяли.

— И что он, молчит?—сиплым голосом спросил я.

— Да нет, кое-что сказал. Как мы и предполагали, убийство—дело рук банды Камня. Но Ворон и сам по себе птица ценная. Не зря Радов за ним столько времени охотился.

РАДОВ здесь, можно сказать, старожил, почти год службу несет, и о его поединке с Вороном все бойцы осведомлены. Ворон родом из села Длинные Дворы, что в пяти километрах от Вишенки, где дислоцируется рота. С первых дней войны он дезертировал из Красной Армии, перебежал к немцам и в своем же селе стал полицаем. Самолично расстреливал партийцев. С отступающими хозяевами не ушел, подался в леса, где сколотил банду. На ее счету—убийство председателя сельского Совета из Длинных Дворов, сожженные дома активистов. Войска «вычислили» банду, окружили ее и в ходе боя уничтожили. Ушел от пули только Ворон, он же Воронов Григорий Тарасович. Судя по всему, новый отряд набирать он не стал, а взял на себя теперь функции связника между бандитскими формированиями.

Радов несколько раз шел за ним, можно сказать, по пятам. В конце минувшей зимы он вместе с группой выехал в один из дальних хуторов—там днем раньше, да и до этого регулярно видели Ворона. Когда осматривали чердак одного из домов, рядовой Кольцов обратил внимание на трубу, конец которой выходил на соломенную крышу. Конец трубы был покрыт ином, а это означало, что по ней идет теплый воздух. Труба шла через хлев и уходила под землю... Схрон?

Дом блокировали. В хлеву, под ларем с зерном, обнаружили лаз. В схроне—постель, керосиновая лампа, самогон, вода в бидоне, еще теплая кастрюлька с супом.

Вот так по теплым следам и ходил Радов за преступником. Все повадки его изучил, все связи его вроде бы в своих руках держал, все тропки его знал. А Ворон в самый последний момент, когда, казалось, нет ему уже выхода, как сквозь землю проваливался. Видно, он тоже Радова изучал...

Но вот все же схвачена эта черная птица и показания дает. Ясное дело, надеется, что жизнь сохранят. Все, что совершил, постарается на своих корешков свалить, им-то что, они мертвые. Как же он, интересно, попался?

Об этом мне рассказал сержант Радов. На рассвете его группа остановила полуторку, едущую в сторону райцентра. В кабине, кроме, естественно, водителя, оказался экспедитор областной снабженческой базы. Ефрейтор Хипаев начал проверять у них документы, Радов стал у левого борта, а рядовой Плотников—у правого. Документы были в порядке, в том числе и на груз, находящийся в кузове. Радов заглянул туда и увидел сидевшего на одном из ящиков мужчину в низко надвинутом на лицо капюшоне. Окликнул его, кто, мол, такой, куда и откуда? Тот протянул военный билет на имя Петренко и командировочное удостоверение. Бумаги были в полном ажуре, но сержант уже увидел лицо пассажира—полное, с мясистыми губами, тонкий шрам на левой щеке—и понял, что

перед ним. Подал условный сигнал Хипаеву и Плотникову и предложил псевдо-Петренко сойти с кузова: надо, мол, груз проверить. Ворон пожал плечами, легко перебросил тело через борт и в момент приземления выхватил из кармана наган: догадался-таки, что не ящики бойцов интересуют. Но выстрел он сделать не успел...

Вот он стоит сейчас передо мной, Ворон, и глаза его полны страха.

— Я эту дивчину даже не знал, поверьте, я только слышал о ней.

— От кого слышал? Когда?

— Когда в группу Камня наведывался. Ганка же на земле, которая Камню принадлежала, работала. Ее ведь предупреждали, чтоб ушла с бригадирства, а она... Вот Камень и распорядился...

— Сейчас ехали к нему?

— Нет, честное слово, нет. С борьбой с Советами я завязал и ехал в райцентр просто так, по магазинам пройтись.

— Врешь, Ворон. Водителя ты попросил тормознуть у деревни Горенки. И потом, ты не можешь не знать, что сегодня магазины в райцентре не работают: выходной. Раз ты начал врать, значит, не верим мы тебе и в том, что не ты убил девушку.

Лицо Ворона пошло пятнами:

— Не убивал. В полночь, когда это произошло, я был на хуторе Дальнем, женщина одна может это подтвердить.

— Откуда ты узнал, что Ганну убили в полночь?

Ворону, похоже, сделалось совсем плохо, он без разрешения опустился на табурет, стоящий у стола. Не давая ему прийти в себя и выдумать новую версию, я почти прокричал:

— Или ты сам убийца и насильник, или этой ночью виделся с Камнем и ехал сейчас выполнять его новое задание. Куда ехал, к кому и зачем?

— К Шорнику,—выпалил бандит и зажал ладонями виски. Посидел так несколько секунд и уже другим, вялым, бесцветным голосом продолжил:—Камень старается осуществить общее руководство всеми отрядами, а Шорник не очень хочет ему подчиняться. Вот я и ехал... поугубать его.

— Где сейчас Камень?

Ворон мелко затрусил головой:

— Вы его не возьмете. У него десятки схронов, но даже я, его доверенное лицо, не знаю ни одного из них. Камень никому не доверяет и свиданий не назначает, сам нужного человека разыскивает. Иголку в стог сена найдет. С кем угодно расправится. Страшный человек. Я вроде никого не боюсь, а и то...

— А где вы должны были встретиться с Шорником, тоже не знаете? Выдумывать будете?

— Знаю,—тяжело, обреченно вздохнул Ворон и уверенно ткнул пальцем в лежащую на столе карту.—Здесь.

УТРО выдалось препаршивейшее: в плотном тумане растворялись даже пальцы вытянутой руки. Но ждать, когда будет подходящая погода, мы, конечно же, не могли. И так время упустили: Ворон должен был встретиться с Шорником у крайней хаты Горенок на рассвете. Банда последнего скорее всего сидит сейчас в схронах, а где они—и Ворон не знает точно. Восточнее деревни, в лесу—вот все, что он нам сообщил.

Командир батальона майор Омельченко собрал нас, ротных, на берегу небольшой речушки, сказал:

— Бойцы по деревне прошлись, кое-что разведали. Бандиты еще с вечера здесь поработали: ведрами самогонку глушили, воз продуктов у населения забрали. Избили мужика до полусмерти за то, что он их бандитами и мародерами обозвал. Где они прячутся, никто не сказал, но, тут Ворон вроде прав, пошли все на восток. Русаков,—это ко мне,—пойдешь со своими ребятами первым, постарайся разыскать схроны. Людей береги, за каждого ответишь.

Поисковая группа по моему сигналу вошла в лес. Солдаты шли цепью, тщательно просматривая и протыкая шупамн подозрительные места. Туман, слава богу, рассеивался, но все же еще затруднял наблюдение за действиями бойцов. Не сразу увидел я и сигналы, которые подавал мне командир взвода лейтенант Сбитнев. Но все ж заметил, поспешил к нему, на правый фланг:

— Что случилось?

— Кажется, наши, товарищ старший лейтенант,—шепотом ответил Сбитнев.—Схрон нашли. Рядовой Макелян,—и он показал глазами на солдата, лежавшего метрах в десяти от нас.—Березку рядом с ним видите? Листочки тряпками висят, в то время как на других растут как положено. Присмотрелись—дерн квадратом вырезан. Может, лаз?

По рации я сообщил обо всем майору Омельченко, поделился с ним планом своих действий. Получив «добро», приказал Макеляну рвануть из земли эту подозрительную березку. Та легко подалась рослому солдату, до того легко, что Макелян упал вместе с нею на землю. И тотчас слышались два глухих хлопка, высоко над нашими головами свистнула пуля.

— Теперь быть особо внимательными,—сказал я Сбитневу.—Наверняка из схрона есть второй выход, бандиты попытаются или ударить оттуда, или атаковать нас.

На предложение сдаться преступники ответили огнем. Прицельно стрелять они, понятное дело, не могли, но и мы ведь не имели возможности выкурить их из-под земли. Прибегли к испытанному уже методу: укрепили на длинный деревянный шест металлическую кошку и начали с ее помощью расширять лаз. При этом я еще раз предупредил: или сдвайтесь, или забросаем гранатами. В ответ—опять выстрелы.

— Разрешите, товарищ старший лейтенант?—спросил рядовой Макелян, показы-

вая глазами на гранату.—Я с такого расстояния не то что в дыру лаза—в грибок попасть смогу...

Из четырех бандитов, находившихся в схроне, в живых—легкораненый—остался один. На первом же допросе он показал: Шорник, не дождавшись человека от Камня, видно, почуял опасность и ушел с людьми в болота, к Морозенко, оставив здесь лишь группу прикрытия.

Кто такой Морозенко, я уже знал. Остался на оккупированной немцами территории, добровольно пошел к ним на службу, собственноручно расстреливал наших офицеров, попавших в плен. После того, как фашисты отступили, стал, как мы выражаемся, «районным проводом»—налаживает связь между отдельными бандитскими отрядами, ведет там идеологическую работу. Скорее всего поступает так по заданию Камня, претендующего на общее руководство бандформированиями, дислоцирующимися в данном районе: такая информация шла по нашим оперативным каналам. Что ж, еще одна ниточка ведет к тому, кто убил Гаину.

НАЧАЛЬНИК штаба полка полковник Дорожкин собрал нас, командиров подразделений, чтобы познакомиться с оперативной обстановкой в области. В селе Низком бандиты расправились с семьей офицера, отбывшего на учебу, не пожалели даже детей. В хуторе, что рядом, сожгли учительницу: за то, что задала детям выучить стихотворение о Советской власти. Угнали скот, избили активиста, напали на инструктора горкома партни, сожгли сельсовет...

Дорожкин был хмур и причину такого настроения объяснил нам:

— Враг с каждым днем действует все организованнее. Скорее всего между его отрядами налаживается связь, а мы эту связь пока никак не разрушим. Бегаем по местам происшествий—и все. Надо искать ниточки, даже самые тоненькие, которые бы тянулись к верхушке...

Верхушка—это Камень. Ниточка—Морозенко. Действительно, тоненькая ниточка. Знаем, что скрывается в болотах, но болот-то вокруг полно. Лучшие следопыты везде, где можно, все облазили, нашли два пустующих схрона—в одном еще кипятик теплый был,—устраивали засады—все попусту. Уходил от нас Морозенко, как вода сквозь пальцы.

Но район его местопребывания мы все же вычислили, хоть и приблизительно, конечно. И поняли, в какие населенные пункты он и его люди могут наведаться за провизией, деньгами. Группа старшего лейтенанта Федотова собирала там информацию буквально по крупинкам и наконец наткнулась на нечто интересное.

— Прошлой ночью,—докладывает мне Федотов,—у местного председателя колхоза был гость из леса. Требовал две тысячи рублей, обещал на днях за ними прийти. Председатель—не из местных, гостя не уз-

нал и раньше никогда не видел, но описал его довольно подробно. Получается, что навестил его...

— Камень?—с надеждой спросил я.

— Нет, Камень сам никогда не рискует. Морозенко.

Засаду мы устроили в сарае, что стоял на отшибе усадьбы председателя. Пищу—хлеб, консервы, сало, воду—доставляли сюда крадучись и по ночам, чтоб ни одна живая душа бойцов не видела. Знала о них только семья председателя: он, жена и сынишка, паренек серьезный, неболтливый. В общем, мы приняли все меры, чтобы никто не догадался о нашем постоянном здесь присутствии, но дни проходили за днями, а Морозенко не появлялся. Так прошло более двух недель. В штабе батальона уже предложили снять засаду, да и я разуверился в успехе, но Федотов настоял: дайте еще пару дней. И как раз на исходе второго дня, а вернее ночи, мимо сарая, в котором укрылись солдаты, к дому председателя, осторожно ступая, прошел человек. Сразу его не взяли, рассудили так: если не сам Морозенко, то трудно его будет в чем-то уличить. Скажет, к примеру, что заблудился, вот и блукает, или еще что придумает.

Бойцы двинулись следом, никак не выдавая себя. Ночной гость подошел к дому председателя, заглянул в темное окно. Ни председателя, ни его жены дома не было, они уехали в гости в соседнее село, но оставался мальчишка, и солдаты могли только гадать, как он поведет себя, если проснется и увидит незнакомца в окне. А последний поднялся на крыльцо, тихонько подергал дверь, убедившись в том, что она заперта, постучал и тут же зашел за угол. Теперь он стоял с той же стороны, с какой находились и бойцы, и те хорошо видели, что пришелец вынул из-под полы пальто обреза...

Звякнула щеколда, дверь дома приоткрылась, показался мальчишка. Посмотрел вправо, влево—и со всех ног побежал к сараю, в котором, он знал, сидела засада.

Ночной гость передернул затвор обреза, вскинул его к плечу. Но выстрелы солдат раздались на секунду раньше...

Так сборвалась та тоненькая ниточка, которая могла бы привести нас к Камню.

И еще: убит был не Морозенко, а один из его пособников. В вещмешке среди его вещей мы не обнаружили ничего интересного. В нем была только еда: сухари, баночка с медом, консервы, сало. Ни записки, ни еще чего-нибудь, что помогло бы нам выйти на банду.

КОМАНДИР взвода старший лейтенант Новиков разбудил меня среди ночи и стал задавать на первый взгляд дурацкие вопросы:

— Не помнишь, какие продукты мы обнаружили, когда взяли схроны на болоте? Ага, хлеб, галеты, мед, картошку, консервы... А когда Ворона взяла, что у того с собой было? Сухари, мед, колбаса... Понимаешь?

— Пока нет,—честно признался я.— Ну-ка, выкладывай, к чему клонишь.

— Боюсь ошибиться, но... Понимаешь, сало они в любой хате взять могут, и хлеб, и картошку. А мед—нет в ближайших деревнях меда, и ни разу я не видел, чтоб на базарах его тутошних продавали. Значит, или привезли его издалека, что вряд ли, или стоит в лесу пасека. До войны, слышал, пчел здесь держали, так что вполне вероятно... И потом, на безрыбье и рак рыба, и колья нет у нас никаких других зацепок, почему бы эту не проверить?

— Тут банду в лесу выловить не можем, а ты хочешь, чтоб улей обнаружили? Впрочем, будем иметь в виду.

Когда я беседовал на эту тему с солдатами роты, один из них, Кольцов, воскликнул:

— Это же проще простого, товарищ старший лейтенант! Дайте мне день по лесу помотаться—найду пасеку. Пчелы—они ведь твари открытые, им нечего прятаться.

Мы расспросили у местных жителей, где в лесу цветочных полян больше, и отправились туда. Часа четыре бесцельно, казалось бы, ходили, я уже начал недоверчиво на Кольцова коситься, когда он лег в траву, подложил руки под голову и, прищурившись, уставился в ясное синее небо. Долго так лежал, потом встал и сказал:

— Все ясно, товарищ старший лейтенант. Строго на восток идти надо.

— И можете объяснить, почему?

— Могу. Видите, пчелы над нами летят?

Я присмотрелся и вправду увидел их. Вот только летели они как на восток, так и на запад: навстречу друг другу. Почему же Кольцов выбрал именно такое направление?

— Чего ж тут непонятного?—даже удивился боец.—«Пустые» пчелы высоко идут, а те, которые нектар взяли,—низко...

На пасеку мы вышли к обеду. Прежде чем подойти к хозяйну, старому, с виду угрюмому человеку, внимательно осмотрели подходы к его дому. Все было нормально. Пасечник оказался крайне неразговорчивым. Объяснил это он тем, что специально в глушь ушел, чтобы людей не видеть. Чем тут живет? А медом Ульяев немного, но хватает и самому, и для того, чтобы поменять мед на продукты и кое-какую одежду.

— Трудно небось при вашем возрасте и ранении,—я кивнул на костыль пасечника, который тот не выпускал из рук,—ходить по селам, покупателей искать?

— А я и не хожу,—ответил старик.— Тут село недалеко есть, отсюда ко мне постоянно человек приходит, знакомый. Вот с ним связь и поддерживаю.

— Это седой такой, который в крайнем доме живет?—спросил я, хотя сам ни разу не был в том селе и никого из его жителей не видел.

— Не седой, голова как голова. Его дом—четвертый от леса, он приглашал в гости, а я запомнил, хоть и не был. Данилыч его зовут.

В селе мы решили осмотреть дом не только Данилыча, но и других, чтоб не вызвать лишних подозрений и не отпугнуть тех, кто в этот дом может наведаться. Если бы не разговор с пасечником, лично я, вполне возможно, и не обратил бы внимания на то, что в кладовке Данилыча стояло целое сито яиц и с десяток кусков сала. Тут же в небольших баночках стоял и мед. Не иначе как гостей ждет хозяин...

Осмотр других трех домов ничего не дал. Я хотел уж было уводить людей из села, но тут ко мне подошел Кольцов, шепнул:

— Товарищ старший лейтенант, видите вон того плюгавенького мужичка? Живет он напротив Данилыча, и сам просит за чем-то, чтоб и его дом проверили.

Когда заходили в комнату через сенцы, мужичок этот, не приглянувшийся Кольцову, попридержал меня за рукав:

— Я поговорить с тобой хотел, товарищ офицер, вот и напрасился. Напрасно вы от Данилыча так быстро ушли: он с бандой связан. По четвергам и воскресеньям к нему ночами из лесу люди приходят. Мне ведь видно все.

— Вы воевали?—спросил я.

— Было дело. Но в сорок четвертом списали, по контузии.

— В таком случае прошу вас, как солдат солдата: никому ни слова о нашем разговоре.

— Могли бы и не просить,—ответил тот. —Я хоть и не трус, но понимаю, что ежели сосед узнает... Не в моих интересах язык распускать.

Из села мы уходили не строем, а вразнобой, отдельными группками. И никто не заметил, что отряд наш стал меньше на двух бойцов.

БЫЛА среда, следовательно, до прихода к Данилычу бандитов оставалось менее суток. Мы не знали ни точное время их появления, ни то, с какой стороны они подойдут к селу, ни их численности. Один продукт, собранные Данилычем, конечно же, не унесет. Будь я на месте Камня или Морозенко, послал бы двоих, а лучше—троих: в таком количестве они и более незаметно прокрасться по селу смогут, и более решительно за себя постоять. К тому же три пары глаз многое увидеть смогут.

По этой причине располагаться ротой и даже взводом в засаде в непосредственной близости от села было рискованно. Решили отойти подальше и ждать, когда на берегу реки вспыхнет костерок. В принципе его мог разжечь и продрогший рыбак, сидящий у воды с донками—вдруг именно в эту ночь найдется такой? Потому мы ждали костер особый, вытянутый в полосу, а зажечь его должен был один из солдат, оставшихся на чердаке дома бывшего фронтовика.

Огонь вспыхнул около полуночи. Соблюдая все меры предосторожности, мы вышли в условленное место и встретили там рядового Писаренко: это он с рядовым Тарабакиным оставался следить за домом Да-

нылыча. Солдат доложил: ночных гостей пришло трое, двое вошли в комнаты, третий сел в углу двора, причем так, что незаметно к нему не проберешься: место выбрал со знанием дела.

Конечно же, хозяин сказал им о нашем вчерашнем визите, так что бандиты будут вдвойне осторожны. Брать их в доме не с руки: и тот, кто во дворе, может раньше времени шум поднять, и дегишки в доме связника могут пострадать, а их трое, старшему лет двенадцать, да и перестрелка затянется, своих людей потерять можно. И я принял решение: брать троицу прямо на улице. В кустарниках, что растут у дороги, можно надежно спрятаться, а остальное, как говорится, дело техники.

Без выстрелов все же не обошлось. Одного, нагруженного провиантом, мы взяли без царапинки, второму пришлось стрелять по ногам, третий пустил себе пулю в висок. Ему нечего было терять, он знал, что никакого снисхождения не заслуживает. Этим третьим был Морозенко.

Утром весь наш батальон во главе с майором Омельченко вышел в район болот: в места, где по показаниям захваченных бандитов были схроны тех, кто убивал, грабил, сжигал дома и людей. Опять пошли в ход щупы, металлические кошки. Входы в схроны прикрывались кустарником или небольшими деревьями, посаженными в деревянные ящики. Так вот, мы в этот день несколько раз видели, как эти кустарники и деревья вроде бы сами по себе выскакивали из земли: это бандиты при нашем приближении покидали свои норы и пытались знакомыми им тропками спрятаться в гуще лесов и в глубине болот: видно, они поняли, что нам знакомы их лежбища. Но мало кто из них ушел тогда.

Сдавались десятками. Называли тех, кто жил в близлежащих селах и помогал им, выдавали места, где хранилось оружие, продовольствие, рассказывали, как осуществлялась связь с бандаформированиями, действовавшими в других районах. При этом часто называли фамилию, а точнее, кличку Камня: это по его приказам действовали связники.

В течение нескольких дней после этого мы уничтожали бандитские отряды, очищали землю Украинны от нечисти. В ходе операций было покончено со многими главарями таких отрядов: сдался Шорник, убиты в перестрелке Белый, Серый...

Но Камень и на этот раз оказался изворотливее нас. Да, он лишился многих своих помощников да, возможно, вообще остался без связников, но от этого, мы понимали, не стал менее опасным. Скорее даже наоборот: он превратился в зверя. Хладнокровие и дерзость ему не изменили. Вряд ли кто мог предположить, что бандит рискнет появиться в своем доме, находящемся, можно сказать, по соседству со зданием, где дислоцировалось подразделение внутренних войск. Но он появился. Появился для того, чтобы убить свою жену, которая чем могла помогала родителям погибшей Ганны и во всеуслышание отказа-

лась от мужа, раздувающего войну со своим народом.

После очередного кровавого преступления Камень пропал из нашего поля зрения: на протяжении многих дней мы ничего не слышали о нем. И жизнь в районе пошла иная: все меньше гремели выстрелы, все чаще наши солдаты отправлялись не на боевые задания, а на поля: помогать колхозникам. Но каждый из нас понимал: расслабляться преступно, бдительность нельзя пока терять ни на секунду.

СТОЯЛ последний день сентября, теплый, тихий и сказочно разноцветный. Лучи заходящего солнца запутались в паутине и превратили ее в золотое кружево. С командиром взвода старшим лейтенантом Новиковым и старшиной роты старшиной Головки мы ужинали на свежем воздухе, когда у ворот затормозила «эмка» и из нее вышел начальник райотдела милиции. Чекист с довоенным стажем, по-юношески легкий, подвижный, он и сейчас как будто не вошел, а вбежал во двор:

— Здравствуй, командир! Ну-ка, скажи в двух словах, где твой личный состав и кем ты на этот час располагаешь?

Один мой взвод, старшего лейтенанта Федотова, был в лесном массиве около Днестра: там заметили бандитов. Другой в составе поисковой группы тоже действовал сейчас далеко от села, и на месте оставалось лишь несколько бойцов со взвода Новикова.

— Негусто,—покачал головой начальник райотдела.—Ну да ладно, надеюсь, с одним человеком-то справитесь? Даже если этот человек—Камень?

У меня даже в груди похолодело. Что хочешь этим сказать милиционер? А тот сел за стол, налил чаю в жестяную кружку и только после того, как выпил все до капельки, продолжил:

— Есть сведения, что Камень тут очень скоро объявится может. Нашупали мы к нему дорожку. Долго объяснять не буду, скажу только то, что вам знать необходимо. Камень получил информацию, что с ним готовы выйти на связь представители сразу трех бандформирований. Он согласился с ними встретиться, но не со всеми сразу, а поодиночке и в разных местах. Каждая из групп будет ждать его в течение трех дней... Знал он, гад, что нет сейчас в этом районе войск, вот и выбрал и время, и место.

— Группы, надо полагать, наши, из оперативных работников?—спросил я.

— Если бы так,—вздыхнул чекист.—Мы трех лучших людей потеряли, пока одного своего в эту компанию внедрили. И брать эти группы сейчас нельзя: я больше чем уверен, что Камень, прежде чем идти на свидание, найдет способ перепроверить, кто его ждет. Поэтому придется одновременно и связников «пасти», и главаря караулить. Две группы мы своими силами прикроем, а вот третью придется вам на себя брать.

Находится она... Ну-ка, давайте сюда карту.—Карандашом он поставил на ней маленький крестик и закончил:—С завтрашнего дня Камня ожидать надо. А завтрашний день, как вы понимаете, с сегодняшней полуночи наступает. Времени всего ничего остается.

Чтобы в первую же ночь ожидания встретиться с Камнем—на это мы не рассчитывали. Но настраивались на операцию очень серьезно. Бандиты, ожидавшие Камня, сидели в заброшенном сарае на краю села, и нам не оставалось ничего другого, как занять позиции в заброшенных еще с войны огородах, поросших бурьяном: они были между селом и лесом. Под нашими прицелами оказались и выходы из сарая, и тропа, ведущая из лесу к домам.

Под ясной полной луной в поле все было видно как на ладони. Фигуру мужчины, вышедшего из-за деревьев, мы заметили издалека. Он быстро шел по тропинке и вдруг замер. Мы смотрели то на него, то на сарай. В окне зажглась свеча, описала за стеклом полный круг. Что за сигнал подан? Может, бандиты вычислили нас и предупреждают об этом Камня? А вдруг это вообще не Камень, вдруг он опять хитрит и послал кого-то из своих разведать дорогу?

Мужчина, увидев огонь в окне, опять так же быстро и решительно стал приближаться к нам. Не доходя метров пятидесяти до огородов, а следовательно, и до ближайшего бойца, вiovь остановился и вдруг круто развернулся и побежал назад.

Вполне возможно, нас он не увидел, просто перед зарослями бурьяна решил еще раз убедиться в том, что здесь его не ждет засада. Так что огонь с нашей стороны он спровоцировал. Рассчитывал, что даже при стрельбе, имея в союзниках ночь и дистанцию, сможет уйти. Но не думал он, что огонь будет таким плотным. Все наши стволы с минуты били по тому месту, где сначала бежал, а потом упал незнакомец. Едва огонь затих, как Новиков и еще два солдата бегом, в открытую побежали к лежащему на земле, и Новиков во весь голос крикнул оттуда:

— Он, товарищ старший лейтенант! Камень!

Вести перестрелку со связниками, сидевшими в сарае, не пришлось. Чувствуя, чем она может для них окончиться, бандиты вышли из помещения с поднятыми руками.

Утром в роту приехал комбат, выслушал мой доклад о подробностях ночного боя, пошел пешком к заброшенным огородам. Шел, жевал огромное красное яблоко, шурился на ласковое желтое солнце и говорил:

— Воздух-то здесь какой, а? Целебный, честное слово. И до чего же чистый!

— После этой ночи он еще чище стал, товарищ майор,—сказал Новиков.

Омельченко понял, что имел в виду старший лейтенант. Улыбнулся и подмигнул ему:

— Эт-то точно!

Дополнительное расследование

ГЛАВА 1

ГЛАВНЫЙ инженер станции технического обслуживания автомобилей под романтическим названием «Радуга» Иван Сергеевич Гулин недоуменно пожал плечами. С чего разъярилась его посетительница? Ишь, как дверью грохнула! Принимать ее он не был обязан. Надо было отправить ее вначале к диспетчеру. Замена кузова—непростая операция, вечно с нею морока. Дефицит, одно слово. Но он ей кузов обещал.

Иван Сергеевич вздохнул—вот она, благодарность,—взял хрусткий светло-коричневый конверт, оставленный женщиной. Большой конверт, канцелярский. «Нам бы такие заказать»,—отметил про себя, снял жесткую скрепку, держащую незаклеенный мысок, не глядя достал из конверта белый сверток бумаг.

Развернуть их он не успел. Дверь широко, до упора распахнулась. Без разрешения в кабинет стремительно вошли какие-то люди. Один—в форме капитана милиции—накрыл рукой желтый конверт и дрогнувшие пальцы Гулина с белым свертком. Иван Сергеевич попытался выдернуть пальцы, но не смог—капитан прижал руку плотнее.

Растерянный взгляд главного инженера заметил в толпе у двери бледное лицо недавней посетительницы. Она не мигая смотрела на письменный стол, на руку капитана и беззвучно шевелила неестественно яркими губами.

— Гулин?—властно спросил капитан, но Иван Сергеевич не ответил, только кивнул. В горле стоял горький ком.

— Вы подозреваетесь в получении взятки,—услышал он жесткие слова капитана и весь похолодел. «Вот оно, вот оно как бывает»,—забилась в мозгу фраза. Только одна, ничего не значащая фраза.

— Прошу подойти понятых, — это голос другого человека, в штатском, успевшего встать за спиной Ивана Сергеевича.

Капитан взял из рук Гулина белый сверток, развернул.

Зеленые пятидесятирублевые купюры, аккуратные, носые, блестящие... Деньги.

С этой минуты для Ивана Сергеевича наступила другая жизнь. Совсем в других измерениях.

ГЛАВА 2

Я ЛЮБЛЮ приходить на работу пораньше, летом — особенно. Кажется, отдохнувший за ночь кабинет помогает собраться с мыслями. Никто еще не сидит в коридоре, молчит телефон, и неотложные вопросы скромно ждут, за какой из них я примусь в это неурочное время.

Сегодня нужно отпечатать обвинительное заключение по уже законченному делу. Мне нравится печатать самой — видеть, как мысли обретают форму слова и ложатся на бумагу. Ровно, аккуратно.

Дело помню наизусть — все детали, оттенки, доказательства. Листаю лишь, когда цитирую свидетельские показания или заключения экспертиз.

Работа уже подходила к концу, когда раздался телефонный звонок. Аппарат внутренней связи был угловатым, маленьким, а звонил громко и раздраженно. Сколько уж раз просила я заменить телефон, но у завхоза прокуратуры все не доходило руки, а у меня не доставало времени настоять на своем.

Вызывал прокурор.

В длинном узком кабинете прокурора, далеко отодвинув стул от традиционной приставной тумбы, сидел заместитель прокурора Захожий. Щегольской серый костюм и светлая рубашка резко контрастировали с необычно багровым лицом. Захожий был вне себя — даже уши пылали, даже упала на вспотевший лоб черная прядочка из аккуратной прически, а он и не замечал этого. И прокурор, наш обычно невозмутимый, корректный Буйнов, которому так не подходила его фамилия, едва сдерживался — я успела хорошо его изучить за пять лет совместной работы.

На мое приветствие Захожий едва кивнул, а прокурор, поздоровавшись, указал на стул:

— Садитесь, Наталья Борисовна.

Я села напротив Захожего, и он, заметив мой удивленный взгляд, поправил наконец прядочку. Просто-таки вложил ее в рядок аккуратных блестящих волн — осторожно, ладонью с оттопыренным мизинцем.

— Вот, — прогудел Буйнов, подчеркнуто обращаясь только ко мне, — вот до чего мы дошли, — и прихлопнул широкой короткопалой ладонью том уголовного дела, лежавший на полированном столе. Бежевая обложка дела испещрена записями и номерами, по которым я угадала безошибочно: дело побывало в суде — вои он, судейский номер — и вернулось в прокуратуру. «Значит, следствие», — поняла я и невольно вздохнула. Такой брак и в чужой работе был позором для всех. Его переживали даже те, кто к расследованию не имел отношения.

— На дополнительное расследование, — подтвердил Буйнов мою догадку. — Удружил вас товарищ Захожий. Дорвался до власти, — он повысил голос.

— Я па-апрушу, — привстал со стула Захожий, но Буйнов не глядя поднял в его сторону ладонь. Захожий понял, умолк.

— Выслушаем еще вас, это я обещаю, — сказал прокурор, все так же не глядя в сторону своего заместителя. — А сейчас давайте к делу приступать. — Буйнов помолчал и добавил с горечью: — К дополнительному расследованию.

Стало ясно, зачем меня вызвали: придется проводить это самое дополнительное расследование. Попыталась и не могла вспомнить — какие сложные дела были у Захожего месяц-другой назад. Нет, не было у него ничего такого особо сложного.

Помолчав, прокурор сказал Захожему:

— Вы можете идти. И к делу прошу не подключаться. Вы слышите? — он опять чуть повысил голос: — Никакого вмешательства — ни здесь, в прокуратуре, ни на станции технического обслуживания!

«Взятка на СТОА», — догадалась я. Конечно, следствие — всегда ЧП, всегда разбор и разнос, однако же Буйнов сейчас явно выходит из обычных рамок.

Захожий, не прощаясь, вышел. Черная прядка волос опять упала на лоб, но он ее не поправил.

Прокурор положил на полированную тумбу дело в уже потрепанной обложке.

— Вот, — тихо сказал он, — придется тебе, Наталья, разбираться, кто тут прав, кто виноват. С первого раза, как видишь, не поняли.

Когда Буйнов обращался ко мне вот так неофициально, по имени, я знала — он ждет от меня полной, что называется, выкладки. Доверяет. Надеется. На меня надеется. Кому как, а мне это нравилось. Старый, опытный прокурор был со мной на равных — приятно. Хоть меня тоже новичком не назовешь — работаю следователем уже семь лет, и пять из них прошли рядом с Буйновым. Сколько раз он помогал мне советами, да и делами, сколько уроков преподавал, сколько распутали вместе уловки бывалых и опытных подсудимых.

Не представляю себе нашу прокуратуру без приземистой невысокой фигуры Василия Семеновича в синем форменном мундире. Бритая крупная голова, кустистые седоватые брови над внимательными серыми глазами. Мы любили его и побаивались: был он вежливым и тихоголосым, но слова для нас находил, как говорится, доходчивые. Сейчас Буйнов говорил со мной спокойно и доверительно.

— Вкратце тебе расскажу, что случилось. Не справился Захожий с делом...

— На нем лица нет, — попыталась я защитить товарища.

— Не жалея его, не жалея, — поморщился прокурор, — он мало того, что напортился, а еще и в амбицию ударился. А в нашем положении да с нашими прокурорскими правами амбиция — самое последнее дело. Понимаешь, Наталья, — Буйнов показал на дело, которое лежало передо мной, — в этих корочках целая жизнь, судьба, да и не од-

на, возможно. Раз тебе большие права даны, об обязанностях не забудь—чужую судьбу сломать никому не позволено.

Буйнов потер пальцами виски.

— Я поддерживал в суде обвинение по делу. И сам его попросил на доследование, — продолжал он, — сам, понимаешь? Суд согласился. Ты фабулу знаешь?

— Откуда? Захожий у нас человек самостоятельный.

— Ну, изучишь подробно сама, не буду пересказывать. Скажу только—все по делу гладко, очень гладко. Получил главный инженер «Радуги» взятку. Взяли его с личным—деньги на столе, даже в руках были. Да... слишком гладко... Но человек-то, Гулин этот, взяточник,—он меня и смутил. Смутил тем, что отрицал все решительно, несмотря на очевидность обвинения.

Проверить теперь придется—от начала до конца.

— А Захожий?—напомнила я.

— Захожий в позу встал: все, мол, в порядке, я лично эту станцию знаю. Представляешь! Он «лично»... Откуда, спрашиваю, знаешь? А он: машину ремонтировал свою, познакомился.

— Что же плохого, что ремонтировал?

— А то и плохо, что следом за ремонтом и дело это возникло. Захожий меня тогда замещал, помнишь? Передал бы дело другому... Но сам взялся, и вот—результат.

Буйнов встал. Поднялась и я.

— Забирай дело. Распишись в канцелярии.

И уже у двери догнал меня голос прокурора:

— Наталья Борисовна, Гулин болен, наверное. Смотреть на него страшно.

Обернувшись, я увидела, что Буйнов схватил подбородок ладонью и качал, качал головой, словно от сильной зубной боли.

— Проверю, Василий Семенович,—пообещала я и вышла из кабинета.

ГЛАВА 3

И ВОТ ОНО передо мной, это злополучное дело.

У меня свой метод изучения дел—начинаю с конца, чтобы знать уже увиденные другими слабые места обвинения.

Определение о направлении на дополнительное расследование. Претензии свои суд изложил лаконично и четко.

Ясно. Придется не только следствие проводить заново, но и проверить правильность первоначального.

Теперь посмотрим обвинительное заключение, там подробная фабула и изложены доказательства.

Итак, Гулин Иван Сергеевич, 42 года, образование высшее, несудимый, обвиняется в том, что 30 апреля получил от некоей Сватко взятку в сумме 300 рублей за замену кузова автомобиля ГАЗ-24 «Волга». А в марте получил 100 рублей от Любарской за установку нового двигателя на «Жигули».

Вину свою отрицает, утверждает, что свидетели его оговорили. Доводы об оговоре не убедительны—свидетели не были с ним знакомы и не имели оснований для

оговора. Свидетель Сватко подтверждает дачу взятки. Она добровольно сообщила в милицию о требовании Гулина, помогла его разоблачить, в связи с чем от уголовной ответственности освобождена. Свидетель Любарская—та же картина.

Вина Гулина подтверждается изъятием переданных ему денег. Это убедительно. А почему он отрицает вину, раз пойман с поличным? Какой в этом смысл?

Интересно, каков Гулин в жизни? В характеристике с места работы: требовательный, резкий и вспыльчивый—ничего, в общем-то. Тут же подшит протокол допроса директора станции. Директор говорил, что плохого за Гулиным не замечалось и его преступление для коллектива и лично для него, директора,—полная неожиданность.

Значит, и с этой стороны загадка. Честный человек и взятка—несовместимые понятия.

Гулин все отрицает. Но не может объяснить, почему его обвиняют эти незнакомые ему женщины? А действительно, почему?

Вопрос вопросов.

Сватко и Любарская настаивают на своем. Что это суд так долго допрашивал Любарскую? А Буйнов задавал уйму вопросов. Уточняли детали—что, где, когда, кто был, что видел. Ага, тут есть шероховатости—в ответах. Однако могла же женщина запомнить, не придать значения каким-то фактам. Посмотрим. А у Сватко все гладко, четко.

Вот и заявление Сватко о том, что Гулин просил взятку за установку нового кузова для «Волги» и предложил ей сегодня принести 300 рублей. Под заявлением дата—30 апреля.

Дальше пошли протоколы. В присутствии понятых изъятые деньги на столе Гулина. Обыск дома, опись имущества—что-то негусто для взяточника.

Сообщения об обыске и задержании Гулина подписаны Захожим. Проверяю даты—сроки не нарушены, нет. Очень оперативно все сделано. Только вот Гулина перед майскими нерабочими днями я бы не стала задерживать. Зачем? Проверяю: точно, 1 и 2 мая никто с Гулиным не работал, его объяснений и допросов нет.

Адресованное прокурору заявление Любарской—четкое, спокойное. «Хочу заявить о том, что вынуждена была дать взятку»... Штамп регистрации прокуратуры—3 мая. А срок задержания Гулина истек 3 мая. Смотрю постановление о применении ареста в качестве меры пресечения. В нем указаны 2 эпизода: Сватко и Любарской. Значит, вынесено после получения второго заявления.

Арест санкционировал Захожий. Преступление опасное, пойман Гулин почти за руку и, как указано в постановлении, «находясь на свободе, может помешать установлению истины по делу». Значит, Гулин мог помешать установлению истины? Этот вывод мне тоже придется проверить.

Объяснение, затем показания Гулина—подозреваемого, Гулина-обвиняемого, Гулина-подсудимого.

Однако же твердо стоит на своем. Не брал взятку—и все тут.

А эти женщины—Сватко, Любарская?

Изобличают? Кто-то лжет. Та или эта сторона. Обвиняемый или обвинители. Кто же?

Составить план дополнительного расследования по такому делу не просто. Записывала, зачеркивала, читала дело снова, сравнивала, анализировала. Понимала, что очень важно в таком деле начать, но каждый вопрос казался мне первоочередным. Где же главное звено, за которое я должна сейчас ухватиться?

Рабочий день заканчивался, но я не собиралась уходить, пока не будет готов план.

Опять раздался противный злой звонок внутреннего телефона, и я пожаловалась наковонец прокурору:

— Василий Семенович, ну когда же мне заменят аппарат? Этот такой заполошный...

— Ладно, ладно,—прокурор нетерпеливо перебил меня,—распоряжусь. Слушай, Наталья, я тебе помочь выхлопотал.

— Помощь?—удивилась я.

— Конечно, да еще какую! — подтвердил Буйнов.—Волну к тебе подключают.

— Здорово!—обрадовалась я.

Капитан Антон Волна был оперуполномоченным ОБХСС нашего горотдела, работал со мной по многим сложным делам. Мы дружны с ним. Азартный и расчетливый, капитан, как считалось, был удачливым в работе, но я-то хорошо знала, что приносило ему успех в делах. Работал он беззаветно—не считаясь со временем и обстоятельствами.

Итак, Антон—это была первая удача, правда, не зависящая от меня. Я поблагодарила Буйнова и отложила набросок плана—теперь его нужно составлять вместе с Антоном.

Но найти Волну не удалось—Антон как сквозь землю провалился.

Я дооформила законченное дело, подшила его, сделала опись документов—самую нелюбимую работу. Выглянула в коридор—в приемной прокурора горел свет. Я отнесла ему готовое дело, он глянул недолго: что поздно так? Но тут же принялся читать.

А я отправилась домой.

ГЛАВА 4

ЧУТЬ свет меня разбудил телефонным звонком Антон Волна:

— Через полчаса заеду за тобой, Наталья,—сказал он, даже не спрашивая моего согласия и не извиняясь за ранний звонок.

Я заворчала было, что не успею собраться, но Антон не стал слушать моих возражений:

— Раявня пташка носок прочищает, а поздняя—глазки продирает,—назидательно изрек он одну из поговорок, которые ужасно любил и вставлял при каждом удобном случае.

Волна жил неподалеку, и я едва успела выпить чашку кофе, как за окном газанула машина Антона, подавая таким способом сигнал к выходу.

Широкоплечий рослый Волна едва помещался в своем потрепанном «жигуленке». Колени почти доставали до баранки, а сам руль в огромных руках капитана вы-

глядел игрушечным. Антон распахнул переднюю дверь, я уселась рядом с ним.

— В прокуратуру, шеф,—шутливо сказала я, Антон кивнул, и мы помчались по еще пустынным утренним улицам, умытым ночными поливалками и принаряженным блестящими лужицами непросохшей воды.

Еще в машине мы начали обсуждать наши планы. На мой вопрос о причине его подключения к делу Антон ответил:

— Мне самому не совсем ясно. Начнали-то другие ребята.

— Ты говорил с ними?

— Был разговор. Все, говорят, в норме, законно. Заявление по форме, женщина явилась к ним сама.

— А раньше? Ничего не замечалось за этим Гулиным?

— Здесь разговор особый будет. Ничего за ним не числилось такого, хотя на «Радуге», по моим последним данным, пошаливает кто-то. Кто конкретно—пока не знаю, не скажу. Но информация такая есть—личности отирались там, мягко говоря, не светлые. Дефицит уходил на сторону.

— Откуда такие данные?—поинтересовалась я.

— Это мой вопрос,—уклонился капитан от прямого ответа.—Вчера я, доложу тебе, провел денек на СТОА, приглядывался.

— Вот почему я тебя разыскать не могла!

— Потому и не могла. Люди, знаешь, там разные работают. Есть что надо ребята, а есть—руки погреть пришли... Одним словом, Наталья Борисовна, дорогой мой старший по следственно-оперативной группе, предстоит нам работенка. Не журись,—засмеялся Антон, видя, что я задумалась,—справимся. Ты да я, да мы с тобой, да нас двое—целая бригада!

В прокуратуре Антон попросил дело, пролистал его, и мы принялись обсуждать наш теперь уже совместный план.

Объем работы получался внушительный. Волна не раз кричал, запуская пятерню в свой густоющий каштановый чуб.

На сегодня решили: капитан продолжает работу на «Радуге». Задача его мы сформулировали так: почему понадобилось давать взятки за работу, которую обязаны были выполнить просто по службе? Какое отношение к заказам имел Гулин?

Мне же хотелось в первую очередь побеседовать с самим Гулиным. Я рассчитала, что до обеда с этим управлюсь, а после встречу с потерпевшими—так именовались по делу Сватко и Любарская.

Капитан обещал мне обеспечить их вызов, и мы расстались до вечера.

В следственном изоляторе меня ждала первая неприятность. Арестованный Гулин находился в больнице. Дежурный врач по селектору сказал, что к больному не допустит, у Гулина предынфарктное состояние, и всякие волнения ему противопоказаны. Велел позвонить не раньше, чем через неделю.

Нечего сказать, хорошенькое начало для дополнительного расследования, весь срок для которого положен один месяц. Всего четыре недели, которые пробегут так стремительно, что не успеешь и оглянуться. Возвращаться пришлось ни с чем.

Едва я открыла свой сейф, как, осторожно постучав, в кабинет вошла невысокая худенькая женщина в строгом темном костюмчике. Частая седина в коротко остриженных волосах. Тревожные глаза.

— Вы Тайгина?—спросила незнакомка.

— Да.

— Я Гулина. Мне бы переговорить с вами.

— Здравствуйте,—кинула я, показав на стул возле моего стола.

На приветствие она так и не ответила. Опустив голову, нервно мяла на коленях бежевую сумку, пока я доставала из стола бланки, ручку. А я обдумывала, с чего начать этот первый допрос. Решила: пусть-ка сама начнет рассказ.

— Слушаю вас.

Женщина подняла глаза, и я увидела, как они наливаются слезами. Вообще, в расследовании самое тягостное для меня—неизбежность видеть мучения людей, близких потерпевшим ли, преступнику ли.

— Расскажите вначале о себе,—попросила я.

— Работаю в поликлинике, медсестра процедурного кабинета. И с Ваней, с Гулиным,—поправилась она,—познакомилась, когда ходила делать уколы его больной матери. У него ведь мама больна. Очень. Инсульт.—Голос Гулиной опять задрожал.

— Успокойтесь, пожалуйста... Дело вашего мужа будет дополнительно расследоваться. Давайте спокойно поговорим, Лидия Ивановна.

Она покорно кивнула. Достала из сумки небольшой красный блокнот, положила на край стола.

— Что это?—спросила я.

— Блокнот мужа. Я нашла его в рабочей куртке. Здесь какие-то записи, может, будут нужны вам.

Я полистала блокнот. Несколько страниц занято записями—цифры, вопросы, прочерки, опять цифры... Что здесь записывал Гулин? Спросить бы его самого, но... А блокнот может пригодиться, мало ли что.

Пригласив понятых, оформила протокол доставления. Отныне блокнот принадлежит делу.

Записи были мне непонятны, но я очень надеялась на капитана Волну—он поможет разобраться, а там, глядишь, и Гулин поправится.

Тем временем Гулина перестала плакать, и мы продолжили с ней беседу уже более спокойно.

Лидия Ивановна много говорила о муже. Я понимала, что она могла быть необъективной. С такими случаями сталкивала меня служба, да и не раз. И все же...

— А не было ли у вашего мужа врагов?—спросила я.

Женщина недоуменно вскинула брови:

— Враги? Что вы! Он и проработал там не больше года, станция поближе к дому, а он все за мать беспокоился.

— Но я читала в деле: он вспыльчив, резок. Такие недоброжелателями быстро обзаводятся.

Она подумала немного:

— Не замечала я в нем особой резкости. А прожили мы вместе шесть лет. Вспыльчив—да, но не по мелочам. И отходит бы-

стро—сердиться на него невозможно, по моему. Впрочем, может быть, и есть... Враги,—печально добавила она,—кто-то ведь оклеветал его. А что оклеветали—я уверена.

Вот так закончился допрос Гулиной.

Наскоро перекусив в буфете, принялась снова листать дело Гулина, ожидая потерпевших. Антон, правда, мне не звонил, но я знала, что он их вызвал—Волна есть Волна.

Открыла протокол допроса Сватко. Галине Михайловне 45 лет. Возраст серьезный. Инженер. По анкетным данным я не смогла представить себе эту женщину. И допрос слишком уж схематичен. Несколько раз Захожий допрашивал Сватко. Но только о самом факте. А вот почему она именно к Гулину обратилась?

Да, правильно сердился прокурор—слабенько следствие проведено. Целый список необходимых по делу вопросов успела я составить, время шло, а потерпевшие—ни та, ни другая—не приходили.

Устав ждать, нашла номер телефона конструкторского бюро, где работала Сватко. Вежливый женский голос ответил, что Галина Михайловна отпросилась в поликлинику. Я недоумевала—в чем дело? Если бы Волна не смог обеспечить явку женщин—сообщил бы об этом. Выходит, капитан уверен, что потерпевшие придут.

Снова и снова листала я дело, сердясь, что топчусь на месте. Еще раз перечитала заявление Сватко, потом Любарской. Первая писала собственноручно, заявление второй отпечатано, но—я видела—не профессиональной машинисткой, хоть и достаточно опытной рукой. К заявлению Любарской приложен конверт, я сначала на него внимания не обратила. А тут пригляделась—штампа почтового на конверте нет. Видимо, в наш ящик брошено, есть у нас ящик для заявлений прямо в вестибюле, секретарь из приемной выбирает письма два раза в день. И вдруг я ощутила какое-то беспокойство. Чувствую: какая-то несуразность. Посмотрела на конверт, на заявление, на знакомый прокурорский штамп регистрации. А потом осенило—и в заявлении Любарской сгибов нет! Вот в чем дело! Конверт приложен, надписан, как положено—прокурору, а заявление, выходит, в конверте не бывало! Непонятно. Любарская могла и лично заявление отдать, но зачем тогда этот конверт здесь подшит, что доказывает?

Начальник канцелярии, которой я показала заявление со штампом и конверт, лишь пожал плечами:

— Не помню, Наталья Борисовна, столько бумаг проходит через мои руки. Извините, не помню.

Подумав, к Захожему решила не обращаться, пока не уточню эти обстоятельства у самой Любарской. Открыла ее анкету: Любарская Рената Леонидовна. 38 лет. Замужем, детей нет. Заведующая аптекой № 17.

А интересно, как эта самая Рената появилась со своим добровольным заявлением в день, когда истек срок задержания Гулина? Слово специально пробудилась ее гражданская совесть именно в этот день?

Я собралась было звонить в аптеку Любарской, но дверь широко и вольно распахнулась.

— Разрешите?

В кабинет вошла подтянутая, с гордо вскинутой головой женщина, моложавая, длинноногая, со вкусом и, на мой взгляд, кокетливо одетая. Нежно-сиреневая легкая блузка с воланами и кружевами, белая юбка в складку—да, женщина была эффектной.

— Галина Михайловна Сватко,—представилась она.—Вы меня вызывали?—умело подведенные большие глаза смотрели открыто.

Я представилась и объяснила цель звонка.

Сватко пожала плечами:

— Ничего нового добавить не могу. Все, что случилось со мною, рассказано и записано. Свой поступок считаю правильным—со взяточниками надо бороться. Это такие ужасные люди. Помните, Владимир Ильич Ленин называл их мерзавцами... Правильно я помню?—улыбнулась она.

Я молча кивнула. Правильно помнила Сватко, называл Ленин взяточников мерзавцами и сволочами. Очень верно называл.

Попросила рассказать, как было дело, и Галина Михайловна без запинки повторила то, что говорила прежде. Именно повторила—я хорошо изучила ее показания. Наступила пора задавать вопросы.

— Вы знали Гулина ранее?

— Нет, откуда?—женщина вздернула плечо.

— Почему же пришли со своей просьбой именно к нему?

Вопрос не удивил Сватко.

— Не помню, кто, но мне рассказывали, что с ним легче уладить такие проблемы. Рекомендовали, одним словом.

— И все же припомните, кто вас к нему направил,—настаивала я.

Сватко впервые ответила жестко:

— Пыталась вспомнить, но не могу.

Ответ меня не убедил. Помнит, конечно, помнит. Не к первому попавшемуся пошла—к Гулину. Но сказать, кто направил—яечет. Значит, нужно искать причину—почему?

— Есть у вас знакомые на станции?—стала уточнять я.

— Нет знакомых!

Прозвучало это решительно. Слишком решительно, чтобы быть правдой. Следственная работа научила меня разбираться в таких ответах. И видно было, как не нравится моя настойчивость Галине Михайловне. Смуглое лицо раздумянилось, женщина еще более похорощела. Смущение шло ей, но и выдавало. «Нет, голубушка, придется тебе правду все-таки рассказать»,—подумала я.

— Галина Михайловна, ваши показания мы будем проверять, учтите это. Кстати, а почему на работе вы отпросились в поликлинику? Мы ведь повестки выдаем—оправдательный документ?

— Проверяйте преступников, а не меня.—Сватко вскинула голову, глаза сузились, щеки запылали ярче.—А на работе ни к

чему знать, где я бываю. Ваша повестка мне не нужна.

— А с Любарской вы знакомы?

— С Любарской?—переспросила она и тут же ответила:—Конечно. Мы встречались. И здесь, и в суде. Причем неоднократно,—добавила с некоторым ехидством.

— Только здесь и в суде?

Красивое лицо скривилось:

— Да. Моя личная жизнь вне вашей компетенции.

— До определенных пределов, Галина Михайловна, только до определенных пределов,—спокойно ответила я.—Пока она не затрагивает общественных интересов и не вступает в конфликт с законом.

— Ну, знает!—возмутилась Сватко.— Похоже, я на вас пожалуюсь.

— Ваше право,—согласилась я.— Но прошу ответить на мой вопрос.

— Вы знаете, где работает Любарская?—спросила Сватко.

— Знаю, она заведует аптекой.

— Тогда вы должны знать, что к ней многие обращаются за лекарствами. Я не исключение.

— И других отношений между вами не было?

— Нет,—отрезала она.— Я могу идти?

Сватко подчеркнуто внимательно прочла протокол, энергично расписалась и, сухо простясь, ушла.

Я вынуждена была признать, что контакта не получилось, ничего нового к делу не прибавилось. Если не считать впечатления, что Сватко не совсем искренна.

В плане нашей работы по делу я сделала дописку: «Капитану Волне выяснить связи Сватко». Что-то эта женщина скрывала.

Любарская не появилась. До конца рабочего дня время еще было, и я позвонила в аптеку. Ответила мне сама Любарская. Услышав, кто и почему ее беспокоит, стала торопливо извиняться. Важное совещание, срочная работа—все было в этом извинении, и наконец прозвучало главное:

— Я думала, можно обойтись и без меня.

— Но к вам тоже имеются дополнительные вопросы.

— Какие вопросы?—в голосе Любарской слышался откровенный испуг.

— Вам все же придется явиться на допрос,—строго сказала я.

Любарская замолчала, слышно было лишь ее дыхание, потом спросила:

— Можно завтра? Не могу сегодня, занята очень, честное слово!

Мне ничего не оставалось как согласиться. Рабочий день кончался, у каждого свои заботы и дела, может, и важные. И все же мне очень, очень не нравилось, что Любарская не явилась сегодня. Что ж, буду ждать Антона. Я невольно вздохнула, снова раскрыла дело. Перечитала допрос Сватко, записанный теперь уже моей рукой, утвердилась в первоначальном мнении: Сватко кого-то скрывает. Кажется, того, кто надоумил ее прийти к Гулину. Эпизод со Сватко ясен как день: взятка передана и разоблачена, причем в присутствии совершенно посторонних людей. Если Любарской нужно было верить на слово,

то здесь—уйма свидетелей, изъятые деньги...

А не Любарская ли направила ее к злополучному главному инженеру? Ей он помог за взятку, она и отправила знакомую по той же дорожке. А та возмутилась, раскрыла взяточника. И Любарской пришлось признаться! А наверное, не хотелось. «Вот как, наверное, было все на самом деле»,—обрадовалась я догадке, объясняющей мои сомнения. Как же следствие упустило этот момент—не проверили связь между потерпевшими? И я почти попала на эту удочку Сватко! Но у меня есть время, и завтра предстоит допрос Любарской. Уже по краткому телефонному разговору я чувствовала, что с ней будет работать легче.

А пока—материалы дела. Я принялась скрупулезно, фразу за фразой сравнивать заявления потерпевших. Нет ли тут чего интересного?

Предчувствие меня не обмануло. Вот: «...добровольно сообщая об изложенном, прошу в соответствии с требованиями закона освободить меня от уголовной ответственности». Этой фразой—дословно—заканчивались оба заявления! И еще насторожил меня стиль фразы—совсем не характерные слова для лексикона инженера, да и аптекарши тоже.

На мой взгляд, так может написать только юрист. «В соответствии с требованиями закона»—привычный, часто встречающийся штамп в наших документах. Откуда он появился в заявлениях?

Волна позвонил, когда я уже была дома. Коротко, по-деловому доложил, что есть новости, которые обсудим завтра при встрече. Я пожаловалась ему на невяку Любарской. Он строго заметил:

— Зря не настояла.

А выслушав мои подозрения, глубокомысленно изрек:

— Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела.

Я пожелала ему спокойной ночи, в ответ он засмеялся:

— Отдыхом для меня еще и не пахнет. Я не из дома звоню. Привет,—в трубке раздалась короткие гудки.

ГЛАВА 5

ВМЕСТЕ с Антоном в кабинет вошел высокий сухой старик в очках, седой, сутулый и дланиорукий.

— Радомский Здано Янович,—представил его капитан,—бухгалтер-ревизор, мой помощник и друг.

Старик чинно склонил голову, и я, желая отдать дань такой вежливости, вышла из-за стола, приветливо улыбнулась.

Новость для меня первая: зачем понадобился эксперт-бухгалтер по делу о получении взятки? Интересно, куда это задумал меня втравить инспектор БХСС? Выходит, вместо того, чтобы заниматься нашим делом согласно плану, он расколупывал какие-то свои милицейские дела? Помощничек, ничего не скажешь!

Капитан Волна словно читал мои мысли.

— Поспешай медленно,—выдал он мне первую утреннюю порцию своих пословиц.

— Дела наши, Наталья Борисовна, на сегодняшний день таковы, что без глубокой проверки «Радуги» не обойтись. Два дня я провел там—и не даром. Что узнал? Первое,—капитан загнул палец на огромной ладони,—план реализации услуг населению выполнен отлично. Но это—липа. Второе, явно химичат с дефицитом: и поступление, и расход крайне запутаны, как, впрочем, и весь учет. Третье—заказ-наряды на ремонт машин нуждаются в проверке. Это бланки строгой отчетности, а обращались с ними, словно с листками от прошлогоднего календаря.

Антон продолжал говорить и загибать пальцы, а я уныло думала, что капитан, конечно, порядок на СТОА наведет, но что выиграет от этого дело Гулина?

Волна наконец заметил мое неудовольствие, улыбнулся смущенно:

— Мы ведь вместе решили причину неточности на «Радуге» вскрыть?

Я кивнула.

— Этим и занимаюсь,—сказал Антон,—и о Гулине помню постоянно. Кстати, давай-ка его цифирь, сейчас Здано Янович ее посмотрит.

Красную книжечку Гулина Радомский положил на чистый лист бумаги и осторожно раскрыл.

— Непонятно,—начала было я, но старик строго посмотрел поверх очков:

— Что тут непонятного, сударыня? Гляньте.

Мы с Антоном склонились над книжицей.

— Вот,—продолжал Радомский,—эта шестизначная цифра—не что иное, как номер наряд-заказа. Они все шестизначные. Так?

— Точно,—подтвердил Антон. Я помалкивала.

— Это вот—номер преискуранта, вот шифр деталей, а это, конечно же, цена, потом дата. Значит,—Радомский показал на столбик цифр,—главный инженер с какой-то целью выпсал реквизиты наряд-заказов. Судя по вопросительным знакам, для проверки. Здесь вот знак вопроса у цены, здесь—у шифра деталей,—узловатый длинный палец ревизора показывал цифры, и я поняла: действительно, Гулин намеревался проверить их. Вопросы остались, значит, не сумел.

— Так что, Наталья?—торжественно глянул на меня Волна,—ум хорошо, а два лучше.

— Три,—поправила я.

— Три,—согласился Антон и продолжал:—С учетом моих и твоих,—он кивнул на красную книжку в руках Радомского,—сведенный давай-ка мы назначим на «Радуге» ревизию. Одно другому не помешает,—сказал он, видя, что я поморщилась,—обещая, что ревизия дело не задержит.

Подумав, я согласилась. Все время, пока мы возлились с книжкой Гулина, я ждала, вот постучит Любарская, вот придет. Но ждала тщетно. Мое беспокойство Антон тоже заметил. А когда, не выдержав, выглянула в коридор, спросил сочувственно:

— Нету?

— Нет,—вдохнула я,—и что случилось? Ведь договорились на утро, точно договорились.

— Такой оборот не исключался,—сказал капитан.—Ты не допускаешь, что она побивается? У меня лично такое впечатление. А причину неавки установим. Ты займись ревизией, а я Любарскую разыщу.

Мы с Радомским принялись тихонько обсуждать задачи предстоящей ревизии, а Антон сел к телефону, и я вполуха слушала, что у него. В аптеке сказали, что Любарская в Аптекоуправлении. Там следы ее потерялись.

Потом Антон еще звонил, о чем-то договаривался и, глянув на часы, умчался, оставив нас с ревизором.

— Через полчаса буду,—пообещал он.

Здано Янович не стал ждать капитана. — Он знает, где меня найти,—сказал мне, прощаясь, и сделал приятное добавление: — Рад буду с вами поработать, сударыня. Наслышан о вас.

Позвонил Антон и удивил меня:

— Жди, сейчас свидетели будут.

— Любарская?—обрадовалась я.

— Нет, лучше! — ответил капитан. — Только ты учти, свидетельница глухонемая. Мой изумленный возглас был бесперомонно прерван:

— Свидетелей не выбираем. А придет она с переводчицей, не волнуйся. Я еще позвоню позднее.

Вскоре пришли две женщины. Одна сразу поздоровалась, вторая с улыбкой кивнула—это и была глухонемая свидетельница—среднего возраста, коренастенькая, одетая в маловатое пестрое платье. Внимательные глаза ее быстро оглядели комнату и остановились на мне. Круглое лицо, приветливая улыбка, ставшая еще радостней, когда улыбнулась и я.

Начался необычный допрос. Я смотрела, как переводчица быстро орудует руками: раскрытая ладонь, обращенная к женщине, напряженно следившей за ней, затем быстрый жест у лица, опять раскрытая ладонь, как вопрос, и снова жесты—складываются ладони домиком, вот ударил кулак о кулак, заработали пальцы, губы. Глухонемая кивает головой, потом начинает так же быстро манипулировать пальцами, губами—непонятный мне язык, необычный способ общения...

Переводчица медленно роняет слова:

— Таня работает в аптеке уборщицей. Любарская начальник... Очень любит чистоту, следит строго. Дома тоже чисто, нарядно, у Любарской дома,—поясняет она, —Таня помогает начальнице по хозяйству дома. Убирает, моет, стирает...

Глухонемая внимательно следит за нами, переводит взгляд с одного лица на другое, изредка, уловив момент, кивает головой, произносит гортанные звуки, напоминающие слова:

— Та-а,—подтверждает слова переводчицы.

— ...За работу платит деньги, вкусно кормит, дает одежду.

— Та-а-а,—радостно кивает глухонемая и оглаживает на коленях короткое—не по моде—платье.

— Вчера домой пришла печальная, со слезами. Ходила по комнатам, потом говорила по телефону, сердилась.

— Та-а,—хмурит брови моя необычная свидетельница.

— Она понимает речь по губам, сама пытается говорить,—объясняет переводчица, и Таня понимает, улыбается благодарно.

— После телефона прошло время. Наверное, час. Приехал на машине говорящий мужчина и Любарскую увез. Возвратилась поздно.

Таня закончила свои показания, и через переводчицу я принялась выяснять детали.

— Что за «говорящий» мужчина?

— Глухонемые называют так всех нас, не страдающих этим недугом,—поясняет переводчица.—А мужчине Таня не видела.

Она переспрашивает Таню, та вытягивает шею и говорит—быстро-быстро складывает пальцы.

— Уехали на машине «Жигули» зеленого цвета,—говорит переводчица, а Таня радостно кивает.

Женщины еще находились у меня, когда позвонил капитан Волна. Он был уже на СТОА. Услышав о мужчине и зеленых «Жигулях», озадаченно сказал:

— Что за оказия такая? Любарской нет нигде—как провалилась. Подождем до вечера.

— Слушай, Антон, закончу допрос и приеду к тебе на СТОА. Что я буду людей вызывать сюда? Приеду и допрошу там, на месте. Ты мне кабинетик устрой пока,—попросила я.

— Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе,—пошутил Волна, одобряя мое решение.—В нашем положении надо успевать поворачиваться.

Я еще «поговорила» с Таней, выяснила, что у Любарской близкая подруга Галя, красивая, очень гордая. По всем приметам выходило, что эта Галя—Сватко.

Таня подтвердила мою догадку о том, что Любарская и Сватко хорошо знакомы, и не только по несчастью. Следовало еще проверить эту версию, одного показания Тани мало, но я не беспокоилась: дружба женщин не могла быть секретом, и мы это установим без затруднений.

Прокурор дал мне машину, и капитан Волна встретил у проходной «Радуги», но все же мне пришлось предъявить охраннику свое удостоверение, и он добросовестно изучил его, да еще и сверил фото с оригиналом.

— Вы всегда так бдительны?—не удержалась я.

— Всегда!—отрезал он.

Мы прошли в административный корпус. Через просторную приемную, где вежливо поздоровалась со мной молоденькая секретарша, попали в кабинет директора—большой, залитый солнцем, с красивой мебелью. Приглушенно звучала музыка. «Венчает юные сердца седой паромщик»,—вкрадчиво пела Пугачева, а навстречу нам вышел из-за массивного стола зрелого возраста мужчина в новеньком коричневом костюме. Крупные, словно рубленые черты лица, русые седеющие волосы, разделенные сбоку пробором, серые глаза под странно короткими бровями.

— Шершевич,—представился он,—Виктор Викторович. Директор этого, — он широко

повел рукой в сторону окон,—заведения.

Мы сели в мягкие кресла, и директор принял нас смешливо-жалобно рассказывать:

— Никому угодить не могу, Наталья Борисовна, хоть и стараюсь. А тут еще эта история с Гулиным. Ах, как неприятно, как некстати все это, как мешает нам, всему коллективу!

В голосе Шершевича послышались капризные нотки, это меня особенно удивило. Мужественный, крупный, солидный мужчина—и этот тон. Я глянула на Волну, увидела в его глазах смех. Поняла: Шершевич играет со мной, кокетничает. Всерьез не принимает.

И такое со мной бывало. Да и не раз. Поэтому не разозлилась, как раньше. Спокойно встала.

— Простите, приступим к официальной части знакомства. Где я могу вас допросить? Здесь нам не помешают?

Капитан Волна подыграл мне:

— Товарищ следователь, вам готов кабинет. Можете приступать к допросам—я вас провожу.

По взгляду Антона я поняла: поступила правильно, не дала фамильярничать директору, избалованному вниманием.

Изменил тон и Шершевич.

— Где вам будет угодно, Наталья Борисовна. Мне лично удобней здесь.

Он нажал белоснежную клавишу селектора, строго сказал:

— Машенька, меня нет,—и повернул ко мне посерьезневшее лицо:—Слушаю вас.

Антон ушел, а я допросила Шершевича—подробно, скрупулезно—о работе, о коллективе, о Гулине. Директор обстоятельно рассказывал о том, что мне было уже известно. Заканчивая скучный допрос, я неожиданно для себя спросила:

— У вас есть машина?

— «Лада»,—ответил Шершевич удивленно.

— Какого цвета?

— Коричневая с перламутром,—короткие брови директора поднялись, образовав на лбу несколько глубоких морщин.

Значит, машина коричневая. Не зеленая. Впрочем, я на это не надеялась, спросила для порядка. И еще потому, что мне не нравились нарочито серьезные серые глаза Виктора Викторовича. Глядя в них, я видела — Шершевич усмехнулся. Не открыто, а где-то внутри. Чему усмехается? Гулина ему жалко, за коллектив больно, и все же глаза его время от времени словно дымкой подергивало — он отгораживался каким-то дополнительным знанием — я видела, чувствовала — пренебрежением или превосходством. Относилось ли это лично ко мне или к моему делу?

— Вы знакомы с Любарской и Сватко?—как и о машине, я спросила это для порядка, потому что ответ заранее знала, и не ошиблась:

— С потерпевшими? Безусловно! — ответил Шершевич спокойно.—Я с ними беседовал. Выяснял детали. Мне ведь, согласитесь, как руководителю, нужно тоже меры принять. Сегодня Гулин берет взятку, завтра другой—этому надо положить конец.

Нельзя было с этим не согласиться. Но я продолжала упрямо:

— До этой истории вы с ними не встречались?

Серые глаза стали прозрачнее, смотрели как сквозь меня:

— С Любарской был знаком. Знаете, аптека, лекарства—с одной стороны. И автомобиль в неумелых женских руках—с другой стороны... Но знакомство было чисто деловым.

— Почему же в марте, когда машине Любарской потребовался ремонт, она обратилась не к вам, а к Гулину? Вы раньше ей помогали?

— Помогал, конечно. А в марте...—Шершевич пожал плечами, опять недоуменно вскинул брови:—Я сам удивлен, признаться. Кто поймет женскую логику?—он развел руками, улыбнулся.

— А Сватко?

— Машину знаю лучше, чем хозяйку. Ее «Волга» уже бывала у нас, меня приглашал мастер для консультации. В отсутствие заказчицы. Ну, и встречал потом саму женщину.

— К вам она не обращалась с просьбой о замене кузова?—спросила я Шершевича, который явно скучал от моих однообразных вопросов.

— Вы должны знать,—в голосе Шершевича послышалась назидательность,—что замена кузова ГАЗ-24—самая для нас больная точка. Кузовов чрезвычайно мало, и на этот вид ремонта—жесткая очередь. По году люди ждут. Я в очередность не вмешиваюсь.

— А Гулин вмешивался в очередность?—не отставала я.

Директор пожал плечами:

— Мне такие факты неизвестны. Гулина я знал с лучшей стороны, о чем неоднократно,—он сделал ударение на этом слове,—рассказывал.

О чем еще было спрашивать директора? Он лично проводил меня до кабинета с табличкой «Старший юрисконсульт Паршин В. Р.», распахнул передо мной тонкую дверь и удалился, сказав:

— Я у себя и к вашим услугам.

В кабинете юрисконсульта сидели Волна, Радомский и еще невысокий, узкий в плечах молодой мужчина. На маленьком лице выделялись блеклые, круглые глаза без ресниц, сильно увеличенные толстыми стеклами очков. Это был Паршин, хозяин кабинета.

Мы договорились к вечеру осмотреть территорию «Радуги», потом я передала капитану Волне список людей, с кем хотела бы побеседовать. Антон внимательно прочел его и над первой строкой вписал: «Иванцов Николай Петрович». Подавая мне исправленную бумагу, Антон подмигнул весело, обидеживающе и сказал:

— На ловца и зверь бежит.

Я рассмеялась. Антон оставался верным себе, и по его настроению видно было—дело у него ладилось, не то что у меня: все неопределенно.

Его задача была яснее. Он знал, что искал. А чего хотела я? Обвинение Гулина было незыблемым.

Иванцов Николай Петрович оказался тем

самым бдительным охранником, с которым я едва не поссорился у входа. Капитан, как я заметила, помалкивал тогда, а сейчас, едва вошел Иванцов, встал:

— Ну, я пошел,—сказал он и увел с собой Радомского и юрисконсульта. Поговорить с капитаном наедине мы не сумели, и я осталась с Иванцовым, не зная, с чего же начать разговор.

Выручил сам Иванцов:

— Меня-то зачем тревожите?—спросил он с открытой неприязнью. — Одного беднягу упекли, еще и я вам понадобился? Поди, места свободные есть в тюрьме, может, меня хотите приспособить? Валяйте, пойду. Рядом с Гулиным и в тюрьме честь посидеть.

Я изумилась. Так открыто и наступательно Гулина никто не защищал. Хорошо говорила о нем жена, директор сокрушался и недоумевал, а этот охранник сразу чуть не в драку полез. Мне хотелось задать вопрос, но Иванцов и рта не давал раскрыть.

— Погодите, погодьте,—отгородился он от меня жесткой ладонью,—сперва я скажу, потом вам спрашивать. Я уж вашему товарищу выговаривал: как же можно человека судить, а у людей о нем не спросить?! Нет, вы спросите сперва у народа, кого в тюрьму надо вольничать. Народ—он все видит, он знает все, от него не скроешься.

Маленький кабинет был насквозь прокален солнцем, не спасала от жары открытая рама. Иванцов вытер рукавом голубой рубашки пот с лица, глянул на меня, ошеломленную таким натиском, и заговорил более миролюбиво:

— Я, дочка, войну прошел. Цену жизни знаю. Ты думаешь, если я у ворот поставлен, то дальше этого ничего не вижу? Ошибаешься. Я вижу, и другие тоже. Молчали до поры—но до поры, учти. А сейчас, однако, самое время пришло... Ты мне скажи, дочка,—охранник слегка приглушил голос,—ответь мне: кому это надобно, чтобы Гулина со станции убраться? Взятка? Так осмотришь кругом внимательно, кто у нас эту божью росу собирает. Осмотришь, осмотришь. А они ведь, эти выродки, и над нами насмеются, и над вами тоже, учтните...

Я не поняла вначале, что случилось. Открылась вдруг дверь кабинета, показалась длинная рука Волны, придерживавшая дверь, послышался его необычно суровый голос:

— Прошу вас, входите, входите. Что же так, под дверь стоять?

И откуда-то из-под руки капитана появлялся смущенный донельзя Паршин.

— В чем дело?—спросила я, обращаясь к юрисконсульту.

Паршин молчал, за него ответил Антон:

— Да вот, товарищ стоит под дверью своего кабинета, а войти не решается.

Паршин обрел дар речи:

— Мне срочно нужна одна бумага...

— Так возьмите,—сказала я.

Юрисконсульт порывлся в своем столе, нашел какую-то папочку, пробормотал: «Извините»,—и выскочил из кабинета.

На мой вопросительный взгляд капитан ответил:

— Слишком долго он войти не решался. Пришлось помочь,—и развел руками.

Вмешался Иванцов:

— Интересуется он мной, а не бумажкой.

— Знает кошка, чье мясо съела?—спросил Антон Иванцова.

Тот серьезно ответил:

— Знает эта кошка, знают и другие.

Капитан остался в кабинете, и мы долго беседовали с Иванцовым. Волна задумчиво кивал головой, а я записывала показания Иванцова и сердилась: он проливал свет на такие вещи, которые подлежали проверке в первую очередь, но проверены не были.

Прощаясь, Антон пожал руку охранника.

— Ну что, отец, повоюем?

— Повоюем,—ответил тот вполне серьезно,—есть у нас кому воевать и с кем тоже.

Когда мы остались одни, Антон сказал:

— Без ревизии, видншь, не обойтись. Приезд сюда Радомского окончательно раскрыл карты. Те, кому надо, догадались о предстоящей проверке—теперь держи ухо востро. Чую, события будут разворачиваться. Пример тому—Паршин. Ведь он под дверью-то подслушивал! Поймал я его прямо на месте, так сказать, преступления!

— Зачем ему это?

— Вопрос не из легких. Зачем?

Антон помолчал. Затем хлопнул рукой по столу, поднялся:

— Выясним! Я пошел, а у тебя есть пара часов—допрашивай. Народ предупрежден, будет подходить.

Я продолжала допросы. По-разному говорили люди о главном инженере: осторожно, с неприязнью, с открытой симпатией—мнения, конечно, расходились. И порядки на «Радуге» тоже оценивали по-разному. И все же подтверждалась правда Антона: без глубокой проверки СТОА судить о вине Гулина нельзя. С одной стороны, возможность получения им взятки была, но с другой—получал взятки он или кто-то другой? Тогда кто? И почему именно Гулин обвинен? И при чем здесь эти женщины, потерпевшие? Ах, сколько у меня было вопросов, сколько вопросов!

Когда-то я получу на них ответы?

Солнце вначале оставило в покое оконную раму, затем ушло за угол здания. За открытым окном слышны были голоса рабочих, спешивших домой. Я сложила в папку протоколы и сидела в кабинете одна, ожидая Антона. Юрисконсульт больше не появлялся. «Зализывает раны»,—посмеялась про себя.

Позади стола юрисконсульта приткнулась к стене небольшая тумба, на ней серым чехлом—пишущая машинка. Я сняла чехол. Довольно новая «Оптима». Наверное, юрисконсульт сам печатает свои бумаги. Ведь писанины у него немало—претензии, рекламации, письма, ответы...

Вставила в «Оптиму» чистый листок, отстукала: «Саша, Саша, Саша», — целую строчку дорогого имени. «Больно, больно», — вторая строка легла на бумагу. Опомнившись, резко выдернула листок, смяла. «Сколько можно?» — и тут же бережно расправила, погладила первую строчку, словно прикоснулась к любимому, утраченному навсегда.

Раздался осторожный стук в дверь.

— Войдите,—громко сказала я, сунув измятый лист в карман платья.

Вошел Шершевич, удивленно глянул, как я, пряча повлажневшие глаза, встаю из-за машинки.

— Наталья Борисовна, если нужно что печатать—я распоряжусь. Не проблема.

— Благодарю, я просто по привычке.

Директор бросил взгляд на машинку:

— Ну смотрите, а то поможем.

— Нет-нет,—заторопилась я,—давайте в обещанный обход.

— За этим я и зашел. Антон Петрович ждет на территории.

— Склады не закрыты?—спросила, чтобы не молчать.

— Что вы, я приказал задержаться,—ответил Шершевич.

Территория «Радуги» была обширной, но Виктор Петрович жаловался нам на нехватку площади, тесноту цехов. Капитан Волна что-то помечал в своей записной книжке, а я запоминала объяснения директора и привыкала к новой для меня терминологии.

Уже смеркалось, когда мы закончили работу. У будки охранника стояла старенькая машина капитана, а рядом, словно укор нерадивому автомобилисту, красовалась ухоженная гуето-коричневая «Лада» с красивым и редким перламутровым отливом. «Директорская»,—догадалась я. Шершевич оглядел капитанского «жигуленка».

— Антон Петрович,—укоризненно сказал он,—непорядок! Пока вы у нас, давайте мы ваших лошадей подлечим! Сделаем в лучшем виде.

— Перетопчутся!—весело ответил Антон.

— Подумайте, подумайте,—рассмеялся Шершевич,—мы вам по закону оформим, не просто так.

В машинке Антон, оглядев меня, прицокнул языком:

— Видок у тебя, мать, не ахти. Устала?

— Да как обычно.

— Вот что,—сказал он решительно,—сопротивление бесполезно, сдавайся без боя. Едем к нам на дачу, там Людмила с Катюшкой клубнику собрали. Люда меня давно корит, что долго не встречаемся, вот обрадуется, когда я тебя привезу.

Я запротестовала. Антон тихо так, сочувственно, но твердо проговорил:

— Идет жизнь, Наташа. За нее Александр себя не пожалел. И не один он. Всегда так было, такие уж мы есть. Ты друзей не сторонись, мы всегда с тобой, и память о Саше с нами. Горе надо с друзьями делить, с настоящими, Наташа.

Что мне было ответить? Все верно говорил Антон. Почему мне вдруг стало казаться, что память о Саше принадлежит только мне? Это усилило боль утраты, но Сашу, Антон был прав, не забыли, не могли забыть. Скоро год, как он погиб. Год—а словно вчера это было.

Когда мы приехали, я уже справилась с собой. То, что Антон громко именовал дачей, было небольшим с односкатной крышей строением, похожим скорее на овощной киоск.

Людмила действительно обрадовалась, Катюша скакала возле меня, одним словом,

я была окружена вниманием и заботой. Клубника была вкусной, ужин отменным—мы блаженствовали, но я увидела, как взглянул Антон на часы.

И уже когда сумерки стали сгущаться в ночь, капитан встал, смущенно сказал нам:

— Вот что, девочки, вы располагайтесь, а у меня небольшое дельце в городе. Я, чтобы вас не будить, там и заночую. А утром—как штык буду, доставлю вас на работу.

Я вышла вслед за Волной, и он сказал мне:

— К утру я тебе полную выкладку сделаю. Лады?

ГЛАВА 6

КАПИТАН Воля спешил. Кажется, все он днем предусмотрел, однако же спокойнее, если сам проверит на месте.

Радомский расшифровал записи Гулина. Это были действительно наряд-заказы, и на поставленные Гулиным вопросы должен теперь ответить он, капитан Волна. Конечно, со товарищи.

Завтра, как договорились, Радомский начнет ревизию. Но капитан разделял тревогу старого ревизора—за станцией следовало присмотреть. Интересно, кому и зачем требовалось на одну и ту же машину открывать три наряд-заказа—один за другим. И получать два мотора в сборе, два блока цилиндров двигателя, три коробки перемены передач? Это не машина получалась, а какой-то «тяни-толкай»,—капитан улыбнулся, вспомнив «тяни-толкай» из Катюшкиной книжки.

Гулин заметил подозрительные наряды, записал. Не на свою ли голову?

Волна не сказал следователю об открытиях Радомского. Слишком усталый вид был у Тайгний. Он вздохнул, вспомнив беседу в машинке. Не может Наташа смириться с гибелью мужа, никак не привыкнет к тому, что его уже нет. Нелегко ей, но напрасно

она замкнулась в своем горе. Жизнь продолжится, несмотря на утраты. И надо помочь ей, расшевелить. Это дело друзей, их дело.

Вспомнил, как провожали Александра—веселого, оживленного, полного желания в тяжкий час помочь людям. А смерть-то, подумать страшно! Бандиты ворвались в больницу, где работал Саша, и на этот раз он не мог спасти своих пациентов, разделил горькую участь. А какой был парень! Безотказный, жадный до дела...

Антон не стал вечером тревожить Наталью—пусть отдохнет, а пока он выполнит свои оперативные дела, на то он и подклучен к делу.

Мысли капитана вновь вернулись к «Радуге». Завышения цен по наряд-заказам, что записаны у Гулина в книжечке, это так, семечки. А вот почему на кузовном участке такая перегрузка? Почти вдвое выше нормы. И кузовок стоит аварийный без номера.

А тут еще Любарская—где она?

Оставив машину за углом ограды «Радуги», капитан подошел к проходной, осторожно постучал в запертую дверь.

Шторка на небольшом квадратном окошке отодвинулась, выглянул Иванцов, кивнул капитану и открыл дверь.

Едва тот вошел, Иванцов заговорил:

— Прав ты был, капитан. Что-то не по себе мне здесь сегодня.

— Что-нибудь произошло?—встревожился Волна.

— Да ничего вроде не случилось. Только прибег уже в десятом часу сменщик мой—Хомин. Давай, говорит, ночь за тебя отдежурю, мне отгул надобен на завтра. Я говорю—непорядок, без начальства не могу. Он, знаешь, на своем стоит. Виктор Викторович, мол, разрешил, я звонил ему, у моей жены сестреница заболела, просится жена к ней, обещался завтра съездить. Я говорю, дескать, чего ты будешь женину сестреницу нянчить, пусть жена и едет, а он, знаешь, свое долдонит. Я-то помню ваш наказ—стоять на позициях, а тут такое дело...

— И что?—поторопил капитан замолчавшего было охранника.

— А то. Пусть, говорю, мне сам Виктор Викторович позвонит, не могу я с поста уйти. Знаешь, а неудобно вроде перед Хоминим. Чего греха таить, подменялись мы иногда—дело житейское. Ну что ты будешь делать!—засокрушался опять Иванцов.

— Так чем дело кончилось?

— Ничем не кончилось еще, то и тревожно. Стал Хомин названивать директору, а того дома нет. Потом он юристу нашему домой. Тот на месте, велел мне трубку взять. «Разрешаю»,—говорит. А я на своем: без директора не могу. Вот неприятность какая вышла из-за вас,—он укоризненно смотрел на Волну, и тот успокоил:

— Обойдется, отец. Все правильно. И на чем порешили?

— Убежал Хомин. Говорит, найду директора, а тебе этого не забуду. И юрист пообещал—не забуду. Эх памятливые!—сердито сказал Иванцов.—А я вот здесь теперь тревожусь. Что, коли найдут директора, мне уходить или как?

— Это мы обмозгуем,—сказал капитан.

— Приспичило ему! Сестреница... Ишь, приболела,—ворчал старик.

А Волна размышлял. Действительно так нужен Хомину отгул, что не постеснялся на ночь глядя юриста поднять, директора—кто знает, где он,—разыскивать. Или нужно было убрать от ворот Иванцова? Зачем? Кому? Не Хомину же!

Капитану вспомнилась напряженная фигурка тшедушного юриста у двери кабинета. Подслушивал—нет сомнений. Иванцова подслушивал и, конечно, слышал разное, незаслуженно учиненный охранником Тайгиной. Нет, прав Радомский: станцию стоит покарать. Так спокойнее.

— Вот что, отец,—сказал капитан,—как договорились, с поста—никуда.

— А если директор?

Оперуполномоченный уже принял решение:

— Сейчас я кого-нибудь подошлю из наших—вдвоем веселей. А чуть что—на меня ссылайся, не велено, мол, милицией.

— Это я могу,—протянул Иванцов,—но что товарищ ваш будет—лучше.

Охранник запер дверь за Антоном, и тот поехал в горотдел, застал на месте участкового инспектора.

— Сделаем,—коротко пообещал участковый,—я сам ими интересуюсь. Эта «Радуга» и у меня в глазах полыхает.

Итак, вопрос со станцией был решен. Оставалась Любарская. Час поздний, пора ей быть дома.

На телефонный звонок никто не ответил. Что, неужели так и нет ее дома? А Таня звонка не слышит. Еще попытка: Волна набрал номер телефона Сватко. Трубку сняли сразу.

— Алло? — вопросительный голос Сватко звучал бодро.

Капитан извинился за поздний звонок, спросил:

— Вы, случайно, не в курсе, где Любарская?

— Совсем не случайно—нет. Откуда мне знать?—голос стал раздраженным.—И вообще, оставьте меня в покое. Я уже пообещала жаловаться и сделаю это.

И положила трубку. Ну что ты будешь делать! Где искать Любарскую? Не случилось ли с ней чего?

Капитан Волна тревожился. Как нарочно, память стала подбрасывать случаи—из своей и чужой практики—да один другого неприятнее. Нет, надо разыскивать женщину—работник милиции чувствовал ответственность за нее. Влипла Любарская в неприятную историю со взяткой, не попала бы еще в какую беду. И эта возня с охранником—Антон понимал, что затронул какое-то звено, связанное с преступлением, по которому работал. А раз так—всякое может быть.

Подумав, позвонил в «Скорую». Нет, вызова к Любарской не было. Значит, не заболела внезапно. На ночь глядя не очень-то много возможностей розыска женщины. Да и, Антон понимал, нельзя сильно активничать, еще скомпрометируешь женщину, которая, может быть, подругу решила навесить. Или еще какая-то у нее уважительная причина.

Но тревога не отпускала. Волна понял, что не успокоится, вышел к подъезду и, прежде чем направиться на «Радугу», куда обещал заехать, повернул руль своих «Жигулей» направо, на проспект, откуда, он знал, не больше 25—30 минут до дома Любарской.

Пустынные серые улицы словно усиливали тревогу. Вообще капитан не любил ночной город. Днем улицы наполнялись людьми, заботами—жизнь кипела,—и это было хорошо.

Дом, где жила Любарская, Антон нашел быстро. Зашел в первый же подъезд, определился. Звонка Любарской, по его подсчетам, находилась на шестом этаже второго подъезда. Оглядел фасад дома, который готовился к ночи, гася за окнами огни. Кажется, н у Любарских одно окно освещалось.

Капитан присмотрелся. Это кухня, потому что ниже парой этажей светящееся окно задернуто веселой, в горошек шторкой с оборочками—такие обычно бывают в кухнях. И плафончики попроще.

Проследил взглядом—точно, на кухне Любарских горел свет. Подавил желание подняться в квартиру—слишком поздно для непрошеного, да и нежеланного гостя. Медленно проехал вдоль улицы, нашел телефон-автомат.

Двушки, как назло, в кармане не оказалось, пришлось бросить в автомат гривенник. Трубку никто не поднял. Возвращаясь по слабо освещенной уллице к дому Любарской, Антон раздумывал, как поступить. Показалась из-за поворота встречная машина, капитан машинально взял руль вправо, и в тот же миг лобовое стекло пронзил яркий сноп—встречный водитель включил дальний свет.

Совсем ослепленный, Волна заслонил локтем лицо, нажал на тормоза, колеса впились в асфальт, машина встала. Пока зрение приходило в норму, Антон чертыхался, ругая неосторожного водителя. Как же можно врубать дальний на освещенной улице?! Жаль, не успел заметить машину, хотя по звуку мотора, кажется, это был «жигуленок». А водителя следовало бы наказать за такие дела, ведь до беды недолго с хулиганскими замашками.

Происшествие на дороге окончательно испортило настроение капитана—сплошное невезение, а не вечер. «Ночь,—поправил он себя,—ночь, а не вечер». Он вышел из машины, до дома Любарской прошел пешком—всего-то несколько метров. Окно на шестом этаже уже погасло. Все, беспокоить жильцов нельзя. Ночь.

Антон Волна заехал на «Радугу». В будке у ворот довольный Иванцов пил чай с участковым—усатым молодежатам своим ровесником. Хоть здесь был порядок.

Глубокой ночью капитан добрался до дома и уснул, едва коснувшись головой подушки.

НОЧЬЮ прошел небольшой дождь, разрядил духоту. А утро выдалось хмурым и сумрачным, стволы деревьев у близкой опушки обнимал ранний молочный туман.

Антон тоже был невеселым. Едва мы, высадив у дачада Людмилу с Катюшкой, остались одни, капитан принялся рассказывать о ночных событиях. Узнав о том, что не нашлась Любарская, встревожилась и я.

— Давай заедем к ней,—попросил Антон.

Открыла дверь Таня. Она не пригласила нас, вышла сама на площадку, затрясла отрицательно головой:

— По-охо!—и принялась жестикулировать—пальцами, губами.

«Плохо»,—было ясно. А больше ничего мы не могли понять. Увидела это и Таня, глаза налились слезами.

Волна беспомощно развел руками:

— Пришло переводчицу,—раздельно, по слогам и почему-то очень громко сказал он Тана.

Та согласно закивала, поняла. По пути в прокуратуру я спросила Антона:

— Говоришь, ослепила тебя машина? И у дома Любарской?

— Почти,—насторожился Волна.

— Не узнал машинну?

— Ночью все кошки серы,—сказал Антон.—По мотору—«Жигули».

— Да не она ли сама тебя и ослепила? Ехала домой, увидела тебя и не пожелала с тобой встречаться. Ослепила—и с глаз долой!

— А что, это мысль. У Любарской как раз «Жигули». Но фары... фары мощнейшие были. В общем,—подытожил капитан,—раз дело приняло такой оборот, надо заняться Любарской. Заскочу только на «Радугу», помогу Радомскому начать ревизию.

— Антон, опечатай склады на всякий случай,—посоветовала я,—скажи «А», надо говорить «Б».

Волна согласился:

— Пожалуй, ты права. Сейчас организуем.

Он уехал, а я сразу позвонила в Аптекоуправление—так мне не терпелось, так необычно было исчезновение потерпевшей!

В отделе кадров мне сразу, без проволочек сказали, что вчера под вечер Любарская взяла по семейным обстоятельствам неделю в счет отпуска. Вот это новость! Может, ошибся Антон вечером, может, Таня хитрит и Любарская дома? «Что ж, вот придет—пусть выясняет»,—решила я. Однако странно тревожным было все это.

Справилась о Гулине.

— Еще день-два,—сказал мне врач.

Подождем. День-два не так и много. Едва положила трубку, раздался звонок:

— Тайгина? Наталья Борисовна!—голос начальственный, уверенный и чуть знакомый.

— Слушаю,—осторожно ответила, стараясь вспомнить, кому принадлежит валжаний баритон.

— Лебедев говорит...

А, Лебедев, знаю. Встречались в испоконке. Что за надобность ко мне?

— Наталья Борисовна,—голос Лебедева стал строгим и укоризненным,—что за дела у вас на «Радуге»? Ко мне жалобы идут, работу срывают...

— Вас информировали неверно,—воспользовалась я небольшой паузой.—Работу на станции мы не срывает, расследуем дело, которое поручено прокурором...

Лебедев перебил:

— Но вы дергаете людей, отрываете от работы, задаете нелепые вопросы, а сейчас —пожалуйста, опечатали склады.

— Я расследую дело.

— Ну какое там дело?—раздраженно сказал мой собеседник.—Посадили взяточника —и слава богу! Зачем же останавливать производство?

Я старалась говорить спокойно, хотя поднималась злость. Не успели еще приступить к ревизии —пожалуйста, нашлась защита! И довод какой—страдает производство! От ревизии ли оно страдает—надо разобраться.

— Простите, ревизия на станции необходима. А взяточником Гулина может признать только суд. Пока же не признал—и предложил провести новое расследование, что мы и делаем. Законным методом.

— И что же вы там нашли?

— Следствие только началось... — я мялась и решительно закончила: — И я не могу отвечать на ваши вопросы.

— Мне не можете отвечать?—в начальственном голосе появились безгильные нотки и ударение—на первом слове.

— Вам,—сухо сказала я.—И тоже в соответствии с законом.

— Придется ответить,—повысил голос Лебедев,—и не только мне!

— По всем вопросам прошу к прокурору,—твердо ответила я.—Не думаю, чтобы ваше вмешательство шло на пользу делу—и нашему, уголовному, и производственному.

Лебедев не попрощался, как, впрочем, и не поздоровался, бросил трубку. Огорченная разговором, я обдумывала его. Кроме неприятного осадка, он оставил у меня уверенность в том, что мы задели на «Радуге» сферы, проверка которых кому-то нежелательна. Оперативность проявлена разительная. Волна еще не сообщил мне о своих действиях, а исполкомовский Лебедев уже знает. И не просто знает—пытается помешать. Откровенная угроза слышалась в его обещаниях!

Ну уж нет. Не пройдет. Вспомнились его слова о преступнике—Гулине. Как уверен! А вот суд усумнился. Буйнов тоже. И я. Вообще в нашей работе сомнение—великая вещь и залог справедливости. Это несомневающиеся могут обвинить невиновного. От них, несомневающих, второе страшное зло—непогрешимость решения. Я буду сомневаться и искать.

Но другому дано право усомниться в правильности и моего решения. А если возникнет такое—новая и новая проверка.

Истина, вообще-то, скрытная особа, а если еще ей, как в наших делах, помогают укрыться? У нас не просто производство, а производство справедливости. Как же можно вот так, уверенно?..

280
Пришлось зайти к прокурору. Доклад мой не понадобился. Видимо, Лебедев звонил и ему. Я видела, что правое ухо Буйнова горит—он, когда сердился, так крепко прижимал трубку к уху, что оно краснело.

— Ничего, Наталья,—сказал он,—такие укусы беру на себя. Ты, видно, на правильном пути. Эта «Радуга», понятное дело, обслуживает многих подобных «адвокатов», так что защита объясняется просто, да в наши дни не поможет. Справимся. Ишь ты, зона вне проверок и критики. А вот что у тебя с потерпевшей вышло?

— Не можем разыскать потерпевшую.

— Как не можете?—удивился Буйнов.—Тут жалоба на тебя.

— От Любарской?

— Какая Любарская? От Сватко. Пишет, что беседовала ты с ней нетактично.

Значит, и Галина Михайловна возражает против моих действий! А я ее интересую вроде бы не затронула. Если только насчет личной жизни... Но все было тактично, и, собственно, ничего такого мы и не коснулись—не впустила меня Галина Михайловна в свою личную жизнь, но, поди ж ты, пожаловалась. Прокурору пришлось все-таки объяснить наши разногласия со Сватко.

— Давай-ка ты поосторожней,—посоветовал он.

В коридоре меня уже ждали: переводчица глухонемых и жена Гулина. Переводчица рассказала, что, по объяснению Тани, Любарская накануне куда-то уехала, попросив Таню недельку присмотреть за квартирой. Уехала на зеленой машине, той, что заезжала за ней раньше. Таня беспокоится, потому что Любарская была расстроена, а Таня ее любит.

— Таня не может что-то скрывать?—спросила я.

Переводчица даже руками замахала.

— Что вы, что вы, Таня очень правдивая, честная. Дитя, большое дитя,—добавила она.

Жена Гулина вошла в кабинет бочком, встала у моего стола, смотрела вопросительно. Увы, ничего не было для нее утешительного.

— Разберемся,—неопределенно сказала я, она кивнула в ответ и ушла, вновь оставив после себя жалость. О болезни ее мужа я опять умолчала.

Оставшись в кабинете одна, откинулась на стуле, сунула руки в карманы платья. Комочек бумаги зашуршал под пальцами. Вынула, расправила бумажку, вгляделась в напечатанные мною строки: «Саша... Больно...» Два слова, ставшие для меня равнозначными. А у той, что только что здесь была,—свое имя и своя боль... Мне не поможет никто. Уже не поможет. Смогу ли я помочь другой? Может быть, это и шло вразрез с устоявшимися уже, ставшими стереотипами представлениями о следователе—этаком всезнающем бодрячке-моралисте, но я о своей работе думала совсем иначе.

Я смотрела на смятый листок, поглаживала, размышляла. И—это уже профессиональное—мне стало казаться, что я видела где-то эти буквы. Вот кругляшок «о» на шрифте засорен, словно сеточкой подернут.

Где еще я могла видеть такое? Где?.. И вспомнила! Открыла заявление Любарской. Вот она, такая же паутинка, прикрывающая овал буквы!

Так заявление Любарской отпечатано на машинке юриста «Радуги»! Интересная картина. Конечно, для вывода нужна экспертиза, придется назначить, но для предположения достаточно видно сразу совпадения. Итак, обрадовалась я, мой поиск получает новое направление.

На телефонный звонок я бодро откликнулась в трубку, думая, что звонит Волна: — Да!

Ответил незнакомый мужской голос: грубый, нарочито спокойный, с заметным, хорошо различимым блатным акцентом:

— Не шурши, ищейка! Ты найдешь, тебя найдем, пойдешь на перо...

В ухо впились изойливые гудки отбоя, а я все держала трубку. Вот так. Третья неприятность с начала дня—много даже для меня. Удивительное дело: удачи посещают меня скромно и чаще в одиночку. Неприятности же приходят толпой, словно сговорившись. Впрочем, эти сегодняшние неприятности действительно могли сговориться. А посему следует их обдумать и проанализировать—не будет ли пользы для дела? Я отправилась на «Радугу».

ГЛАВА 8

НА СТАНЦИИ технического обслуживания автомобилей капитану Волне пришлось пробить дольше, чем он собирался.

У входа на станцию его поджидал Иванов, и капитан получил полую информацию о прошедшей ночи—все было тихо и спокойно. Хомин как убежал, так появился только утром на пересемке—хмурым и обиженный. Начальство «Радуги» давно уже на территории. Охранник подмигнул Волне:

— Не иначе, как готовятся к бою.

— И мы готовимся, отец, а как же. Не просто к бою, к наступлению,—ответил Волна.

Иванову хотелось выговориться, он удержал Волну за рукав:

— Учти, капитан, не одному мне порядки на станции надоели. Справедливость, гады, украли—вот что страшно. Души людские покупать стали, тьфу! И слаб человек бывает, продаются ведь души-то. Кто из жадности, кто из боязни...

Директор «Радуги» встретил известие о ревизии спокойно. Поморщился лишь, когда Волна сообщил, что опечатает склады.

— Только пара часов нужна, чтобы обеспечить цеха деталями из время,—попросил Шершевич.

Волна согласился:

— Строго по документам.

— Конечно,—Виктор Викторович смотрел укоризненно.—у нас иначе и не бывает.

В бухгалтерии уже сидел Радомский.

— Учет называется, — ворчал он, — табуляграммы отстают от жизни чуть не на месяц! Оперативность...

Радомскому помогли ревизоры — объем работы предстоял немалый.

Радомский коротко рассказал Волне о своих планах и наметках.

— А ваше дело сейчас, я уже говорил, батенька, приглядывать за станцией. Упустите, все пойдет насмарку—и ревизия, и прочие труды.

Ревизор как в воду глядел. Раздался вдруг телефонный звонок, и взволнованный женский голос зачастил:

— Милиция не у вас в бухгалтерии? Отправьте ихнего начальника к первому складу! Тут у нас драка идет.

И Волна побежал к первому складу. Женщина чуть переборщила, драки возле первого склада не было, но шел крупный разговор, не утихший при появлении капитана.

На молодого, тоненького, с длинными руками, смущенного донельзя парня нахраписто наступал молодой же, но плечистый мужчина в синем сатиновом халате.

— Я руки об тебя марать не стану, сейчас мужиков кликну, они тебе накладут,—шипел он,—больше всех тебе надо, что ли? Ответь, больше всех?

Парень помалкивал, отодвигался в сторону от выступавшего вперед живота, обтянутого синим сатином, и откровенно обрадовался, увидев оперуполномоченного.

— Теперь вот поговорим,—сказал он плечистому. Тот подобрал живот, оглянувшись на капитана, вытер ладонью потный лоб, зло сплюнул под ноги и направился к высоким двустворчатым дверям склада.

Наблюдавшие ссору рабочие вмиг заспешили. Не успел Волна оглянуться, как остался один на один с парнем, который обрел наконец дар речи.

— Антон Петрович, что же это делается? Обнаглели совсем субчики.

— Да что случилось?

— Мы вчера с вами решили: я за этим складом закреплен. Как член поста народного контроля. Сегодня с утра оживление в складах. Заметное весьма — парень многозначительно помолчал, поджав губы, — как и ожидал. Похоже, цеха наши запастись решили деталями на всю оставшуюся жизнь. И завскладом ничего не жалеет — сыплет как из рога изобилия. Я на прошлой неделе комплект поршневых колец не мог выпросить — ждет клиент третий месяц, все сроки вышли, стыд один. А сегодня — видали — в комиссионный магазин поршневые кольца отпускают! Нашли неликвиды! Я комплект просил, а они, вшь, машину прислали. А я не дал вывезти.

Возмущению парня не было границ. Волна понимал его. Поршневые кольца для двигателя — есть о чем говорить. Острый дефицит, так какие же тут неликвиды!

(Окончание следует)

К ЧЬИМ ВОРОТАМ прилаживать «Щит»?

ПОКА идея обретает крылья, много воды утечет. Эта жесткая закономерность оберегает нас от неоправданных новаций, хотя иногда и сводит на нет полезные начинания.

Идея—превратить пэтэушную секцию рукопашного боя в общественную правоохранительную организацию районного масштаба и готовить там молодежь к службе во внутренних и пограничных войсках—в борьбе за свое существование подобрала ключик не к одной бюрократической твердыне, обошла «на цыпочках» не одну строгую инструкцию. Отыскала она и пусть небогатых, но влиятельных спонсоров. Так и возник в Запорожье два года назад «Щит», а официально—школа резерва МВД УССР при Заводском РК ЛКСМ Украины.

Членами его координационного совета стали люди заинтересованные—представители районных органов внутренних дел и госбезопасности, партийного и комсомольского райкомов. Возглавил совет районный военком подполковник Леонид Иванович Трюхан. Кроме того, к нуждам «Щита» очень внимательно относятся председатель райисполкома Александр Васильевич Непомнящий и секретарь райкома партии Александр Павлович Бережной.

— Семь нянек—не всегда плохо,—улыбается начальник школы Александр Панченко.

Вот и результат: двадцать три парня служат, пятеро уволились в запас. Юра Ротань и Володя Нагурный попали в милицкое подразделение в Молдову и сразу стали там штатными инструкторами по рукопашному бою. Мнение их командира—такие очень нужны.

Да, многому научат сослуживцев питомцы Панченко. Если три вечера в неделю умножить на два года (столько занимались в «Щите» сегодняшние солдаты, а вообще программа рассчитана на три года), то понятно: выпускники «Щита» знают и умеют многое. Они еще курсантами участвуют в охране общественного порядка на территории района: дежурят в школах на молодежных вечерах, проводят рейды вместе с сотрудниками ГАИ и ОБХСС.

Два лета подряд «Щит» разворачивает

спортивно-трудовой лагерь. Рядом с курсантами—«трудные» ребята, направленные сюда решением районной комиссии по делам несовершеннолетних. Попробуйте совладать с группой подростков, отобранных словно по принципу неуправляемости! Но Панченко и его заместитель по оперативной работе Григорий Радаев «трудностей» не боятся и из методов воспитания секрета не делают. Хоть для многих малолетних правонарушителей поездка в спортивно-трудовой лагерь—последний шанс, жестких требований к ним немного: соблюдать устав и распорядок дня. «Срабатывает» острый интерес пацанов ко всему, что происходит в «Щите». Например, курсанты оттачивают приемы рукопашного боя, а для «перевоспитанников» только общая разминка: снимут с учета в милиции—приходи, тренируйся! Вечером—танцы для всех, кроме нарушителей режима. И в видеосалон им дорога заказана.

— Есть у нас и гауптвахта,—рассказывает Панченко.—Название впечатляет, а на самом деле это просто комната с одной кроватью. «Особо гадкого наглеца», драчливого кладем туда. Отлучение от всех—тоже мера наказания. Не помогает—мамепапе жаловаться не будем. Метелочку в руки—плац подметать, потом строевая подготовка... Устав поучит, Уголовный кодекс почитает—голова и просветлеет. Поймет—жить по-человечески лучше. Жестко? Может быть. Но лучше так, чем будет плакать по нему колония для несовершеннолетних.

Действительно, с непривычки армейский устав, да еще в дореформенной редакции, с нарядами на работы, в почти пионерском лагере выглядит, как кнут на витрине с пряниками. Но матери «трудных» идут к Панченко с просьбами «пристроить» своего оболтуса к правильным ребятам, а то пропадет».

Важное обстоятельство—здесь никто не попрекает мальчишку «прошлым». Это практически амнистия старым грехам, возможность подумать, как жить дальше. Например, Володю Лысова за примерное поведение в лагере сняли с учета в милиции и затем зачислили в «Щит», а этой весной призвали на службу в спортроту. Перед

уходом Володя спросил замполита «Щита» Д. Мыцу, как поступить в школу милиции.

— Значит, не зря работали,— рассказывает Дмитрий.— Цель у человека появилась. И мысль такая— в милиции работать— у вчерашнего «трудного» подростка честная, от сердца. Служи, говорю, и с нами связь не теряй, вернешься— поможем.

Другого парня— Сергея Ромаса— от постановки на учет удалось отстоять. На работу не берут: выпуск из ПТУ еще не скоро, а без профессии куда? И разве расквашешь малознакомым людям, что ты— сирота и что дома уже несколько дней есть нечего? Радаев был убежден— не присмотр инспектора по делам несовершеннолетних, а возможность честно заработать на хлеб спасет мальчишку от кривой дорожки, и сумел убедить в этом руководителей автоколонны, куда Сергея в конце концов удалось устроить.

Д А, «ЩИТ» перешагнул рамки первоначального замысла. Не только к службе— к жизни готовит он своих питомцев.

— Фанфар боюсь,— признался однажды Панченко.— «Комсомольская жизнь», местные газеты, Центральное телевидение— «120 минут», теперь вот вы приехали, а медные трубы не одну задумку продудели. Хвалить нас стали по привычке, в проблемы наши особо не вникая. Не случайно же замполит для таких гостей ведет папку с документацией. Приедет иной, бумагу полистаёт, по плечу нас похлопает, молодцы, мол,— и до свидания!

Что же беспокоит начальника «Щита», хоть и старается он не подавать виду?

Во-первых, слабая материальная база. В подвале— первом и на момент нашей встречи единственном учебном классе «Щита» — сорок стульев. И хотя по положению курсантом может стать практически любой юноша (а как исключение и девушка) старше пятнадцати лет, не имеющий конфликтов с милицией, на практике число их ограничено... количеством стульев. Постойт новичок в набитом классе три-четыре занятия, и ноги его не будет на «теории». Многие стараются приходить сразу к разминке, но ведь в программе не только рукопашный бой.

Во-вторых, неясный, расплывчатый статус. Положение о школе резерва МВД УССР «Щит» утверждено исполкомом районного (!) Совета народных депутатов, поэтому официально, юридически для отдела кадров или приемной комиссии факт обучения в «Щите» ничего не значит.

И наконец, главная проблема. Финансовая. Сейчас расходы «Щита» поровну несут райком комсомола и райисполком. Комсомол направил сюда часть прибыли хозрасчетных предприятий, Советская власть использует средства временного комитета по борьбе с преступностью. «Щит» тоже имеет право хозрасчетной деятельности, и предполагалось, что, встав на ноги, он

начнет сам зарабатывать на существование, но...

— Наш правоохранительный профиль составляет беречь чистые руки,— убежден Дмитрий Мыца.— Видеоденьги не для нас! Требовать плату за охрану общественного порядка— тот же ржкет. И с курсантов брать нельзя, иначе вынуждены будем свернуть все, кроме рукопашного боя: кто платит, тот и музыку заказывает, в нашем случае — программу определяет. Будут деньги— уйдет обстановка романтической игры, общественная значимость дела. Кто и зачем станет покупать право ходить с милицией в рейды? Из правоохранительной организации превратимся в заурядную «качалку», каких полно, но кто знает, кого и для чего там готовят? И где возьмет хотя бы пять-семь рублей тот же Сергей Ромас?

В «Щите» десять штатных работников: методисты, инструкторы, спортивный врач на полставки... Дети энтузиастов есть хотят не меньше, чем дети кооператоров, и предшественник Мыцы на посту замполита Борис Завадский ушел в ряды последних. Сохранять же низкую зарплату работающим здесь воспитателям — значит рубить идею под корень.

Заместитель начальника РОВД майор милиции Владимир Васильевич Пономарь считает «Щит» очень удачной, перспективной формой правового воспитания молодежи и профилактики правонарушений. При нынешней загруженности сотрудники милиции могут проводить только разовые, кампанийского характера мероприятия. Где нужна система, там не обойтись без людей вроде Панченко, Радаева, Мыцы— профессиональных воспитателей молодежи.

Как бы ни было хорошо у семи нянек, не заменят они родной матери. Панченко был в республиканском и Центральном Советах общества «Динамо», предлагал создать на базе «Щита» региональный центр подготовки инструкторов рукопашного боя для милиции и внутренних войск. Идею одобрили, но практически помочь не торопятся. Так кто же «усыновит» новаторов? Министерство внутренних дел Украины? Республиканский военкомат? Управление внутренних войск по Украинской ССР и ССР Молдова? Затраты окупятся — грядущая профессионализация войск предъявит жесткие требования к подготовке добровольцев, а «Щит» готов ее гарнизировать.

Дмитрий Мыца, развивая заложенные в основу «Щита» идеи, смотрит еще дальше. Ему видится суворовское училище для детей сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск. На мой взгляд, мысль достойна внимания и союзного министерства.

Только надо спешить, пока рыночные отношения не подорвали «Щиту» крепкие крылья.

Капитан В. ГЕРАЩЕНКО,
наш спецкор.

АФГАНИСТАН— ЭТО ВСЕГДА СЕГОДНЯ

В Киеве состоялся I слет воинов-интернационалистов подразделений и частей внутренних войск МВД СССР по Украинской ССР и ССР Молдова.

У каждого праздника—своя эмоциональная окраска. У этого она была с примесью горечи. И в дружеских объятиях не видевших много лет «афганцев», и в их улыбках, и в оживленных, непринужденных разговорах («А помнишь?..») невольно чувствовалась какая-то внутренняя сдержанность. Даже браваурные марши военного оркестра и величественная атрибутика главного зала музея не могли заглушить грустных оттенков.

С той долгой, почти десятилетней «афганской» войны не вернулись тысячи сынов нашей страны. Среди них—и представитель внутренних войск майор Анатолий Владимирович Лозовский. Большой храбростью, самоотверженностью отличался этот человек. Его профессиональное мастерство не раз помогало воинам выходить из жестоких переделок. Но в одной из операций против душманов оно не смогло уберечь самого Анатолия Владимировича от смертельной беды...

Чудом остался жив подполковник Геннадий Александрович Картуз. Душманская граната, ударившись о его сапог, упала в небольшую расщелину в скале и потому, взорвавшись, лишь контузила офицера.

Почти в безнадежной ситуации сумел вывести людей из окружения подполковник Юрий Борисович Дзюба, советник командира батальона по сопровождению грузов.

Проявив при аналогичных обстоятельствах огромное самообладание, мужество, спас от неминуемой гибели сослуживцев политработник майор Георгий Григорьевич Даценко...

Кандагар. Саланг. Гиндукуш. Герат. Хайратон. Джелалабад... Для воинов-интернационалистов это не просто географические понятия. Для них это места, политые потом и кровью.

Склоним головы перед светлой памятью погибших! Никогда и никому не умалить их героизма.

И воздадим должное живым!

Из разряда должного—Грамота Президиума Верховного Совета СССР воину-интернационалисту за мужество и воинскую доблесть, проявленные при выполнении интернационального долга в Республике

Афганистан, а также знак «Воину-интернационалисту». Эти награды вручил участникам слета начальник внутренних войск МВД СССР по Украинской ССР и ССР Молдова генерал-лейтенант Н. Алекса.

Большая часть из тех, кто прошел военными дорогами Афганистана, и сегодня находится в боевом строю. Во многом благодаря их честному и активному труду растет боевой потенциал наших частей, повышается их боевая готовность, происходит дальнейшее укрепление воинской дисциплины, организованности и порядка.

Воины-афганцы, используя свой боевой опыт, умело действуют при выполнении задач по охране общественного порядка в республиках Закавказья и Средней Азии, внесли и продолжают вносить весомый вклад в ликвидацию последствий аварии на ЧАЭС.

На слете четко вырисовывались как проблемы, касающиеся воинов-интернационалистов, так и задачи, требующие от них приложения сил.

— Нам важно сегодня не только показывать пример в исполнении служебных обязанностей,—отметил, выступая перед боевыми соратниками, полковник А. Сидякин, кавалер двух орденов Красной Звезды,—но и вести активную пропагандистскую работу среди армейской и гражданской молодежи. Слово фронтовика всегда было почитаемо. Мы никогда не проявляли малодушия в бою, не должны уходить от острых дискуссий и в мирной жизни. Нам надо чаще бывать в молодежной среде, вести здесь в прямой и честный разговор на самые злободневные темы.

Собравшиеся приняли Обращение ко всему личному составу внутренних войск региона.

Избранный на слете совет воинов-интернационалистов решил оказать семьям погибших материальную помощь.

Всего один день длился слет. Масса конcretsных дел ждет теперь его участников. Сочетая выполнение служебных обязанностей с общественной работой, они вносят свою лепту в общенародную борьбу за революционные преобразования в стране.

Капитан М. ГРИНЮК.

КОНКУРС ВОЙСКОВЫХ ВСЕЗНАЕК

ЕСЛИ ВАС
ИНТЕРЕСУЕТ
ВОЕННАЯ
ИСТОРИЯ

Прошлый конкурс эрудитов вызвал большой интерес у наших читателей, поэтому мы решили продолжить его, чуть изменив название (латинское «эрудит» можно перевести на русский как «всезнайка»). Предполагается провести несколько туров (по 3—4 заседания в каждом) приблизительно по таким темам: военная история; спорт; математические и логические задачи, головоломки; литература и искусство; культура речи.

За каждое правильно выполненное задание начисляются баллы. Поощрительные баллы получают участники, приславшие свои вопросы, оригинальные головоломки.

Победителей в конце года ждут призы—художественная литература (классика и современность), предметы художественных народных промыслов.

Итак, несколько заданий по военной истории.

1. Кто и когда основал регулярную армию в России?

2. Что такое Запорожская Сечь?

3. Когда появились знаки солдатской доблести? Какие знаки солдатской доблести вы знаете?

4. Поэт, военачальник, партизан — о ком это?

5. Какой советский орден был первым? Назовите военнослужащих внутренних войск, награжденных этим орденом.

6. Последовательно изменяя по одной букве так, чтобы получалось новое нарицательное существительное единственного числа именительного падежа (например: кот — кок — ток), превратить слово дуло в мина, слово наша в слово сила.

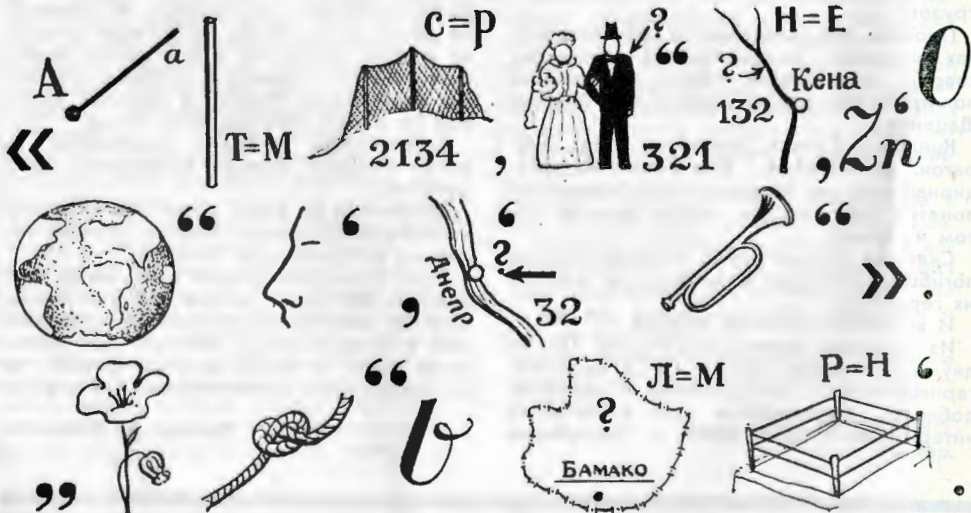
7. Две задачи из старинных рукописей:

Один воин вышел из города и проходил по 12 верст в день, а другой, выйдя одновременно, шел так: в 1-й день—одну версту, во 2-й—две, в 3-й—три и так прибавлял по одной версте в день, пока не догнал первого. Через сколько дней это произошло?

Прохожий, догнавший другого, спрашивает: «Далеко ли до деревни, которая впереди?» Тот отвечает: «Расстояние от той деревни, от которой идешь, равно третьей части всего расстояния между деревнями, а если пройдешь еще 2 версты, тогда будешь ровно посередине между деревнями». Сколько же верст еще идти до деревни?

8. Ребус.

Составила прапорщик Е. Сафонова.

СТОИТ ЛИ ОБИЖАТЬСЯ?

Многие сегодня обижаются — дескать, в слишком уже неприглядном виде изображают военнотружеников некоторые газеты, журналы, телепередачи. Но обиды не восстановят справедливости. Делом надо доказывать — не такие мы, как нас кое-кто представить пытается. И если не в масштабах страны, то в районе, городе или поселке, где располагается подразделение, только от нас самих зависит, какое мнение сложится о нас у окружающих.

У школьников, особенно завтрашних призывников, был, есть и будет интерес к службе. Поэтому наши комсомольцы организовали в окрестных селах клубы молодого воина. Наиболее подготовленные солдаты знакомят мальчишек с азами ратного дела, проводят для них уроки мужества, показательные выступления лучших строителей, спецназа.

У ветеранов войны — другие проблемы: трудно наколоть и принести дров, подсыпать дорожку перед домом. Разве не поможем?

Однажды мы пригласили в гости всех желающих. Призывники, их родители, младшие братишки и сестренки посмотрели на наш быт, оружие, бывали в комнате истории и боевой славы.

На территории части у памятника героям внутренних войск подшефная школа принимает ребятшек в пионеры, одна из дружин носит имя рядового Юрия Маликова, навечно зачисленного в списки подразделения. Ближе к лету рядом с частью разворачивает палатки военно-спортивный лагерь допризывной молодежи...

Капитан А. САБИТОВ,
секретарь комитета ВЛКСМ части.

ХОТЯ ПИСЬМО И НЕ ОПУБЛИКОВАНО

«...ЖАР ЧУЖИМИ РУКАМИ»

Можно понять обиду контролеров из глубинки, обратившихся в редакцию за помощью. Комбат, сообщил они, совместил обязанности начальника войскового наряда и контролера за расконвоированными и возложил их на одного человека, вместо того чтобы добиться выделения представителя администрации для контроля за осужденными. Чем не попытка, как говорится, загребать жар чужими руками? Авторы письма с болью рассказали и о давних бытовых проблемах.

На наш запрос офицер И. Валькив ответил, что факты, изложенные военнотружениками, в основном подтвердились. Незаконное решение отменено, произведен временный расчет выставления контролеров от фактической их численности, снижена служебная нагрузка. Кроме того, намечено выделить контролерам в декабре 1990 года две квартиры в новом доме и помочь с ремонтом жилья прапорщикам-холостякам.

НАША АНКЕТА

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ЧИТАТЕЛЯ

Уважаемые читатели! Приглашаем всех, кто выписывает и читает наш журнал, включиться в активный поиск путей его обновления. Нам, работникам редакции, важно знать, как воспринимаете вы характер перемены, наметившихся в журнале за последнее время, каким бы вы хотели его видеть в ближайшем будущем?

«С точки зрения читателя» — так мы и назвали анкету и надеемся, ваши ответы помогут журналистам точнее выбрать курс на перестройку в войсках, лучше сформировать облик нашего с вами издания в 1991 году.

Возможно, у вас появится желание дополнить анкету. Будем этому только рады.

1. Удовлетворяет ли вас в целом уровень публикаций журнала?

2. Стал ли, на ваш взгляд, журнал интереснее в последнее время? Почему?

3. Обсуждаете ли вы публикации журнала в своем кругу?

4. Как часто позиция редакции расходится с вашим мнением?

5. Какие материалы вы считаете наиболее удачными, назовите лучший из них в номере.

6. Кто из авторов нравится вам больше других?

7. Какие проблемы, на ваш взгляд, журнал освещает слабо? Ваши предложения, пожелания по его содержанию.

8. Соответствует ли «внешний вид» нашего издания требованиям сегодняшнего дня?

9. Верите ли вы в силу печатного слова? Назовите примеры действительности наших публикаций за последнее время.

Сообщите при желании о себе (должность, звание, возраст, место службы или работы, как давно выписываете журнал и другие данные, какие сочтете нужными).

После заполнения анкеты просим ее вырезать и отослать по адресу: 111250, г. Москва, Е-250, редакция журнала «На боевом посту».

КОНКУРС ВОЙСКОВЫХ ВСЕЗНАЕК

ЕСЛИ ВАС
ИНТЕРЕСУЕТ
ВОЕННАЯ
ИСТОРИЯ

Прошлый конкурс эрудитов вызвал большой интерес у наших читателей, поэтому мы решили продолжить его, чуть изменив название (латинское «эрудит» можно перевести на русский как «всезнайка»). Предполагается провести несколько туров (по 3—4 заседания в каждом) приблизительно по таким темам: военная история; спорт; математические и логические задачи, головоломки; литература и искусство; культура речи.

За каждое правильно выполненное задание начисляются баллы. Поощрительные баллы получают участники, приславшие свои вопросы, оригинальные головоломки.

Победителей в конце года ждут призы—художественная литература (классика и современность), предметы художественных народных промыслов.

Итак, несколько заданий по военной истории.

1. Кто и когда основал регулярную армию в России?

2. Что такое Запорожская Сечь?

3. Когда появились знаки солдатской доблести? Какие знаки солдатской доблести вы знаете?

4. Поэт, военачальник, партизан — о ком это?

5. Какой советский орден был первым? Назовите военнослужащих внутренних войск, награжденных этим орденом.

6. Последовательно изменяя по одной букве так, чтобы получалось новое нарицательное существительное единственного числа именительного падежа (например: кот — кок — ток), превратить слово дуло в мина, слово наша в слово сила.

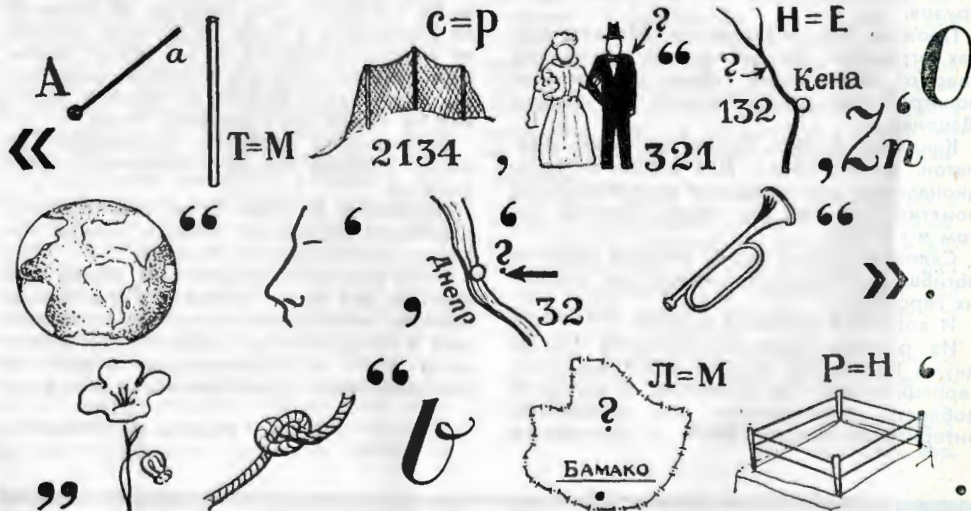
7. Две задачи из старинных рукописей:

Один воин вышел из города и проходил по 12 верст в день, а другой, выйдя одновременно, шел так: в 1-й день—одну версту, во 2-й—две, в 3-й—три и так прибавлял по одной версте в день, пока не догнал первого. Через сколько дней это произошло?

Прохожий, догнавший другого, спрашивает: «Далеко ли до деревни, которая впереди?» Тот отвечает: «Расстояние от той деревни, от которой идешь, равно третьей части всего расстояния между деревнями, а если пройдешь еще 2 версты, тогда будешь ровно посередине между деревнями». Сколько же верст еще идти до деревни?

8. Ребус.

Составила прапорщик Е. Сафонова.

СТОИТ ЛИ ОБИЖАТЬСЯ?

Многие сегодня обижаются — дескать, в слишком уже неприглядном виде изображают военнослужащих некоторые газеты, журналы, телепередачи. Но обиды не восстанавливают справедливости. Делом надо доказывать — не такие мы, как нас кое-кто представить пытается. И если не в масштабах страны, то в районе, городе или поселке, где располагается подразделение, только от нас самих зависит, какое мнение сложится о нас у окружающих.

У школьников, особенно завтрашних призывников, был, есть и будет интерес к службе. Поэтому наши комсомольцы организовали в окрестных селах клубы молодого воина. Наиболее подготовленные солдаты знакомят мальчишек с азами ратного дела, проводят для них уроки мужества, показательные выступления лучших строевиков, спецназа.

У ветеранов войны — другие проблемы: трудно наколоть и принести дров, подсыпать дорожку перед домом. Разве не поможем?

Однажды мы пригласили в гости всех желающих. Призывники, их родители, младшие братишки и сестренки посмотрели на наш быт, оружие, бывали в комнате истории и боевой славы.

На территории части у памятника героям внутренних войск подшефная школа принимает ребятшек в пионеры, одна из дружин носит имя рядового Юрия Маликова, навечно зачисленного в списки подразделения. Ближе к лету рядом с частью разворачивает палатки военно-спортивный лагерь допризывной молодежи...

Капитан А. САБИТОВ,
секретарь комитета ВЛКСМ части.

ХОТЯ ПИСЬМО И НЕ ОПУБЛИКОВАНО

«...ЖАР ЧУЖИМИ РУКАМИ»

Можно понять обиду контролеров из глубинки, обратившихся в редакцию за помощью. Комбат, сообщали они, совместил обязанности начальника войскового наряда и контролера за расконвоированными и возложил их на одного человека, вместо того чтобы добиться выделения представителя администрации для контроля за осужденными. Чем не попытка, как говорится, загребать жар чужими руками? Авторы письма с болью рассказали и о давних бытовых проблемах.

На наш запрос офицер И. Валькив ответил, что факты, изложенные военнослужащими, в основном подтвердились. Незаконное решение отменено, произведен временный расчет выставления контролеров от фактической их численности, снижена служебная нагрузка. Кроме того, намечено выделить контролерам в декабре 1990 года две квартиры в новом доме и помочь с ремонтом жилья прапорщикам-холостякам.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ЧИТАТЕЛЯ

Уважаемые читатели! Приглашаем всех, кто выписывает и читает наш журнал, включиться в активный поиск путей его обновления. Нам, работникам редакции, важно знать, как воспринимаете вы характер перемены, наметившихся в журнале за последнее время, каким бы вы хотели его видеть в ближайшем будущем?

«С точки зрения читателя» — так мы и назвали анкету и надеемся, ваши ответы помогут журналистам точнее выбрать курс на перестройку в войсках, лучше сформировать облик нашего с вами издания в 1991 году.

Возможно, у вас появится желание дополнить анкету. Будем этому только рады.

1. Удовлетворяет ли вас в целом уровень публикаций журнала?

2. Стал ли, на ваш взгляд, журнал интереснее в последнее время? Почему?

3. Обсуждаете ли вы публикации журнала в своем кругу?

4. Как часто позиция редакции расходится с вашим мнением?

5. Какие материалы вы считаете наиболее удачными, назовите лучший из них в номере.

6. Кто из авторов нравится вам больше других?

7. Какие проблемы, на ваш взгляд, журнал освещает слабо? Ваши предложения, пожелания по его содержанию.

8. Соответствует ли «внешний вид» нашего издания требованиям сегодняшнего дня?

9. Верите ли вы в силу печатного слова? Назовите примеры действительности наших публикаций за последнее время.

Сообщите при желании о себе (должность, звание, возраст, место службы или работы, как давно выписываете журнал и другие данные, какие сочтете нужными).

После заполнения анкеты просим ее вырезать и отослать по адресу: 111250, г. Москва, Е-250, редакция журнала «На боевом посту».

СОДЕРЖАНИЕ

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ	1
■ ГОВОРЯТ ДЕЛЕГАТЫ XXVIII СЪЕЗДА КПСС	
ЧАЙКОВСКИЙ А. «Все решится в первичках»	20
■ ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	
ВИХРЕНКО Н. Откуда ждать ласточек..?	22
■ РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ФАКТОМ	
УШАР А. «Подайте ротному...»	25
■ ОЧЕРК. ПУБЛИЦИСТИКА	
ШАФАРЕВИЧ И. Есть ли будущее у России?	6
БУЛГАКОВ Б. Отверженные	14
КУЗЬМИН С. Письма или легенды?	39
ВОРОБЬЕВСКИЙ Ю. Коо-пираты	50
НАГОРНЫЙ В. Польша	54
ГЕРАЩЕНКО В. К чьим воротам прилаживать «Щит»? 91	
■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ	
ГУРОВ А., РЯБИНИН В. Исповедь «вора в законе» (опыт литературного исследования, продолжение)	58
ЖУКОВ В. Очищение (рассказ)	70
АРЕСТОВА Л. Дополнительное расследование (повесть, начало)	76
ГОНЧАРОВ В. Победоносец (поэма, окончание)	28
Конкурс войсковых всезнаек	94
Наша анкета	95

Азербайджанское село Баганис-Айрум находится на границе с Арменией. В августе экстремисты предприняли атаку на него. Бой приняла застава воинов внутренних войск. На стороне боевиков был численный перевес. Солдаты и офицеры противопоставили им мужество, самоотверженность, стойкость.

В. КАРПОВ.
«Бой в Баганис-Айруме».

Архивы хранят документы, проливающие свет на весь ход строительства № 507, как, впрочем, и № 508, от решения о них и до закрытия. Из документов мы узнаем много такого, что, прямо скажем, уличает авторов «Комсомолки» в неумеренной фантазии.

С. КУЗЬМИН.

«Истину не ловят на лету».

Доедая под надоедливый треп сокамерника «шрапнель», я еле сдерживался от желания вмазать ему по хавалу. Конечно, можно было и ошибиться, заподозрив в нем подсадную «утку». Случается, чутье подводит. Что ж, поглядим.

А. ГУРОВ, В. РЯБИНИН.
«Исповедь «вора в законе».

Художественное оформление **Е. К. Селиновой.**

Технический редактор **И. В. Володина.**

Корректоры **Е. Ю. Гаврилова, И. Ю. Семибратова.**

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250.
Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: войсковой жизни — 361-85-23, партийной жизни и военно-патриотического воспитания молодежи — 361-81-54, пропаганды — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-39, художественного оформления — 361-85-21, издательства (вопросы подписки) — 361-80-97, бухгалтерии — 361-85-80.

Сдано в набор 5.09.90 г.
Формат бумаги 70×108^{1/8}.
Уч.-изд. л. 13,3.

Тираж 130 000 экз.

Подписано к печати 19.10.90 г.
Усл. печ. л. 8,4+вкл. 1/4 п. л.
Зак. № 2479. Цена 55 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38,

613015, КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ,
Г. НОВОВЯТСК,
УЛ. СОВЕТСКАЯ, 28
ТЕЛЕФОН КОММУТАТОРА:
9-45-00

Выпускаем ЛЫЖИ ДЛЯ ВСЕХ Нововятский лыжный комбинат

Нововятский ордена Трудового Красного Знамени лыжный комбинат — крупнейшее предприятие страны по выпуску лыж — более 2,5 млн. пар в год — такой объем производимой здесь продукции. Лыжи самого широкого ассортимента — спортивно-беговые «Рекорд», «Быстрица», «Ветерок», детские «Снежок», «Малыш», промысловые «Охотника», гоночные «Россия», как говорится, на

любой вкус, — отличаются высоким уровнем художественного оформления, отделочными лаками и красками. Комбинат расположен на левом берегу Вятки в районе г. Кирова. Более половины работающих на предприятии — молодежь в возрасте до 35 лет. Это отделочники, склейщики, шлифовщики, станочники, деревообрабатывающих цехов.

Просторные цехи с современным оборудованием, удобными бытовыми помеще-

щениями, новая столовая — приметы заботливого отношения к людям. При комбинате имеются профилакторий, Дом культуры «Россия», Фирменный магазин «Новая Вятка», детский клуб «Лыжник».

Комбинату требуются рабочие различных специальностей юноши и девушки. Если вы желаете участвовать в производстве пользующейся большим спросом продукции, Нововятский комбинат обещает вам жилье в благоустроенном общежитии. Средняя заработная плата 280—300 рублей.

«СЛАВУТИЧ 51ТЦ-311 Д»

В основе конструкции телевизора — пять модулей: радиоканала, цветности, строчной и кадровой разверток, электропитания.

Размер экрана по диагонали — 51 см.

Потребляемая мощность от сети — не более 60 Вт.

Диапазон воспроизводимых звуковых частот — не менее 100—10 000 Гц.

Розничная цена — 645 рублей.

КИЕВСКИЕ ТЕЛЕВИЗОРЫ
Славутич

унифицированные стационарные полупроводниково-интегральные телевизоры для приема цветных и черно-белых передач в метровом и дециметровом диапазонах волн

«СЛАВУТИЧ Ц-281 Д»

В конструктивном решении телевизора использованы интегральные микросхемы, электронная система выбора программ, что позволило повысить надежность телевизора, уменьшить его массу и габариты. Кинескоп с самосвечением лучей обеспечивает высокое качество изображения, бестрансформаторная схема питания исключает необходимость применения стабилизатора напряжения.

Размер экрана по диагонали — 61 см.

Потребляемая мощность — 80 Вт.

Диапазон воспроизводимых звуковых частот — 80—12500 Гц.

Розничная цена — 755 рублей.

252096, Киев-96,
 ПО «Киевский
 радиозавод»